

**КОНСТАНТИН
ЕЖОВ**

Время перемен

2017

Annotation

Про человека попавшего в тело Ивана "Грозного". Это относится скорее к альистории. Как будет идти выкладка, покажет время. Текст пожалуй тяжеловат. Экшена тоже маловато. Рояли в наличии. Куда уж без них.///Книга закончена.

Ежов Константин Владимирович

Время перемен

Был солнечный тёплый день пятого сентября. Вчера был мой день рождения. Вот мне уже и тридцать. Только грустно в моей жизни. Хочется чего-то такого немыслимого. А есть обычные тягучие и заполненные всякой мелочью дни. Даже вот не женат. Да и где найти хорошую и красивую жену? Вокруг только красивые стервы или хорошие и добрые, но страшные.

Вот, я решил, пару дней, после дня рождения, не выходить на работу и взял отгулы. С утра показалось хорошей идеей взять палатку и всяких продуктов, да выехать с ночёвкой на реку. Сажу теперь, как дурак. И смакогон греется и шашлыки стынют, а не тянет пить. Думал так, нажрись как свинья и отступит эта серая и унылая реальность. Нет, не подумайте, я не пьяница. Просто муторно на душе. Вот и сажу на раскладном стуле перед таким же столом.

На столе стоит запотевший стопарик чистейшей, как слеза, пока ещё холодной, самогоночки, шашлычок на шампуре и огурчик свежий порезан, и помидорчик. Рядом речка и тишина. Картина должна бы радовать, а нет.

Душа бунтует и противится. Як тако возможно. Пить одному, как последнему забулдыжнику. Душа требовала общения. Ну, где ей найти напарника.

Зря я так думал. Буквально тут же, на берегу нарисовался, такой колоритный дедок, с удочкой. Огромная, но аккуратно ухоженная, борода серебристого цвета, от седины. Идёт себе не спеша по берегу. Я тут понимаешь, погибаю уже.

— Извините, что спрашиваю, — только и успел сказать.

— Да ты не извиняйся милок, лучше говори.

— Э... Уважаемый.

— Ежели ты ко мне с уважением, так я завсегда рад помочь. Меня, кстати, Петром кличут.

— Э... Петр, вы о чём?

— Я про то, что пора уже наливать, а не ляды точить.

— А почему вы решили, что я вас приглашу?

— Я же вижу, ты человек с понятием. Вона как поляну накрыл, а сидишь один. По всему видно не алкаш какой-то, да и на бомжа не похошь. Значит, что?

— Что?

— Напарник тебе нужен, для беседы задушевной.

— Ну, Пётр, не знаю как по батюшке вас, ну, удивили. Присаживайтесь. С таким мудрым собеседником и поговорить не грех, ну, и выпить заодно. Меня Кириллом зовут.

— Назарович, я по батюшке. Наливай и мне. Хлопнем по рюмашечке.

Я не заставил себя ждать. Достал второй стопарик, да и налил по рубчик. В компании масть пошла и хорошо пошла.

Помолчали мы маленько, да и повторили, а затем уж и разговор пошёл.

— Вот смотрю я на тебя Кирилл и удивляюсь. Почто такой молодой здоровый и здесь один и оказался?

— Да, понимаете, Пётр Назарович. Устал от будничной серости. А хочется сделать великое.

— Да надо ли тебе это великое? Вон, смотрю, кольца на руке нет. Лучше бы женился,

детишек завёл.

— Не встретил пока своей половинки. Хочется вот влюбиться, чтоб раз и навсегда. Да, вот не сподобился.

— Ну, а друзья как же?

— А что друзья. Друзья, как известно, познаются в беде. Вот и случилась однажды в моей жизни беда.... Одним словом нет у меня человека, которого, я с чистой совестью, назвал бы другом.

— Да.... Эх тебя жизнь то потрепала. А вот придут к тебе приключение и великое, не спужашся?

— Да, я бать, не из робкого десятка, только где оно немыслимое.

— Все-то вам молодым весь мир перевернуть. Нет, чтобы подумать. Если очень хочешь, может что и исполнится. Ладно, бывай.

Я и не заметил, как за степенным разговором завечерело. Хоть и выпили мы на двоих немного, но меня на солнце совсем развезло. Чтобы хоть как-то освежиться и развеять хмель, решил искупнуться.

Прямо с берега, и нырнул в реку, щучкой. Вода, неожиданно, оказалась обжигающе ледяной. Всё тело охватила судорога, и я бессильно стал тонуть. Хуже всего было то, что был на берегу-то один, и спасти меня просто было некому. Если и хватятся меня, то только завтра.

На какое-то мгновение я потерял сознание. Оно вернулось ко мне, когда в легкие попала вода, и мою грудь от этого стало буквально разрывать. Вдруг чьи-то сильные руки схватили меня и потащили вверх.

— Это, наверное, Пётр Назарович вернулся.

Сколько же радости было от этой мысли. От мысли, что хоть кому-то на этом свете, хоть чуть-чуть ещё нужен. Как же блаженен был вздох, который я втянул, когда меня вытащили на поверхность.

Тащил меня какой-то бородатый мужик огромного роста. Что за путешествие Гулливера в России? Почему он такой гигантский? Таких же не бывает. Я где вообще?

Ну и попытался извернуться и посмотреть на берег. Это удалось. От чего мне поплохело. Это был чужой берег. Где палатка? Кто сожрал шашлык!?

В этот момент я увидел берёзы. Самые обыкновенные берёзы. Вот тогда до меня дошло. Это не мужик был большой, а я маленький. Более того, я был трезв.

— Прочистил мозги, называется. — Пронеслась мысль.

По берегу бегала куча народу. Какой-то мужик причитал. Бабы, так вообще голосили. Вся эта толпа хаотично передвигалась из стороны в сторону. Видно, что мужику, вытаскивающему меня, дают какие-то советы. По-каковски говорят, было не понятно.

Чьи-то сильные руки подхватили и вытащили. Меня начало колотить. Тут же, кто-то стал укутывать, но всё равно зуб на зуб не попадал.

— Господи, да где же я? Куда меня занесло? Кто это вокруг? Почему я маленький!?

Я попытался спросить, но из уст вырвался только вопль. Тут-то и упала адреналиновая волна. В глазах потемнело, и я провалился в краткое забвение.

Когда же очнулся, мы уже куда-то ехали. Я толком не мог даже пошевелиться. Все мои рефлексы, были рефлексами взрослого человека. Управлять же мне нужно было детским телом. По этой же причине не получалось толком говорить. От бессилия я разревелся, как сопливый мальчишка, кем собственно и был.

Плачь не плачь, а мысль о том, что надо всё-таки определиться, где нахожусь, помогла собраться. Да и собственно, кем я стал? Сколько же мне лет!?

Стал прислушиваться к разговору. Редкие фразы были отдаленно похожи на русский.

— Точно, это же русский. Только старый. — Понял я.

Это, в какие же времена так говорили. Лингвистом я не был. По речи, в какое время меня занесло, догадаться не мог.

— Может это сектанты какие, а время наше. Тогда почему я маленький?

Мы въехали в какую-то деревушку. Окружающие назвали её почему-то Москва. Гонят наверно. Что я, в Москве не был.

— А может это и правда Москва. Только старая, ну до того.... До чего, не мог придумать. — Одно слово, запутался в своих мыслях.

— Должно же быть хоть что-то узнаваемое — С тоской подумал я.

Сначала мы преодолели ров с водой и проехали земляной вал. Было видно, что на месте земляного вала уже начали возводить кирпичные стены. Частично они даже его заменили. Странное зрелище. Новые укрепления уже строятся, а старые ещё не снесены. Жизнь явно кипела в этом городе.

Что-то смутное забрезжило, когда я увидел крепость из красного кирпича. Чем-то она походила на Московский Кремль. Только вот башни были не остроконечные. Соответственно не то, что звёзд не было, даже перспектив орлов не наблюдалось. Башни были покрыты простым деревянным шатром.

— Может, в какую параллельную реальность попал. — Тут же подумал я.

В пользу этой версии говорило отсутствие Красной площади. Там, где она вроде должна была быть, был глубокий ров, заполненный водой. Попасть в эту крепость можно было только по подъемным мостам, проездных башен.

Весь вид у крепости скорее был суровым, а не открыточным, как у Московского Кремля. Однако она не имела угрюмого вида, как многие европейские замки, благодаря своим новым храмам с блестящими главами и нарядным дворцовым палатам с пестрыми кровлями, живописно поднимавшимися за укреплениями.

Весь наш не маленький караван проследовал к каменным палатам. Из них выбежали ещё люди, и поднялась безумная суeta. Меня подхватили и куда-то потащили. Кто-то всё время причитал, и наконец, внесли в какие-то покои. Тут же, появился какой-то мужчина, по виду иностранец, который стал ощупывать тело.

— Что я ему, девка! Чего меня щупать! — Хотел возмутиться, но только опять промычал, что-то нечленораздельное.

— Может это доктор? Тогда ладно, пущай. — С грустью подумал я.

По словам доктора, Великий князь был здоров. Только слегка не в себе, но это пройдёт, и он снова заговорит. Эх, мне бы его уверенность.

В палату ворвалась какая-то красивая и стройная женщина. В миг все перед нею расступились. Быстрым шагом, приблизившись ко мне, она, порывистым движением опустилась на колени, и заглянула мне в глаза.

По-видимому, найдя в них то, что искала, крепко прижала меня к своей груди. Если вы помните ощущение от прикосновения своей матери, вы поймёте, что я испытал, в тот момент. Это была она, моя МАМА. Я расплакался, от охватившего меня счастья.

В последующие дни, наконец, узнал, кем оказался. Моей матерью была Елена Глинская, а я соответственно её сыном. Звали меня Иван. ИВАН IV, но ещё далеко не "Грозный", а совсем ещё ребёнок, пяти лет отроду.

Попал я в этот мир 26 августа 1535 года от Рождества Христова по Юлианскому календарю.

Мы с будущим царём родились в один день, подозреваю, что и в один час, только через столетия.

Ох Пётр...Ох Назаров сын... Чужало моё сердце ещё тогда неладное. Не обошлось здесь без него. Только вот беда, что я мог теперь сделать. Ведь сам просил немыслимое. Ведь сам хотел свершить великое. Получите и распишитесь.

Думал ли, что так случится, когда трепался языком. Будьте бдительны! Если вдруг встретите этого проходимца, передайте привет ему от, теперь уже, Ивана сына Василия. Эх, да погорячей бы, но уж как сможете.

Город был действительно Москвой, но как же она не походила на ту, которую знал.

Интересно, я, оказался в прошлом своей страны или все-таки в другом мире. Кто бы мне сказал.

С одной стороны, конечно повезло. Сильно ли вы обратите внимание на поведение 5-ти летнего ребенка? Тут ещё на детский испуг можно списать все несуразности. Даже то, что мне пришлось, почти заново, ходить учиться. Привыкать говорить по-здешнему.

Больше всего проблем доставляло то, что я поначалу никого не знал. Правила поведения, вообще тёмный лес.

По мере того как начинал помаленьку общаться, всё больше узнавал про окружающий мир. Понятно, что меня всерьёз не воспринимали, но если чего спрашивал, рассказывали.

Поначалу, правда, больше сочувственно поглядывали. А, вот, заговорил и вроде как ничего.

Больше всего доставали всякие мамки и опекуны. Нигде от них покоя не было. Хотелось побегать и поиграть. Фигушки. "Великому Князю неуместно сие поведение", тьфу. Ну, какое тут детство?

Хуже всего, когда опекунам просто лень куда-нибудь идти. Тысячу причин придумают, почему мне это нельзя. Гады!

Как бы не ставили палки в колёса, я узнавал много всего интересного. Сколько же про Кремль выяснил. Оказывается, укрепляя Кремль, итальянские зодчие использовали и весь опыт римских фортификаторов: стены и башни располагались по заветам хитроумного Витрувия: "Надо, чтобы башни прерывали ход по стенам; если неприятель завладеет одной частью стены, остальные были бы от него отрезаны". Каждая башня являлась самостоятельной крепостью: отняв приставную лестницу, гарнизон наглухо замыкался в каменной ограде, но в случае необходимости мог скрыться потайными ходами. Круглые башни, если их заполнить землей, оказывали громадное сопротивление снарядам. Кроме того, у них нельзя было разрушить углы, как в квадратных башнях.

А вот то, что иностранные "муроли" (архитекторы), прежде чем приступить к работам, должны были поехать по другим городам, чтобы познакомиться с русским зодчеством, я и не догадывался.

Китай- город называли так не потому, что там китайцев много жило, и к Китаю ни какого отношения не имел! В эти времена это государство именовалось Катай (степи Монголии, северный Китай) или Чина (современный Южный Китай).

Название района происходит от старого слова "кита", то есть вязка жердей, которые применялись при постройке укреплений, вот так-то. Тот самый земляной вал, а я-то думал.

Вообще, вся оборона Москвы опиралась на Московский Кремль. Он представлял собой систему надежных и сильно вооруженных башен, контролирующих окружающее пространство. Стены идут с небольшим изломом, башни же несколько выдвинуты вперед. Благодаря этому с каждой стрельницы во время осадного боя можно было наблюдать за положением на соседних башнях и своевременно оказывать им помощь.

Внутри башни были разделены сводами и деревянными настилами на несколько ярусов и имели хитро расположенные друг над другом амбразуры. Приспособленные для верхнего, среднего и нижнего боя, они располагались так, что никто не мог укрыться, притаившись у стены, или скрытно подобраться к ней. Сверх того, были устроены и навесные бойницы, а наверху башни заканчивались боевыми площадками, прикрытыми деревянными навесами, что придавало им еще более суровый вид.

Под стенами, башнями, храмами и другими постройками нового Кремля были устроены подземные ходы и водоемы, сводчатые погреба и кладовые для хранения пороха, оружия и других запасов.

Загадка исчезновения Красной Площади разрешилась ещё проще. Её ещё не построили. Не было и собора Василия Блаженного. Его я как-то ещё не успел построить. Вот мать его иди. И как быть? Строить мне его или нет? Красивый зараза! Построю, однако, как вырасту конечно.

Когда в Кремле завершились каменные работы, в 1508 году итальянский мастер Алевиз Фрязин поднял шлюз на реке Неглинной и бурный поток наполнил ров, прорезавший всю будущую Красную площадь, не названную ещё даже Пожаром, от Неглинной до Москвы-реки. Кремль, окруженный с трех сторон водной преградой (Москва-река, Неглинная и ров, на

пустыре, часть из которого, в дальнейшем, назовут Красной площадью.), стал возвышаться как неприступный замок на острове.

Вот через этот ров мы и переезжали, чтобы попасть в Кремль. Вид, кстати, был весьма живописный. Может устроить Красную Площадь так, чтобы сохранить ров? Вот не было печали.

Строящуюся стену, которую мы наблюдали, начали строить этой весной. 16 мая 1535 года состоялась торжественная закладка её из камня, причём первые в фундамент заложил митрополит Даниил. Строительством стены руководил итальянец Петрок Малый Фрязин, который возводил её по последнему слову тогдашней фортификационной науки, с учётом развившейся артиллерии, что особо бросается в глаза при сравнении с Кремлевскими укреплениями: стены Китай-города были ниже, но зато толще, с площадками, рассчитанными на орудийные лафеты.

Эта стена должна была заменить старые укрепления и стать оградой Китай-города. Собственно, предыдущие были сооружены весной 1534 года, причем в работе участвовали все москвичи, кроме наиболее знатных и видных.

Они в свою очередь заменили обветшавшие и ограждавшие меньшую площадь, сооружённые в 1394 году, когда в ожидании нашествия Тамерлана, вокруг посада стали спешно рыть ров по линии нынешнего Большого Черкасского-Владимирского-Псковского переулков. На протяжении более чем столетия он был единственной защитой посада.

Остальная Москва представляла собой довольно жалкое зрелище. Сплошь деревянная, она постоянно страдала от пожаров и вновь отстраивалась.

Я не был историком и поэтому не мог понять, было ли это в моей истории. По мне так это не важно. Здесь и сейчас вершилась история. Каким быть государству Российскому.

На самом деле Иван "Грозный" наделал делов. Хотя, по большому счёту только Ливонская война была ошибкой. Вернее не сама война, а наши амбиции на ней.

Получалось, что мне нужно было оказаться, по крайней мере, не хуже его. Эх, руки зачесались. Ух, я им, а пока мне, несётся отовсюду, неуместно такое.

Да, что же это! Как от этих всех нянек избавиться, ну, или хотя бы сократить.

Вот в Кремль возвращаться никогда не хотелось. Атмосфера интриг и подковерной борьбы бойцовских бульдогов, там не выветривалась. Борьба за власть не прекращалась на минуту. Схватки возникали по любому поводу, даже по самому незначительному. Никто не хотел уступать.

Ладно бы в открытую ругались, а нет. Всё чинно и степенно, а посмотришь, да перекрестишься. Потом, чисто для пользы для, прихватишь ножичек. Вдруг сподобится, ближнему своему, поднять содержание железа в крови, ножичком в спину.

Вот так степенно, за учёбой, в атмосфере постоянных интриг и прошёл ещё год. Был уже 1536 год. Сегодня мне исполнялось 6 лет. Бездеятельность угнетала. Нужно было, что-то делать с этим. Как же хотелось хоть каплю самостоятельности.

В Москве её не дадут. Тут, я вообще аргумент в борьбе за власть. Причём все думают, что именно они знают, что для меня лучше. Валить надо отсюда, да побыстрее. Какой бы предлог-то придумать, чтобы не развалился о слова, что маленький ещё.

Что делать, без одобрения матери ничего не получится. Пристал я к ней и стал канючить. Отпусти, мол, в Коломенское. Поиграться бы мне, а тут только эти бирюки из знатных родов.

— Тебе учиться надо. Да и неуместно Великому князю с простолюдинами якшаться.

Учись быть с ближними своими слугами.

— Мам, ну мам, я учиться и там могу. Ко мне ведь и боярских детей прислать можно. Только не родовитых, чтоб не мерились, кто из них родовитей и на что имеет больше прав, а лучше осиротевших. Заодно их родам поможем. Они совсем не безродные, а если они со мной учиться тоже будут, так совсем хорошо. Играть будем вместе, ну и учиться.

— Вот это, ну и учиться, меня и смущает. Вдруг распустят тебя там, без пригляда, аль вообще, непотребствам учить будут.

— Так недалеко ведь. Завсегда приехать можно. Ещё мам, мне бы придумки какие сделать.

— Так скажешь, сделают.

— Вдруг дорого будет, или мастер, какой нужен, а может, куда съездить захочется.

— Ты Великий князь. Будет у тебя казна. Вот съездить, забудь.

— Мам, ну можно? С охраной.

— Вообще, что я тут с тобой разговариваю. Марш к себе. Ишь, чего удумал. Игаться ему охота.

Я же от бессилия расплакался и ухватился за подол матери.

— Мам, ну пожалуйста! Мам, я очень тебя люблю. Я буду тебя слушаться.

— Ну что с ним делать. Запомни сынок. Мужчины не плачут. Ты у меня кто? Правильно, мужчина, но ещё и Великий князь. Что подумают, когда увидят тебя плачущего?

— Я больше не буду. Честно-пречестно. Никогда больше. Только не умирай, МАМ. Не оставляй меня. — Сказал, вдруг вспомнив, что недолго она ещё будет править.

— Что ты такое говоришь сынок. — С этими словами она опустилась на колени, и плача стала целовать моё лицо.

Вот так, детские слёзы и не вовремя сказанные слова, сделали своё дело.

Прошло уже два года. Мне на прошлой неделе стукнуло уже восемь лет. Казалось бы, прошло уже много времени. Быстро сказка сказывается, да не быстро дело делается.

Это я по наивности думал, что вот съеду с Москвы и всё, свобода, делай что хочешь. Ан нет. Всяких няnek только больше стало. Ещё и соглядатаи, от видных боярских родов. Вдруг здесь чего удумают, и без них. Детей из осиротевших родов почитай и не было. Вместо них бояре натолкали княжеских детишек, да из родов познатнее.

— Ты куда прешь! Сначала старшие идут, затем младшие, всё по счёту.

— Это вы-то, Жеря, старшие. Да не в жисть. Мы, Велико-гагенские, ничуть не ниже вас. Это вы вон, Двишнекову говорите.

Диалог почти стандартный, каждодневный. Ругаются кстати не малолетние князья, а их няньки. Первые двое, из старшей ветви потомства Владимира Мономаха. А вот третий, как раз из сирот, откуда-то с Рязанщины. Ей богу, будь моя воля, "Опричнина" прямо тут бы и началась. Вот не думал, что в шесть лет стану так ненавидеть.

— Я сказал без мест — Вмешался в очередной раз я.

Нет, меня, конечно, не послали, пусть бы только попробовали, но поморщились сильно. А вот на моих няnek посмотрели как на врагов. Почто де, мол, ни чему толковому меня не учат. Мои же делали вид, что их сии приземлённые материи не касаются. Как всегда княжеских няnek такое положение дел не устроило.

— Смиловись государь! Как можно без мест. Это же поругание всех наших традиций.

— Молча, сказано без мест, значит без мест. И не будет от такого ни кому поругания, и тем более всему роду.

— Государь как же так? Не было такого испокон веку. Деды наши жили по счёту, отцы, и нам заповедовали.

Нет, ну как вот с такими разговаривать. Ему что в лоб, что по лбу. Честно, не виноват я, не выдержал, схватил какую-то корягу, и давай дубасить этого умника, да и вообще, всех кто попадался. Был бы постарше, без увечных бы не обошлось. Так, скорее, для острастки подучилось. Вот это было уже не как всегда.

Может, ничем это бы не закончилось, и так бы остался в положении загнанного волка, но бог милостив. Как-то всё это дошло до матери. Эффект оказался, как от бензина подлитого в костёр.

Боярин Хохолов-Ростовский попал в опалу. За что, я, даже повзрослев, так и не понял. Пожил он ещё не долго, и умер в середине октября. Вроде бы своей смертью, во всяком случае, даже слухов об его убийстве не было. Обоих няnek, вызвавших великокняжеский гнев, посадили на кол. Обвинили их в покушении на Великого Князя Московского. Это сейчас не понять, но тогда это было почище святотатства.

Окружение вмиг изменилось. Моя жизнь стала хоть отчасти похожа на нормальное детство. Наконец-то вокруг меня оказались осиротевшие отроки из дворянских родов, потуошнему, княжат и детей боярских, без своих наставников. Почти два десятка. Первое время играть у нас никак не получалось. Робели они страшно при моём виде. Не знаю уж,

чего им там наговорили, но подозреваю, что ничего ободряющего. Няньки у них всё равно были, но мне на глаза они старались не попадаться.

Быстрее всех к общению с Великим Князем привыкли трое с Рязанщины, по какой-то прихоти судьбы, допущенные ко мне ещё с княжескими детьми. Косма Двишнеков, Шарап Матюков и Семой Бородавкин. Я, вообще-то, никогда не отличался хорошей памятью на имена, но столь не привычные имена запомнил. Многие приходилось запоминать. До сих пор слова не все мог вспомнить, периодически запинаясь, но дело налаживалось.

— Бедняжка, опять чего-то лопочет.

— Вот ведь, и не говори.

Частенько слышал сочувственный разговор. И ведь особо и не скрывались, похоже, меня по-прежнему считали не совсем в себе. Если учесть, сколько оговаривался, это я понимал, что оговаривался, окружающие считали это за бессмысленные звуки.

Собственно, после того происшествия, перестал исполнять роль Великого Князя. Во-первых, говорил до сих пор не совсем свободно. Во-вторых, только несколько месяцев как, стал двигаться более или менее нормально. В-третьих, до сих пор дичился привычным здесь обычаям.

— Разговаривать надо, приняв горделивую осанку и глядя на собеседника с достоинством. Тьфу! Да не как будто к столбу привязанным. Вот, уже лучше! На что Великий Князь так таращится. Что?! Это взгляд с достоинством? Так смотрят, когда чего съели, а теперь срочно до "ветру" бежать надо. Убивать взглядом тоже никого не надо! Нет моих больше сил!

— Прохор, ты, куда это пошёл, а ну вернись.

— Тая, ей богу отстань. Если бы не его матушка, плюнул бы уже, и ушёл.

Это сначала думал, что проходу няньки не дают, а сейчас стал понимать, что на самом деле меня учат привычному, а значит правильному, по местным меркам, поведению Великого Князя. Учили меня правильному поведению упорно, но так чтобы без чужих глаз. Лишние пересуды никому были не нужны. И так по Москве пошла череда слухов, после того происшествия. Не один молебен был отслужен во здравие Великого Князя Московского Ивана 4 Васильевича. Но самым странным во всей учёбе, было то, что в принципе, я мог приказывать всё что угодно, это-то и пугало меня больше всего.

Мои выкрутасы в поведении списывали на болезнь. Не знаю, рассчитывали ли окружающие, что стану нормальным, но мать точно надеялась на это. Может это одна из причин, по которой я оказался, всё-таки здесь, в Коломенском, а не только потому, что уговорил.

— Говори Прохор, как есть, ничего не утаивай!

— Матушка государыня, Иван, сын твой совсем не блаженный. Позабыл он тогда очень многое, но хочет вновь узнать. Изменился он, охочим до всяких всякостей стал. Как будто повзрослел вдруг, и сам напугался этого, а сейчас хочет найти, зачем оно ему нужно.

— Ты чего несёшь, ему же всего шесть годков исполнилось. С чего ему взрослеть?

— Не гневайся матушка. Говорю я как чувствую. Не всё и объяснить-то могу. Он же весь Кремль облазил, не смотря на все мои запреты. И раньше-то интересовался многим, но не так упорно. А сколько раз уже ездил на строительство стены. Бедный Петрок уже как завидит великокняжеские сани, прятаться стал. Сын ваш как пристанет, что да как, зачем дубовые столбы в ров вбивают, а почто камня так много насыпают. С кирпичом, так вообще

замордовал.

— Прямо-таки замордовал? — С гордостью в голосе спросила Глинская.

— Истинно так! И почто такие размеры у него, а не другие, и как его делать, и почему он красный. Потом же заявил, что де мол построит завод кирпичный лучшее этого мастера заморского. Да какой он заморский, какое колено уже у нас живёт.

— Прямо так и заявил?

— Да чтоб мне провалиться на месте. Я и икону целовать на том буду. Да вы, матушка, Фрязина самого расспросите. Ему бы, каких розмыслов в помощь. Мы же не всё ему и объяснить-то можем. Сошлётся на божий промысел, а он только гневаться начинает. А однажды так и вообще заявил, "Бог нам дал разум для того, чтобы мы могли постичь его замыслы, а не для удивления их непостижимостью".

— Что?! Так и сказал?

— Слукавил матушка, простите, не со зла. Говорил он много больше, это я подсократил малость. Путался и сбивался много. Не хватает ему ещё слов чтобы сказать всё, что хочет, от того наверно и тяга к книгам великая. Замучил уже требуя научить читать.

— Ну что Иван, сможем бояр в узде удержать, ежели я сына своего в Коломенское отправлю, как он просит?

— Заговор начнут плести. Как бы чего не придумали. Хотя явно выступать не станут. Может лучше его в Александрову слободу? — Ответил ей Овчина Телепнёв-Оболенский.

— Нет, туда не стоит! Там все будут напоминать ему об отце.

Так, что тогда, действительно был в своём праве, приказав "без мест". Только одно но, не воспринимали мои приказы серьёзно. Решительные действия моей матери, в буквальном смысле, заставили окружающих прислушиваться ко мне.

Вот так и стали играть вместе

— Прощка, пинай, давай! Да не Семёна, а по мячу.

Учиться вместе

— Вот ответь мне отрок Лука, сколько золотников в одном пуде? Чего уставился на меня как на икону Божьей Матери.

Ну и проказничать.

— Натягивай.

— окаянные, верёвку натянули.

— Ходу быстрее, быстрее!

Не сразу конечно стали. По началу, учителя и наставники пытались во всё вмешиваться.

— Это что ещё за непотребство?! Чего это вы там пинать взялись, а?!

Однако моё положение имело и свои плюсы.

— Это не непотребство, а игра такая. И пинаем мы не что, а мяч, штука такая, специально для того и сделанная, чтобы его пинать.

Тем более, мать стала поддерживать весьма активно.

— Ты Михайло организуешь очередь службы Охранной Стражи подле Великого Князя в Коломенском. Смотри там, чтобы заговор против него никто не удумал, да укорачивай, самых дерзких. Будешь теперь ты воеводой при нём.

— Всё исполню Государыня-Матушка! — Ответил ей, теперь уже воевода, Венюков.

Жизнь, царившая в Московском государстве, была ей всё-таки чужда. В Литовском государстве было гораздо свободнее. Возможно, она хотела воспитать меня другим, не таким

заикленным на традициях.

Во всяком случае, образование мне давали, по тем временам самое лучшее. Понимали всяких иностранных учителей. Где столько проходимцев только нашли. Нет, знали они свою службу туго, но работа их явно тяготила, а потому особо не напрягались. Поэтому постоянные мои вопросы, а почто это так, или то не эдак, воспринимали как провокацию и призыв к бунту.

— Прохор, вот ты хотя бы на Великого Князя повлияй.

— На то он и Великий Князь, чтобы повлиять на него нельзя было! Чего приключилось-то?

— На уроке вцепился в меня как клещ и не отпускал, а ведь ещё и других учить надо.

— Тебя нанимали, чтобы ты про дальние страны рассказывал. В первую очередь Ивану, а остальным как получится. Так это и хорошо, что интересуется.

— Но не весь день же кряду. Без обеда ведь оставил, да и ужин холодным есть пришлось. Насилу уговорили прерваться, и то не я, а другие ученики.

— Ты не ропщи, а то не посмотрим, что Литвин, сразу вспомним, что Русский!

Попробовал что-нибудь из игр в мяч. Мяч получился не очень, да и не совсем круглый. Пинался плохо. Придумали всей толпой, что-то вроде регби. Правил я не знал, но у нас энтузиазма было море. Больше походило на упорядоченную драку, но нам было плевать.

— Вперёд, ворота будут наши.

— Ура!!

— Держите их!

— Ах ты, гад! Получай!

— Наших бьют!

— Да брось ты мяч! Ааа...

Не плевать было наставникам. После того, как мне в игре подбили глаз и разодрали ухо, они призвали в судьи Елену Глинскую. Мамке моей наябедничали, гады. Она себя заставлять ждать не стала. Явилась очень быстро. Даже я спугнулся. Для неё я просто сын. Всыпет и спрашивать не станет. Но больше беспокоился, как бы моим товарищам не досталось. С них могли спросить, по полной.

— Ма-мааа...!!! — С этим криком повис у неё на шее.

Больше ничего в голову, вот так сразу, не пришло. Ну, не учился я в театральном, и системы Станиславского, да и никакой другой не знал. Поначалу она, конечно, меня прижала, но быстро справилась с порывом. Потом же, отодвинув немного, нахмурившись устала на мой фингал.

Под этим взглядом я сам стал его ощупывать.

— Ой! — Невольно вырвалось у меня.

От прикосновений было больно. При виде всего этого, на её лице стал проявляться гнев.

— Мам, не гневайся, это так, случайно вышло! Правда-правда.

— Случайно, или нет, это я у твоего воеводы узнаю. — И со значением так посмотрела на Венюкова.

Видно было, как ему неуютно стало под этим взглядом.

— А теперь займёмся вами. — Всё с той же угрозой в голосе она обратилась к моим нянькам, который уже нарисовались во дворе.

— Во что это Великий Князь одет? Вы что же считаете, что он в этих тряпках ходить должен!

И не тряпки это вовсе были, таких вещей на детях вокруг не было. Одни материалы, из которых всё пошили для меня, чего стоили. Ну, не возможно было нормально ходить, а уж тем более играть в том, что должен был носить Великий Князь.

— Мам, это я приказал. Но одёжка пошита из самой лучшей ткани, какую сыскать смогли.

В ответ она только посмотрела на меня, но так, что мороз по коже побежал. Так что я решил не развивать тему дальше, во избежание, как говорится. Но теперь её внимание вновь переключилось на меня. То, что моя матушка была не в духе, было видно, по старавшейся рассеяться свите. На глаза ей попадаться не рвались.

— Вот дурак! Ну, зачем полез под пулемёты! — Пронеслось у меня в голове, но изменить уже ничего было нельзя.

— Разве так должно вести себя Великому Князю? — Начала наставлять она.

Это мы уже проходили. Так что быстренько, принял горделивую осанку, да сделал морду лица, тяткой. Эти мои преобразования не прошли для Глинской незаметными. Наставления прекратились. Дальше, как и положено, все пошли уже за мной, со всеми протокольными действиями. Эх! Но всё равно заметил мелькнувший её кулак.

Как сказали бы у нас, оргвыводы сделали немедленно. Слава богу, никого на кол не посадили, и даже голову не отрубили. Вот наставников добавилось, чтобы нам значит, баловством заниматься было некогда.

Появилось пара престарелых воевод, рассказывавших нам о битвах в которых они приняли участие. Периодически они сменялись, а взамен прибывали другие, из другого края, с новыми историями. Сколько же, оказывается, мы воевали. Почитай непрерывно. Ежели не здесь, так в другом месте обязательно. Несмотря на перемирие с Литвой, столкновения не прекращаются ни на минуту, только затихают периодически.

Также добавились в наставники двое из Охранной Стражи. Иван и Прокопий Терентьевы, как сейчас бы сказали, наставниками по боевым искусствам. Может мечный бой и был на Руси не развит, что, кстати, не удивительно, от пули всё равно не увернешься, но помахать руками и ногами желающих и умеющих хоть отбавляй. Нам только в радость. Были они братьями, двоюродными.

Сейчас вспоминаю свою, обрётённую в этом мире, мать с грустью. Много она сделала для нашей страны, даже вот за этот небольшой промежуток времени. С 1536 по приказу Глинской начали отстраивать и укреплять города Владимир, Тверь, Ярославль, Вологда, Кострома, Пронск, Балахна, Стародуб, позднее — Любим и города на западных границах (защита от литовских войск), южных (от крымских татар) и восточных (от казанских татар: в частности, заложены города Темников и Буйгород).

Хотя это был вынужденный шаг, она фактически ввела единую валюту на территории Руси. Дефицит наличности был настолько велик, что мошенники откликнулись огромнейшим увеличением предложения. Не помогали никакие карательные меры. Экономика нуждалась в резком притоке наличности, а этого не было. Всё это привело к сильнейшему вздорожанию денег и падению цен на товары. Резаные монеты заполонили страну. В этих условиях было принято решение о введении новой монеты значительно меньшего веса. Решение довольно оригинальное, в смысле защиты от подделок. Всё просто, обрезать с такой монеты толком и нечего. Название она получила по чеканке всадника с копьём пронзающего змия, на одной из сторон. Эта была серебряная копейка, весом 0,68 г; одна четвёртая часть копейки — полушка. С гривнами их и не сравнить. Сделан весомый

шаг для стабилизации экономики Руси, поскольку появились мелкие монеты, и это хоть немного позволило отказаться от бартера, особенно при небольших сделках. Ликвидировались права удельных князей на чеканку собственной монеты.

Началась и реорганизация местного самоуправления ("губная реформа"): Елена распорядилась изымать дела из ведения наместников и передавать губным старостам и "излюбленным головам", подчиненным Боярской думе, поскольку наместники, как ей докладывали, были "свирепы, аки львовые". Систематического характера эти реформы так и не приняли, хотя страна очень нуждалась в них, а затем её смерть поставила крест на самой возможности продолжения преобразований. На долгие годы ситуация была заморожена.

Были и сомнительные успехи. Я так подозревал, что в войне с Литвой 1534–1537 годов мы лишь реагировали на действия Литвинов по причине её родственных связей с Гедиминовичами. Подозрения к делу не подошьёшь, как говорится. При этом за подобное же поведение Ивана Бельского, но по отношению к Казани, посадили, хотя там ещё его родственник отметился. В семье не без урода. Семион Бельский и Ляцкий переметнулись на литовскую сторону. Это вызвало волну арестов, среди князей литовского происхождения. Но хоть не убивали и то ладно.

Кстати, среди них оказался и её дядя, Михаил Глинский. Там, правда, история тёмная. Вроде как он недоволен был связью Глинской с Овчиной-Телепневым-Оболенским. Но думаю, что недоволен он был не связью, а тем, что до власти не допустили. Хотя отношения с Овчиной-Телепневым-Оболенским подрывали позиции регентши необычайно. Не того ожидали от вдовы Великого Князя и Матери нынешнего.

Собственно, война, впоследствии названная Стародубской, началась с того что Литвины сами себя запугали, до дрожи в коленках, неминуемым нападением Москвы. Делать нам нечего, только на них нападать. Смоленское взятие дорого Руси обошлось, и пока, продолжать войну с нашей стороны никто и не планировал. А вот среди литвинов ходили упорные слухи о готовящемся нападении, то там, то сям. К примеру, де мы хотели на Киев напасть.

Всё проще, рыльце-то у них было в пушку. Постоянные их набеги на наши пределы, естественно вызывали ответные действия приграничных воевод. А деваться Литвинам было некуда. Бежали черносотцы от них к нам. Гнобили они их нещадно, а на что ещё вести разгульную жизнь шляхте, только выжимать последние соки из податных сословий. Потому и утекали от них, сломя голову. Вот чтобы как-то восполнить эти потери и лезли они к нам и уводили русских в полон. Естественно, мы не могли такого стерпеть и ходили в ответку, освобождать.

Всё это сопровождалось постоянными протестами сторон на беззаконие чинимое противной. Вот и боялись, что терпение у Москвы однажды лопнет, и мы вновь пойдём на них войной.

Мы, как всегда оказались не готовы к войне, не смотря даже на информацию о её подготовке. По старинке надеялись на русский авось, или разум противников, хотя в нашем случае, это было одно и то же. Когда речь заходит про Россию, у них крышу сносит окончательно. И вот, пока мордасами в грязи не искупаешь, да по самые уши, разум в их подставки под шапки и шлемы никак не возвращается.

Как ни странно, но Литвины ещё меньше были готовы. Но гуси, как говорится, улетели окончательно и потому, в общем-то, небольшие разногласия в московских верхах, там решили считать смутой. Ну, очень им хотелось этого, а тут наши перебежчики давай басни

плести, да как раз, которые хотели услышать. В общем, нашли друг друга два одиночества.

Полгода, а то, как бы и не больше собирали всей Литвой тысяч 20 или 30. Не помогали даже угрозы Сигизмунда. В собранном войске царил такой разброд, что даже нам не снился. Одно слово, воевать таким войском было невозможно, и тогда они решили хотя бы кровь посворачивать москвитам. Это им, однако, удалось, даже не смотря на то, что и так небольшое войско, разделилось на три части. Урон был нанесён серьёзный.

А что в Москве? А ничего. Несмотря на, казалось бы удачную, внешнеполитическую обстановку и наличие войск — собрано было порядка 120–150 тысяч человек, воевать мы так и не стали. Решили ограничиться грабежом, чтобы муторно Литвинам сделалось. Может тогда де, мол, разум вернётся к ним, и как-нибудь замиримся. Великое княжество Литовское подверглось разграблению вплоть до самого Вильно. Подозреваю, что именно под влиянием Глинской не стали захватывать крепости. В общем вот так бездарно была закончена военная компания 1534 и начала 1535 года. Больше нам обстановка так не благоприятствовала, а супостаты однако свою затею не бросили.

Дальше в войну с нами впряглись польские наёмники. И началась череда поражений. Нет, победы тоже были, но это скорее для самоуспокоения. Если учесть что Польско-Литовское войско из примерно 40 тысяч бойцов захватило Гомель, и разорило всю Северскую область, то становится совсем не весело. Ежели бы у Сигизмунда денег было побольше, то поляки бы не свалили по домам, и вот тогда нам совсем стало бы кисло. И ведь что обидно, Гомель сдал по малодушию наш же воевода, за что и был заключён в темницу, по прибытию в Москву. Только нам от этого не легче, отбить его всё равно не смогли, литовское боярство, уцелевшее с момента присоединения этих земель к Москве, решительно выступило против нас.

По перемирию 1536–1537 за Москвой закрепились Черниговские и Стародубские земли, правда, Гомель и Любеч остались за Литвой. Вот такой вот странно выгодный мир у нас получился. Собственно, отсутствие денег на продолжение войны остановило Сигизмунда, да наше, наконец, проявившееся желание воевать. Неспроста оно появилось. Отметились в этой войне поляки истреблением русских. Именно истреблением. Считать недочеловеками русских, годных разве что на уничтожение, придумали далеко не нацисты. Поляки это с успехом делали ещё в 16 веке, а шведы в 15. Вот такие они, общечеловеки с руками по локти в крови.

Кстати о Швеции. В 1537 Россия заключила договор с ней, о свободной торговле и благожелательном нейтралитете. В те годы считалась нормой, что все договора со смертью правителя прекращали своё действие, поэтому возобновление мирного договора с ними было важным шагом.

Судя по прошедшей войне, поместное войско годилось разве что пограбить да участвовать в скоротечных набегах. К тяжёлой, изнуряющей войне оно не подходило. Не удивительно, создавалась такая система для противостояния степи, а там только так и воевали. Новое же европейское войско, оказалось сильнее. При примерно равном соотношении, они у нас выигрывали. Нас спасало, только то, что выставить мы могли в поле гораздо больше любого из соседей.

Но эта же война показала слабость Литвы. Потому перспективы войны против них были вполне реальными. Она же поставила крест на мирном объединении. Нигде наши войска не встретили поддержки мирного населения в Великом Княжестве Литовском. Как и их войска в Великом Княжестве Московском, кроме Гомеля разумеется. У ослабевшей же Литвы была

только перспектива быть поглощенной, либо нами, либо поляками.

В годы правления Глинской велась успешная борьба против роста монастырского землевладения, немало было сделано для усиления централизации власти: в декабре 1533 был ликвидирован удел дмитровского князя Юрия Ивановича, в 1537 — старицкий удел князя Андрея Ивановича Шуйского.

Не пользовавшаяся симпатиями ни у бояр, ни у народа, как женщина не московских, а, скорей, европейских нравов и воспитания, она этой весной умерла. Умерла во втором часу по полудню, подозрительно быстро, и в этот же день была похоронена. Как будто окружающие боялись раскрытия, какой тайны. Но верхом nepотpeбствa можно считать, что похоронили Глинскую, даже не отпевая.

Я её так особо и не узнал. Но только сейчас понял, насколько проблем у меня было меньше. Теперь же, постоянно приходилось находиться в Москве. Участвовать, сидеть памятником самому себе, в заседаниях Боярской Думы и говорить заученные фразы.

Сидел и думал, как там у меня дела. Я ведь не только учился и играл со сверстниками, но и пытался разности всякие делать. Кое-что, уже работало, и даже доход приносить стало.

Что было первым, яйцо или курица? Кажется, ерунда, какая. Какая, в сущности, разница. Кому как, а мне этот вопрос решать и приходилось. Чтобы сделать станок, нужен другой. А что делать, если его нет.

Первая мысль была построить плотину с водяным колесом и присоединить к ней лесопилку. Досок наделать, деньгу сшибить. Только вот незадача, в Коломенском я оказался осенью, это раз. И на кой мне сшибать деньги, нет, ежели чего попутно заработается хорошо, но Великому Князю это и не к лицу, и не нужно, это два. Но тут дело принципа. При любом раскладе пригодиться, но в том году строить уже поздно было. Ещё и мастеров найти надобно. Это дело я не забросил. Нагрузил людей, специально приставленных матерью для этого. Плотину построили на следующий год и сделали там мельницу. Но не простую, а золотую. Да не в смысле из золота, однако, золото приносящее, ну, не совсем, только серебро. Мололи на ней не муку, для начала крошку из глинита и кирпичей, неудавшихся. Много их было, очень, пока толком не отладили кирпичное производство. Так, это бы стало мусором, а в итоге получили глинит-цемент, который уходил на строительство новой стены в Москве. Собственно, на этом идея водного привода и заглохла, почти, опять же, не совсем, но обо всём по порядку.

Мой дед, по прошлой жизни был печником и не только. Я частенько мотался с ним по соседним деревням, когда он поправлял печки. Русские, голландки и их комбинации.

— Смотри внучек, сложить печку дело не хитрое, только и надо, голову на плечах, да чтобы руки из того места росли. — Говорил он.

Честно говоря, было видно, что меня совсем не обманывают. Достаточно посмотреть хоть один раз, как её сложат, чтобы и самому это повторить.

— Деда, а почему тогда все сами их не ремонтируют?

— Да потому внучек, что работа эта грязная. Молодёжь, конечно, раствор теперь не так заводит, измараться бояться, брезгуют. Потому и заваливаются их печи, а мы старики едем исправлять, чтобы простояли они, потом долго и служили хозяевам справно.

Он кстати, ни сколько не кривил душой. Раствор для печей замешивался по "особому" рецепту. Удивительно, но так его заводили столетиями, и он не подводил.

— Да что раствор! Это ноне кирпич все готовый покупают, а раньше мы его сами делали. Хе! Всё из того же раствору. Ведь печь, как видишь, потом всё равно затирают,

потому и без разницы, из сырого она кирпич или нет. А снутря она потом сама при протопке обожжётся. Вот так-то, вот.

— Так почему же сейчас так не делают?

— Сейчас мне лень делать такой кирпич, тяжело это, да и возраст не тот, и потому использую, какой есть. Преимуществ от него нет, только печь дороже, но и люди живут лучше.

Я этого не забыл. Голландки собирать было пока не из чего. Не было ни плиты, ни колосников, и двёрок всяких. Можно было сделать эрзац, но я решил делать основательно и на следующий год. Пока решил заняться "Русской печью". Ложить их здесь и без меня умели. Так что это не было открытием века. Печи, в основном, были без дымоходов, хотя в некоторых, особо зажиточных домах, их уже делали, но только не привычного нам вида, а горизонтальные. Так что моя печь всё-таки будет с изюминкой. Глядишь, оценят и возьмут на вооружение. Понятно, сооружать собрался не своими руками, но рулил именно я.

Начали с кирпичей для печек. Да уж... Чтобы отформовать сырец и всего-то нужно, что сделать форму. Чего казалось бы проще. Вот и я так мыслил. Петух, говорят, тоже думал, да в суп попал. Банально, не из чего сварганить эти самые формы. Нет досок. Формально и даже физически они присутствуют. При этом досок всё равно нет.

Первое, это, конечно же, толщина. Бог бы с ним, что она у них 5–7 см, но перепады такие на одной доске. И кстати их получают вовсе не из цельного бревна одну. Не такие уж и дураки были предки. Из одного ствола выходит несколько, с помощью топора и деревянных клиньев. По сути, местные доски это аналог, эдакой, здоровой плоской щепы.

Понятно, что она по определению ровной не будет и потому дорабатывается с помощью всё того же топора и чьей-то матери. Говорят, они даже улучшаются после такой обработки. Вроде как не гниют дольше. Врут безбожно. Для несмолистых досок это утверждение вообще сомнительно. Какой-то смысл в этом есть, например, для сосны, но именно, неясный. Некоторая закупорка пор, конечно, происходит при обработке её топором, но происходит это крайне неравномерно. В конечном итоге всё равно, вся доска сгниёт или только треть, результат один, становится негодной.

— И чего с ними делать?! — Изрёк я глубокомысленно, тупо уставившись на эти произведения человеческого гения, в смысле доски.

— Дык это. Чего скажете, то и сделаем! — Заявил мужичёк, подозрительной наружности.

Может, я чего не понимаю, но, похоже, он всерьёз верит, что их этих дров чего-то сделать можно. В глаза бы ему заглянуть, так нет, он как нарочно уже всю землю взглядом просверлил.

— Ты не юли! Смогёшь сделать, об чём уговаривались? Или ты решил Великого Князя обмануть? — Пришёл мне на помощь Прохор.

— Как можно! Да я енти формы кирпичные на раз сделаю! — Стал возмущаться, видимо столярных дел мастер.

Но под бдительным оком моей охраны опять сник.

— Ну, раз говоришь, что сделаешь, так давай, не подведи. — Подвёл итог я.

— Мне бы это, кирпич бы, какой надобен из форм получить.

М-да задача? Кирпич хоть и распространён уже, но не сказать, что он повсюду валяется. Естественно, точно никто сказать не мог, какими должны быть у него тычок, ложок, и постель. Попытки, показать на пальцах, ни к чему не привели. Бог его знает, точные эти

размеры. Я в тот момент впервые в лоб столкнулся с проблемой измерений. Изготовить его можно было только по образцу. Пришлось слать гонцов в Москву за несколькими кирпичами.

Пока привезли кирпичи, сделали формы, прошло три дня. Вот тебе и простая задача. Чтобы работать с тем инструментом, нужно действительно быть мастером. Кстати, когда говорят, что всё делали без гвоздей, врут безбожно. Делали без железных гвоздей. Заменяли их с успехом дубовыми шкантами. Правда, под них сначала отверстие просверлить надо, но гвозди они есть гвозди, хоть и деревянные.

Пока же делали эти формы, пришлось-таки влезать в хитросплетения русского измерения. Всё измерялось вроде, как в саженьях. Только саженьей этих было три, и это только номинально. Анатомия то у людей разная, потому, чтобы получить точные размеры на изделии, нужен всегда образец. Бесполезно писать. Потому и кирпичи пришлось везти, вдруг ещё понадобятся, а они будут ещё нужны. Кирпичный завод ведь строить собрался.

— Вот, ежели мерить так, то будет простая, эдак, то маховая, а по таковски, косая. В каждой сажени по четыре локтя. — Объяснял Прохор.

— Стой, это как же? Сажени разные, а локтей в них одинаково. — В недоумении уточнил я.

— Так и локти разные. Вот смотри, это простой, это маховый, а вот это косой.

— И как тогда мерить чего?

— Так уточнять надо какой саженью мерил, всего и делов. Раньше в сажени было вообще только по три локтя, так её и показать никак, только в локтях и мерили.

Вот всё не слава богу! Мало того, что саженьей три вида, так была ещё и старая, меньше всех нынешних.

— А чего-нибудь поточнее нет?

— Как нет, есть, однако. Персы свой товар продают "аршинами". Так вот, в аршине том шестнадцать вершков. Наши купцы тоже начали аршинами торговать, но только на свой манер. Всяк со своим аршином. Так что глаз за ними да глаз. Вот у персов он всегда одинаковый, не то, что у наших прощелыг.

— А сколько это? Покажи.

— Да, почитай, как простая полусажень. Немного поменее. Если не по пальцу мерить, а до запястья, она и будет, или длинна руки по плечо.

— А ежели всё аршинами мерить?

— Можно. Почему бы и нет.

Я задумался. Соблазнительно, однако, ничего не выдумывать, но. Как-то мелковат размерчик. Тем более в версте их получится 1500 штук. Не совсем чего-то для расчётов. Хотя и нынче тоже не лучше. Уменьшать версту не дадут. Столько указов сразу переписывать. От неё ведь десятina меряется. Это же всю страну на уши поставить. Итого, версту трогать нельзя! Но привести её надо к кратности десяти. В чем она там нынче меряется. Ага, пятьсот косых саженьей. Во, то что нужно. Это значит 1000 полусаженьей. Блин, одна проблема, от чего уходили, к тому и вернулись.

— А сколько этих аршинов в косой сажени? — Решил уточнить я.

— Примерно три, может более, а может менее чуток. Смотря кто, мерить будет.

— Так может приравнять сажень эту косую ровно к трём?

— Это ещё зачем?

— Чтоб у нас тоже была своя точная мера "русская", как у персов этих.

— Ну, ежели русская, то конечно можно. Только купцы всё одно мерить аршинами будут. Отрез ткани так гораздо удобней отмерять, особенно если под рукой ничего нет.

М-да, с точки зрения купца, аршин, куда более практичная мера. Что тут скажешь. Хотя чего это я. Полусажениями тоже отмерять ткань не хуже, причём именно косыми.

— Эврика! — Завопил я.

— Чего? — Спросил Прохор, и опять озабоченно стал меня рассматривать.

— Говорю здорово! — И стал взахлёб рассказывать посетившую меня идею.

Получалось, если, по-моему, сделать, то пускай купцы, как хотят, так и отмеряют. Главное, появится чёткая зависимость между мерами. Вот за основу "русской" меры и предложил взять косую полусажень, при условии равности полной трём аршинам. Блин, как красиво-то получается. Ничего по сути вроде и не изменится, а появится точная величина, в которой всё и меряется. Она и от метра, не очень отличаться будет, поболее правда будет, 107 см примерно. Назвали мы её "мерой", но название впоследствии не прижилось. Называть её стали казённой полусаженью, а потом и вовсе полусаженью, потому как другими мерить перестали, но случилось это не скоро. В одной "мере" 10 ладоней. В ладони, 10 ногтей, а в ногте, 10 точек.

Сделали мерные линейки гораздо быстрее, чем формы для кирпича. На линейках, в одну казённую полусажень, были нанесены деления кратные ногтю, а по другой стороне шла разметка в аршинах, с делениями кратными вершку, точки были на линейках в две, три и пять ладоней. На них с обратной стороны были только вершки. Пока они стали законом только в Коломенском, постепенно, по мере размещения заказов на стороне, распространяясь и далее, но если честно, не особенно.

Пока дурака валял с этими мерами, формы под кирпич и подоспели. Надо было забивать её раствором. Только его сначала надо сделать, и тут затык. Дело в том, что его начали мешать в корыте, выдолбленном из цельного ствола. Так-то ничего, но ёмкость маловата. Долго получалось. Но я же умный! Решил сделать из досок.

А вот и фиг. Вот тут и стала понятна разница между гвоздем и местным его аналогом. Ничего он его не заменял, м-да. Сшивать герметично здесь умели только внахлёст. Причём изнутри стык прошить нужно как ниткой ткань, ещё по стыку нагелей деревянных набить. Получается, что весь крепеж будет торчать вовнутрь. И это вдобавок к ёлочке из досок.

Спас меня в очередной раз Прохор, подошедший узнать, чего это Великий Князь устался в никуда.

— Так тут бондарь нужен! — Воскликнул он, когда я ему изложил суть проблемы.

Сделать договорились нечто похожее на огромную деревянную шайку. Она должна была выйти на славу, но только по снегу. Однако и эту мою беду разрешил опять Прохор. Понагнали ещё работников с корытами. Расшили, так сказать, узкое место. Процесс пошёл не просто быстро, а очень даже весело. Не успевали вытряхивать кирпичи на солому, чтобы просушились.

Наученный опытом местного производства, я все-таки решил проверить, а как тут с шанцевым инструментом, то бишь, по-русски, с лопатами. Никак тут с ними было. Весь инструмент был деревянным, в лучшем случае, с железным наконечником. М-да, с таким, о серьёзном кирпичном заводе говорить не приходится. Нет, конечно, вопрос можно утрясти и так, как решили с замесом раствора. Попросту, понагнать побольше работников, и снять проблему, но как-то это отдавало не тем.

Пришлось встречаться и с кузнецом. В-первую очередь подумал про мотыги. Мешать

ими, это не лопатами. И сильно легче и не в пример быстрее. И велосипед изобретать не надо, в смысле, всякие мешалки выдумывать. Заодно, у кузнеца были заказаны штыковые и совковые лопаты, а также "Лепестки", вилы, в том числе и "Садовые", и гибрид "Садовых" вил и штыковой.

Печь ложить надо было в специально поставленном для этого пятистенке. Крышу не сделали, потому, как трубы ещё не было, а плотники не знали, что это за зверь такой, и с чем его едят. Потолка, пока в нём тоже не было, поскольку на Руси в это время они были страшной экзотикой.

Очень в редких и зажиточных домах делали потолки, второй этаж строили так вообще только в очень богатых. Просто это позволяло делать стены ниже, притом, что вверх было достаточно свободно, а значит, экономило деньги при строительстве. Удивительный рационализм во всём. Даже неудобства жизни приспособлять для пользы.

Печь должен был ложить печник. И вот, начал мне этот делец заливать.

— Печь будет всенепременно в лучшем виде! И не угарной, и жаркой, но не жадной, чтобы дров шло как можно меньше, и будет она красива, миловидна.

— Ты мне что, девку расписываешь? Печь главное сложи, как мне надобно, а все эти жадно, жарко брось.

Видно было, что не сдержалась душа поэта, по тому, как он вострепнулся от моих слов. Но вовремя показанный кулак, одним из воев "Охранной стражи" при мне, остановил порыв. Я бы, тоже думаю, остановился, если бы мне такой показали. Им только быков, ударом в лоб, валить.

Сложили печь не интересно. Печник, которого оказалось, Захаром кличут, поначалу попробовал по-своему всё же устроить, но и мы не пальцем деланные. Возмутила его высота моей печи. Тут так пока не ложили. Были они не высокими, а я вон какую заворачивал. Но после душевного разговора с воеводою Михайло Венюковым, пришёл на работу с фингалом под глазом, и стал исполнять всё, что скажу.

Вот когда с печью закончили, вот тогда и доделали и крышу и сделали потолок, как просил. На улице, по ночам уже похолодало. В окна поставили стёкла. Я как узнал цену, чуть на месте не упал на пятую точку. Во, где деньги гребут лопатой. Эпическая сила!

С производством стекла тоже что-то надо было делась. На самом деле это производство стратегическое. Если оно не будет создано, на хороших станках можно ставить крест. Химия развиваться и та не понятно как будет. Сам я в этом мало понимал. Надежда была на то, что найдут знающих людей, да хуть немчин. Это производство нужно было кровь из носу, уже вчера.

Печь же, в первую протопку, парила просто нещадно. Спасу не было. Двери настежь, но всё равно, в избе дышать было нечем, и только к вечеру, пошло нормальное, сухое тепло. Вот Захар как-то поглядывать на меня странно начал, опять стал норовить на колени бухнуться, что, кстати, я ему строжайше запретил на время строительства.

— Чего это с ним? — спросил я у Прохора.

— Ты только не серчай, за слова, которые я тебе скажу, Князь, но не думал он, что что-то путное из всего этого выйдет. Думал одно баловство. А вон оно как, от того к тебе у него уважение, превзошёл ты его, мастера, хоть не в умении, но в знании. Не думал он, что узнает ещё чего новое про печь, а поди ж ты. И я не думал, ты уж извиняй. — Проговорил он с поклоном.

— Да чего там. — Хотел сказать, но сдержался.

Ничего великого вроде и не сделал, всё по науке дедовой, от того и неуютно стало. Не моё это достижение, а как такое объяснить. Придётся привыкать к подобному.

Только и вздохнул.

— Тут такое дело. Бумагу надобно свою делать, у нас на Руси, а не заморскую завозить. Слышал я, где-то у папистов придумали машину, чтобы книги печатать. — Начал я новую тему.

Прохор-то внимательно стал слушать, аки откровение, какое от меня снизойдет. Но мы пока так высоко не летаем, только как те крокодилы, из анекдота.

Со всем перечисленным, я мало что мог сделать, потому и завёл тот разговор, чтобы народ напрямч поиском специалистов. Типографию сделать то можно, но без своей, русской бумаги и в большом количестве это было бесполезно. Разве что потешить своё самолюбие. Сначала бумага, потом книги. Единичные экземпляры и без меня перепишут. Вот и металлическое перо надо сделать. Грифельный карандаш тоже. Да чего только не надо, так ведь, как говорится, и Москва не сразу строилась.

Если вот с водяным колесом сразу не вышло, почему бы паровик не сделать. Самый простейший, атмосферный, непрерывного действия, по типу Ползуновского, правда, на столь высокое звание сия машина не тянет. Зато давления пара, там смешное, чуть повыше атмосферного. Сам принцип работы прост и позволяет делать её даже с помощью кувалды. С КПД (коэффициент полезного действия) пока давление невелико, ещё ничего, но с его ростом, становится просто швах. Но нам пока мощность сильно и не нужна, главное сам принцип. На безрыбье и рак рыба, как говорится. Одна проблема, кузнецы не резиновые, на всё не растянешь. Однако, пушай пашут, на благо родины. А у них-то радость, заказы прут и прут. А жизнь-то налаживается.

Рано, однако, в тот момент, радовался. На этом, чуть всё и не встало. Дорогой это штуковина выходила, очень. Мамка вот, даже приехала, узнать чего это я удумал. Спасли меня мои же придумки.

— Это ещё что за...штука? — Спросила она меня, явно собираясь выразиться поярче, однако, сдержалась.

Чувствую, описали мои дела, далеко не в выгодном свете, хорошо, если как мелкое чудачество. Гадить напрямую перестали, а вот втихаря, палки в колёса по-прежнему ставили.

— Это мам чертильник. — Я так кульманы обозвал, в самом деле, откуда мне такие слова знать.

Бумаги и карандашей не было, а вот чертильник уже был. Правда, весь деревянный, сочленения все хлябали, но вот он. Опять же, литцы с пушечного двора заезжали, сняли мерки, ежели всё пойдёт по плану, то следующим летом это будет работающее изделие. Время было, почитай уже, к январю 1537 года. С бумагой забрезжил просвет, нашли-таки деятелей, которые согласились такое производство, в Московии, создать. По карандашам, тоже чего-то измышляли. Получались они, правда, пока некудышные, крошились, но я надеялся со временем на положительный результат.

Металлические перья для письма уже были, и мы ими даже пользовались. Правда, не из железа, а из меди, но думаю это не большая беда. Самого письма ими, в своё время, не застал, но ещё мой отец пользовался несколькими разновидностями, при черчении. Так, что у меня была возможность разглядеть их в подробностях, и даже сломать пару штук, за что был наказан. Чего только ради науки не пришлось перенести. Потому-то и сподобились, для черчения, сделать несколько разных, но пока только для пробы. Перья, мы уже даже продавали, через купцов. Доход конечно невелик был, но из капель ручьи образуются.

Когда говорю мы, это не значит я. Пригодился тот пятистенок-то. Вот в нём несколько мужиков их и изготавливали. Зимой всё одно нечего делать, а тут доход нарисовался. Вот и работают, не за страх, а за совесть. Небольшая изба и стала новым Велико-княжим заводом. Деньга вот, начала даже капать ко мне в казну.

Но моим прорывом, за время жизни в Коломенском, был перегонный аппарат. Прорывом он был для Великого Князя, но не для местных. Если для меня его сделали здесь, по моим указаниям, то купцы уже завозили подобные агрегаты из Казанского ханства. Ну

вот, скажете, ещё один деятель собрался русский народ спаивать. А вот и фиг вам. Мне-то нужен самогон, и чем крепче, тем лучше.

Колесцовый замок был известен, и ничего не мешало мне сделать зажигалку. Не бензиновую, конечно. Где он, бензин этот. Спиртовую. Карманной, её можно было назвать лишь условно. Размером, примерно, с читок. Вот был товар дня. Возможность получить огонь в любых условиях и быстро, это было самое оно. Из Москвы они уже расходились серьёзными партиями, делали их в московском посаде. Спирт, вернее крепкий самогон, тоже уже пошёл, и делался там же. Заправлять ведь чем-то надо. Но пока мало. Вот это приносило уже серьёзный доход.

Для меня же был важен только колесцовый замок. Вернее, отработка его производства, причём массового. На самом деле очень многое пришлось сделать, прежде чем их стали клепать, и достаточно дёшево, чтобы ставить на зажигалки. Теперь была надежда, что установка их на ружья и пистолеты, не приведёт к большому их вздорожанию, и потому вооружать будем таким оружием всех.

С резьбой пока не заладилось, и потому винтик крепления колесца заменили маленьким металлическим шкантом, с накаткой. Получалась прессовая посадка, а не резьбовая, и пускай, что со временем она разболтается, старый выкинут, а новый забьют и всё в порядке. Это пожалуй было самым радикальным изменением, в имевшийся у меня образец, к тому же приведший к значительным снижениям затрат на изготовление.

Мясорубку изготовили по моим прикидкам. Полностью бронзовую и массивную. Нож сделал сразу самозатачивающийся, тем более конструкция у него даже проще. В нынешних условиях с заточным инструментом, производить этот дурацкий крестик, было верхом безумия. Решётка прижималась кольцом, закреплённым к корпусу тремя замками, по типу фляжных. Котлеты из рубленого мяса конечно интересно, поначалу, но тянет почему-то к привычному. Дорогая зараза получилась. Продвигать, пока никак. Сами пользуемся, но надеюсь, со временем, хоть боярам, но всучить сей инструмент, за деньги конечно.

На самом деле котлеты здесь отсутствовали как класс, потому сие блюдо называлось мясными лепёшками. Появилось оно, между прочим, благодаря моим заблуждениям. Я всё думал, а почто их не делают, и вот уже здесь, в Коломенском, потребовал.

— Великий Княже, не губи! Не знаем мы, чего вы требуете.

— Как это? Просто же! Это же такая лепёшка, из кручёного мыса.

М-да, мои слова, похоже, нагоняли на поваров всемирную тоску. Они даже слов таких не знали.

— А из рубленого мяса не делаете?

— Почему же, делаем. Ежели мясник потоньше отрубит, прожарим.

И такой вариант не проходил. Пришлось объяснять, даже вот топор специальный сделать и корытце, для рубки мяса. Хорошо у бабушки, в деревне, их видел. Ливера она упорно рубила, а не перекручивала. Правда, рубленые котлеты мне не очень понравились, вот и решил мясорубку сбацать.

Как ни странно, но топорик этот пошёл потихоньку в народ. Если где кто чего у нас придумал, то другие это быстро начинают повторять, ежели по нраву конечно придётся. Лепёшки из мяса, видать понравились, только мясорубки уж дюже дорогие.

Не мясорубку задумывал, сначала. Это опять было побочным продуктом. Делал формовочную машину для кирпичного завода. Была она значительно крупнее мясорубки, но принцип тот же. Только вместо решётки вставлялась форма, придававшая раствору нужный

вид. Разные профили, разные изделия. Черепицу можно было начать делать, но решил остановиться пока только на кирпиче. Правда, к ней ещё привод пришлось приделывать, от лошади. Люди выдыхались уж больно быстро, но это было уже следующим летом.

Самовар вот стандобили, ну куда же без него. Горячая вода всегда теперь под рукой. Чай, правда, травяной в основном, но ничего, прорвёмся. И опять мне нужен был не сам самовар. Как-то надо было наладить производство кранов. Вот и повод нарисовался. Пока их делали довольно кустарно, но работали они надёжно.

Придумок-то много, а вот как их заказывать у разных мастеров? Беда. Всяк на свой манер меряет. Нет, линейки конечно уже придумали и удачно. Они отлично согласуются с существующими мерами площадей, но объёмы... Вот где разгул русской фантазии. И у нас она поперла. Нет, старались ничего не придумывать, брать за основу то, что есть, но не всё согласовывалось. Возьмём кубомеру, аналога ей нет, кое-что близкое есть, кадка. Но она примерно на 150 литров меньше. Да и изготовить такую меру тяжеловато.

— Великий Княже, может, ну её эту, как её, кубомеру. Лучше ведро сделаем. — Проговорил Прохор, морща лоб, явно прикидывая объём работ, причем непонятно для чего.

— Можно и ведро, но, пожалуй, и оно великовато. А чего поменьше нет? — Откликнулся я.

— Есть гарнец, в четверть ведра, потом идёт кружка, её двенадцатая часть.

— Стоп, что там за кружка?

— Кружка, она кружка и есть.

— Может пусть она будет в одну ладонь по трём сторонам? Сделаешь?

— Сделаем, отчего же не сделать.

— Тьфу. Так чего стоишь, иди, распорядись. Только проследи, чтобы изнутри такой была. — Последнее, я крикнул, уже вдогонку, спохватившись.

— Великий Княже, не изволите ли отужинать?

— В каком смысле? А...

Это Таисия, в очередной раз воспользовалась паузой, в наших с Прохором разговорах. Исхудал я, видите ли. Ну, сбросил маленько килограммов, и что? Как только это было замечено, началась настоящая охота на меня с её стороны, с целью заманить в трапезную. Тем более выяснилось, что бываю я там не регулярно, а от случая к случаю, заставляя голодать всех вокруг. И в самом деле, как от Великого Князя отвертеться. Хорошо хоть с крендельками приставать перестала. Нет, с ними всё в порядке, и вкусные заразы, но они на меду, а меня признать уже от него воротит.

— Пошли, однако, поедим. Всё одно делать нечего. — Продолжил я, после некоторой паузы.

Сижу значит, жую, никого не трогаю. Дело уже на следующий день было. Кстати, жареных карасей. Когда в первый раз потребовал их, то был у окружающих, как говорится, шок это по-нашему. Мягко говоря, рыба сия, чуть ли не сорной здесь считается, а тут Великий Князь, и караси. Не совместимые понятия. Но раз требует, куда деваться.

Пожарили, называется. Нет, сготовили нормально, но что! Таких лаптей только с дури есть станешь. Они же уже старые, в них же костей, чтоб сами повара так жили. Пришлось объяснять, каких надобно. Надо было видеть их глаза, наверно, если бы икона заговорила, удивлялись меньше. В самом деле, откуда Великому Князю знать про карасей, ладно где-то мог слышать, но чтоб знал ещё и каких надобно, ну это ни в какие ворота. И плевать,

отлично пожарились. Эх, лепота! Теперь заказываю их регулярно, что уже никого не удивляет.

В общем, сижу, на лавке, это важный момент. В приоткрытую дверь заглядывает Прохор, но видя, что трапезничаю, пытается уйти. Ха! Не тут-то было. Признаться, я уже насытился, а тут такой повод улизнуть.

— Стой, чего пришёл? — Кричу я вдогонку.

— Сделали, всё как указывал. — Ответил он, вернувшись.

— Чего сделали?

— Кружку эту, с углами.

— Так тащи её сюда. — Приказал я, не сразу поняв, о чём речь.

— Заноси. — Прокричал он куда-то в коридор.

В трапезную внесли нечто на подносе, накрытое богатой тканью. Судя по выступающим граням, это была обещанная кружка с углами. Предо мной расчистили стол и поставили этот поднос. Я, заинтересованно, по быстрому сорвал ткань, да так и застыл с открытым ртом. Помните, что говорил, про лавку подо мной. Повезло!

На подносе стояла она, кружка. Кубической формы и прям, с ручкой. Стороны же её были украшены резьбой.

— Это чего? — Потрясённо пробормотал я.

— Как чего? Как Великий Князь приказал, вчерась, так и сделали. — Ответил Прохор.

— Э... Резьба-то зачем?

— Без неё нельзя. Как такую срамоту, пред ваши очи несть? Всё должно быть лепо.

Чувствую спорить бесполезно. Главное, чтобы сделали то, что просил. К чему я всё это рассказываю? Да враньё всё, что первая мерная кружка была из золота, де заказанная по приказу Великого Князя Московского Иоана IV. И то, что я увидел пресветлый лик богородицы, которая подсказала мне всё сделать именно так.

Деревянная она была, да и случайно всё вышло, хотя и подозрительно. Из золота её изготовили гораздо позднее, и впрямь кубическую, и то, чтобы народ не расстраивать. А то, откуда появился тот достопамятный указ, ни слова — никто ведь так и не сознался в его подготовке. Не сам же малолетний Князь его написал, тут никак без промысла божьего не обошлось. Людям верится в сказки гораздо больше, чем в правду.

Значительно позднее, историки всё пытались подобрать кандидатуру, которая подсказала мне столь светлую идею. Только вот никого, подходящего на такую роль, упорно не находится, да и указ тот я писал, скорее в шутку. Думал, что он всё равно никуда из Коломенского не уйдёт. Как говорится, хочешь посмешить богов, расскажи им свои планы. Народ же упорно находил промысел божий в совпадении всех мер.

— Ну, раз принёс, тогда тащи ведро. — Раз уж сложилась такая оказия, продолжил я.

Довольно быстро его и притащили.

— Вот государь, не извольте гневаться. — Проговорил Прохор, ставя его передо мной.

— Это точно оно, мерное?

Вопрос был задан неспроста. Ведро, с виду было самым обыкновенным, деревянным.

— Не совсем, но точно как оно, не сомневайтесь!

— Ну, раз так, то давай смеряем, сколько туда кружек влезет. — Продолжил с подозрением я.

Один проблем! Нечем наполнять кружку, хотя, в конце концов, почему бы и не молоком. Только оно на второй кружке тоже закончилось, кто же знал, что Великому Князю

его столько понадобится. Поднялась суета и вскоре его доставили.

— Это что шутка? Ты что за ведро принёс?

— Это не я, а посыльный.

— Так почему в него вошло ровно десять кружек? Что за ерунду сюда притащили?!

Тащите настоящую меру.

— Не ведаю, но сей момент, всё исправим.

Второй раз пришлось ждать значительно дольше, пока, наконец, не принесли медное, специальное. Но и в него вошло ровно десять штук моих кубических кружек.

— Это что же получается, в ведре их действительно десять?

— Истинно так! Как глазам своим не верить.

М-да, шуточки. Как так получилось-то? Нет, тут может чего немного и не совпадает, но с нынешней точностью этого не выявить, так может закрепить соотношение на бумаге, да и дело с концом. Однако сколько же это весу?

— Прохор, а давай взвесим, сколько чистой воды в кружку входит. Только воды, чистой колодезной, распорядись принести.

В этот раз, видя моё возбуждённое состояние, Прохор сам куда-то унёсся.

— Вот, всё принесли и кого надобно привёл. — Проговорил он.

— В каком смысле? — Не сразу поняв, зачем кто-то ещё нужен, задал вопрос я.

Всё было просто. Притащили и кого-то с весами. И в самом деле, а как взвешивать-то без них, чего-то не подумал. Уравновесили чаши, забавные такие, подвешенные на цепочки. Потом с помощью песка, насыпанного на другую сторону, обнулили вес кружки. Наконец залили в неё воды. Человек этот чего-то там стал возиться, а я ёрзать. Сколько можно! Но это так неспешно делалось, как впрочем, и всё вокруг. Только на войну сборы тут не затягивают.

— Три гривны чистого весу. — Прозвучали, как гром среди ясного неба, его слова.

Стоп, я, что, на программе "Розыгрыш"? Это же получается, русские меры, все, вот так, запросто, увязываются между собой. Всего-то и надо, объявить, что кружка теперь равна одной ладони по трём сторонам, а весу чистой воды в ней ровно три гривны. В ведре их будет десять, а все остальные меры объёма и веса как и прежде.

Я тупо уставился на Прохора.

— Великий Княже, всё ли ладно? — Обратился обеспокоенно он, видя моё состояние.

— Да всё в порядке. Знаешь что? Давай напишем указ "О мерах и весах". У нас же и Коломенском есть свои линейки, так пусть будут и другие меры. И пусть только кто пикнет, сразу указом по лицу. А?

— Указ, так указ.

Вот так, кстати, он и появился, на самом деле.

Всем вот этим я и хвалился. Про указ не забыл упомянуть. После этого она чего-то в лице переменялась.

— Можно его почитать, сынок? — Обратилась Глинская ко мне, и как-то уж очень грозно взглянула в сторону моих нянек.

Конечно же, она его получила. Чего там скрывать! Простое описание соотношения мер, да особое выделение их взаимосвязи.

— Мам, а пришли мне сюда хоть одного златокузнеца.

— Зачем тебе?

— Да вот захотелось мне сделать тебе подарок особый, чтоб точно не было такого

ещё.

— Конечно, сынок. — Ответила она, улыбнувшись довольно.

Мне просто пришла идея, сделать перья из золота и серебра, для знатных, да ещё и клеймить их моей печатью. Пора начинать делать элитные вещи, а знак ставить на личных подарках. Золотая монета конечно хорошо, но её легко потерять, а такие вещи будут хранить.

Разрешение на строительство паровика получил. Заодно, моя мать заказала для Кремля самоваров и мясорубку.

Прихватила она и мой указ, с образцами всех наших мер. Позже, узнал, что спички детям не игрушка, и как бы шуточно не писал указ, но здесь это обретало сразу силу закона. Так новые меры стали государевыми и распространили по стране, как казённые. Сопротивления они нигде не встретили, потому, как ничего нового не привнесли, а кто догадался о новизне, промолчал.

В Кремле народ новинки увидел.

— Пётр Иванович, ты энти лепёшки из мяса едал?

— Конечно, Юрий Михайлович. Только, суховатые они, какие-то.

— И мне так показалось. Однако допустить, чтобы такие едали только на великокняжем дворе, никак не можно. Это же, какое поругание нашей боярской чести, что мы хуже Глинской, этой? Я вот думаю заказать себе, эту, как её. Мясорубку, во! Чтоб значит, не хуже чем у других было.

— Так-то наверно и я прикуплю. Чего это, у всех будет, а у меня нет! Вот за самовары уже и задаток дал, да не за один.

— И не говори! Хорошая штука. Только узоров бы на них, каких, чтоб и глаз радовали.

— Так и такие делают. Эти так, говорят на пробу, потом пойдут для дворовых, а сейчас делают новые, да лепые.

Заказы пошли, сначала медленно, а сейчас уже это самостоятельные производства, особенно самоварное. Их теперь выпускают разной вместимости, даже украшать начали. Многим уже не только функция нужна, но и чтобы глаз радовал...

Сделать этот паровик, когда у тебя под рукой и станки и опыт промышленного развития, пара пустяков. Изготовить здесь, в Великом Княжестве Московском, в 16 веке, да и веком спустя, а то и двумя, это подвиг, во всяком случае, если ничего из истории не путаю. Нет ничего. То, что называют станками, являются ими лишь условно, потому как другого нет. Хотя я и отдавал только приказы и лез с советами под руку, всё равно устал.

Днище отлили из меди на Пушечном Дворе в Москве. Формы оно было простецкой. Ну чисто кастрюля, только тяжёлая, просто жуть. Крышку к нему отбили молотом из меди же, сферической формы и сварили между собой. Это было наверно самой лёгкой частью.

По проекту паровик должен иметь 6 цилиндров, два блока по три. Это я не с жиру бесился, деваться некуда, при такой-то конструкции. Иначе непрерывной работы не получалось вовсе. Уязвимым местом этой машины были уплотнения между поршнем и цилиндром. Вы не ослышались, не кольца, а именно уплотнения. Очень важно было их обеспечить, работало атмосферное давление, а не пар. Приходилось даже воду наливать на них, для лучшей герметичности, заодно решался вопрос с индикацией износа. Это же потребовало предусмотреть в конструкции возможность раздельной работы блоков.

Три цилиндра объединялись в блок для гарантированно простого пуска. Преобразование движения в поступательное осуществлялось кривошипно-шатунным механизмом. Кривошип имел массивные маховики, иначе никакой равномерности вращения

вала, даже в уме у меня не получалось. В принципе, во многих случаях можно будет обойтись и коромыслом, что и проще и дешевле.

Цилиндры лишь условно ими были. С какими матами им придали видимость такой формы, лучше не слышать, особенно когда думали, что меня рядом нет.

— мать, и чего их на "Пушечном дворе" не сделали, как кастрюлю эту. Токмо сложностей придумать.

— Наверно медь берегут.

— Да чтоб им, с медью этой. Будто у Великого Князя её мало.

— И не говори.

Вот такой разговор довелось случайно услышать. Но дело было, на самом деле, не в экономии меди. Видел я здешние пушки. С цилиндричностью каналов ствола, у них, было ещё хуже. В принципе, устройство пушечного сверла мне было известно, но было ли где его применить? Да и изготовить его ещё надо было.

За зиму, сделали лишь запчасти. Тогда же подобрали место под установку, чтобы лес удобно было подвозить, а доски вывозить покупателям. Детали для пилорамы, почти всё из дерева. Маятниковые пилы, для распиловки и кромления. Даже с ними возникли проблемы, попросту не делали. Смычковые конечно были, но нужны-то были другие. Пришлось-таки наступить на горло своей песне, и приспособливать то, что есть. Другое, просто невозможно, пока.

К концу июня, с божьей помощью, собрали и испытали. В июле пилорама заработала. Жуть конечно. Всё гремит и болтается. Точность мне только снилась, но ведь работала. Все доски уходили в казну. Считать здесь умели, а наши были значительно дешевле, потому стоять лесопилке не приходилось.

В связи с расширением, производство самоваров перенесли в Тулу. Во-первых, это крепость и довольно сильная, да и полк там был не маленький. Ежели что, есть, кому мои начинания защитить. К тому же, кузнецов там достаточно, только не все шли на мой завод. Стало ясно, что на новом заводе тоже надо ставить паровую машину. Он же будет и их производить. Ко всему прочему, там и железо добывали, а у меня к нему особый интерес.

За весну и начало лета отстроили кирпичный завод и глиняное производство. В сущности, эти производства похожи, только кирпич формуется, а для глинята это не нужно, да и обжигается он при меньшей температуре. Благо, глина была неподалёку.

— Вот неужённый. Приказал бы просто, и навезли бы ему кирпича, сколь надобно, ан нет. Подумаешь, пообещал он. Обещать, не жениться! Теперь вот упирайся, делай этот кирпичный завод. — Возмущённо проговорил Прохор.

— Такова твоя доля. Сам соглашался, нянькой Великому Князю стать. Не неволили ведь. А слово государево крепко. Он малец ещё, а понимает. — Проговорила в ответ Таисия.

— Да разве ж против? Токмо я должен за ним следить, а приходится за его придумками. Вот и его матушке, грамотку отписал, чтобы прислала ещё людишек, да посмышлёней. А то ведь с ума ведь сойти можно, от его задумок.

— Чего тогда ворчишь, как дед старый?

— Хорошо тебе... — Начал было он, но увидев в дверях меня, покраснел.

— Значит, не нравится тебе мой завод.

— Как не нравится? Хороший, ладный.

— Чего в нём хорошего? Нет ведь ничего ещё.

— Раз по повелению государеву, обязательно хорошим будет.

До чего же верткий, не ухватишь, обязательно выкрутится. Однако же, проблемы при строительстве были.

Как сделать печь для обжига кирпича, ведал. Роеся яма, и выкладывается она, опять же, сырцом. Всего таких, четыре. Странное число, вроде? Ничуть. Именно столько нужно для практически непрерывной работы. Неделю на обжиг, столько же на остывание, остальные две на закладку и выборку кирпича, чистку от шлака и подготовку к новой закладке. Вместе с первой партией кирпича она и обжигается. Одна укладка 75000 кирпичей, четыре печи в месяц и того, за сезон, небольшой такой заводик, дает более 1000000 кирпичей.

Красиво? Вот и я думал так. Одна проблема, режим протопки знал, а вот как правильно укладывать кирпич в печь, для обжига, только в теории. Это, между прочим, чуть крест не поставило, на всей затее. Ещё до начала строительства, пробовали выкладку сырцом делать, на ровной площадке, естественно не я. Не простая оказалась задача, обеспечить четыре требования к ней. Чтобы и колодцы были для угля, и горячим воздухом кирпич со всех сторон обдувало, да входило как можно больше, ну и при этом тяга сохранилась.

— Это чего это строят?

— А шут его знает, но споро кладут.

— А может что нужное?

— Врядли, не разбирали бы тогда.

— А чего тогда стоишь?

— Так интересно же! Смотреть, как другие работают.

Да, на это можно было смотреть бесконечно, как на воду и огонь, так что зевак всегда хватало.

Вот тяга, меня больше всего и смущала. Пока не построишь, не узнаешь. Потому и вариантов закладки было несколько. Правда, все оказались непригодными. Про самое-то важное и забыл. Помнится, включали тогда, на колхозном кирзаводе принудительную тягу. Но это потом я про неё вспомнил, а сначала построил всё точь-в-точь, как помнил. Только вот не хочет топиться печь и всё тут! Да что же за едрить-колотить. Не сразу вспомнились походы дядьки, к кнопке включения дымососа. Хорошо хоть память услужливо подсказала, его же рассказ, о том, что раньше такой ерунды не было, а просто труба высокая стояла.

М-да, сделали-то топками друг напротив друга попарно, и все четыре рядом. Истопнику, конечно, так удобней, но в таком случае две трубы строить надо, а кирпича и на одну нет. Переделывать всё пришлось, чтобы все четыре к одной трубе привязать. Система заслонок, позволяла подключить её к любой из печей, на выбор. Переделать-то переделали, только кирпича больше не стало, класть трубу было по-прежнему не из чего.

Спасло глиняное производство. Печи там сделали небольшими и полностью закрытыми. Вот там и отжигали первые кирпичи. Труба стала заметной достопримечательностью. Таких высоких строений в округе не было. Может и можно было пониже, но как вычислить эту высоту я не знал, и потому волевым решением она стала двадцать полусаженей.

— Видал ту штуковину, что на новом казённом заводе построили?

— А как же. Непонятно для чего, но дура знатная.

— Говорят, дым в неё пускать будут.

— Это ещё зачем? В чём польза-то? Лучше церкву новую поставили бы.

— Думается, чтобы дымила, до самого неба. Завод-то великокняжеский, знать и дымить

должен по особливому.

— Да уж, наверно, так оно и будет.

Наконец печи стали топиться. Но выяснилось, что, то ли режимы я запомнил не точно, то ли кладка другая, не суть важно, а пошли пережоги и недожоги. Годного кирпича — курам насмех. Вот всё это и обеспечило загрузку водяной мельницы, после её запуска. Первый глинит-цемент был не из глинита, а из накопленного, к тому времени, кирпичного брака. Но метод научного тыка не подвёл. Производство отладили, но уже ближе к августу.

Наделали там, соломенных навесов для сушки заготовок кирпича. Навезли глины с запасом. Не мы, а опять напрягли мужиков. Вся округа возила на поводах. Весь кирпич ушёл в Москву на постройку Китайгородской стены.

Для получения глинит-цемента нужна была ещё гашеная известь и немного гипса. Производство извести тоже освоили, в районе Коломны, но это позже. Гашеную известь привозили на кирпичный завод уже готовую, сначала покупную, а потом свою. Гипс же недалеко от Москвы добывали. Его надо было совсем немного, так что он проблемой не был.

В итоге все компоненты измалывали на мельнице, заработавшего к августу водного колеса. А кирпича негодного, накопилось уже прорва. Делать, не переделывать. Получившийся порошок был весьма неплох, за неимением портландцемента, но для получения его, в отличие от второго, требовалось гораздо меньше топлива. Всё пошло на Москву.

Постройка крепостных стен буквально высасывала стройматериалы.

— Великий Княже! Тут такое дело. Стекло делают здесь, недалече. В московском уезде. — Проговорил Никодим, один из новых розмыслов, присланных Глинской в ответ на грамотку Прохора.

— Ну-ка, ну-ка! Поподробней.

— Делают бусы всякие, глазурь... Ещё под Новгородом такое есть.

— А стёкла для окон не делают?

— Чего нет того нет, дорого сильно.

Интересно, дорого это сколько? Заморское, вон, пожалуйста, хоть и действительно дорого. Получается что, дороже завозных? Что тут за производство-то? Узнать не у кого. А он продолжает вещать, степенно так. Ой, я чего-то уже пропустил. Ого, ну и цены.

— А подешевле никак?

— Везде так. Ежели у стекольщиков, то оно конечно дешевле будет.

— А ежели завод самим поставить?

Ответа на такой вопрос он не знал. Ну что голубчик, как говорится, инициатива, у нас, наказуется исполнением. Там теперь и у меня есть завод. Я его не видел, но говорят, что не хуже, чем у остальных. Интересно, каких это остальных, и сколько их?

Основное своё производство стекла решил сделать на речке Гусь, что между Владимиром и Переяславль-Рязанским. Почему-то же его там наладили, если память мне не изменяет, а рисковать не хочется. В общем, дал я такой наказ, чтобы подыскали место, в том районе. Правда, тогда не понял, почему это такое недоумение вызывает.

Если бы не моя мать, вернее люди, которых она посылала исполнять моё баловство, ни чего бы этого не было. Она же решила расширить мое производство кирпича и глинит-цемента, построив за счёт казны ещё нескольких таких заводов по всей стране. Они становились вроде как моими, а я рассчитуюсь материалами, тем более, столько городов нуждалось в укреплении. Интересно, вот поляки и литовцы удивятся, натолкнувшись в пограничных городах на новые кирпичные крепости.

Весной этого года начались стройки, не смотря на смерть моей матери. Всё это уже работает. Стена Китай-города закончена. Казна, на мои придумки, тратить деньги не желает более. Но я уже так не переживаю. В Туле запущен в работу ещё один паровик. Приводит в движение он там кузнечные молота. Это правда не совсем тоже, что и паровые, вернее, совсем не то, но всё же.

Самовары пошли на поток, правда небольшой такой. Для большинства, они по-прежнему, недоступная роскошь. Но появилось стремление, завести и себе такой, потому как это стало признаком достатка. Зажигалки тоже не потерялись. Семь заводов по производству кирпича и глинит-цемента уже окупилась и вернули потраченные на них деньги. Построены ещё несколько лесопилок, только уже с приводом от водяного колеса, в том числе и под Новгородом. Строился и бумагоделательный завод.

Из-за появления целой кучи производств, требующих уголь, проблема получения древесного угля встала очень остро. Благо я помнил, как мой двоюродный брат решил заняться бизнесом. Бизнес был не хитёр. Своровать в лесу берёзы на дрова, и нажечь с них древесного угля, для шашлычных.

Устройство печи примитивнейшее, но для этого времени дорого. Она нужна из железа и состоит как бы из двух топок. Одна обычная, вторая глухая, где собственно, без доступа воздуха и получается уголь. Ещё, её надо обмазать глиной и потолще, чтобы меньше тепла терять. Можно и так нажечь, но выход угля невелик получается.

Вроде всё просто, а попробуй, сделай её в кузне. Дорого, не то слово, но без этих печей никуда, во всяком случае, я так думал. Но вокруг меня, далеко не все разделяли эти взгляды. В основном использовали сильно упрощенные варианты. Железа всего одна пластина и нужна была, а всё остальное из глины. Почему сам не подумал, не знаю, но размыслами не за зря становятся. Первые печи ставил на пилорамах. Там много опилок и других отходов, которые можно пустить на протопку. Это оказалось не везде удобно. Пришлось во многих местах основывать углежоговое производство.

Сейчас мои проблемы конца 1538 года кажутся смешными. Мне уже одиннадцать лет и заканчивается 1541 год. На самом деле 1541 год закончился, здесь новый год с 1 сентября начинается и по факту 1542 год. Это я всё по привычке отсчитываю начало с 1 января. Шутка ли, но только при Иване 3, тоже "Грозном", в Великом Княжестве Московском стали вести отсчет календаря на государственном уровне.

Забавно, но это был лунный календарь. Новый год отмечался с началом весны, как впрочем, и много веков до этого. Надо учитывать, в какое время всё происходило. Это момент подъема государственности. Такой календарь стал проблемой, по нему же вели отчет и татары, принявшие к тому времени, окончательно, Ислам. Если учесть насколько была ожесточённой борьба, то не удивительно, что мы отказались от него, и перешли, как люди православные, на солнечный, Юлианский. Тогда и сдвинулся новый год на первое сентября, хотя отсчет всё равно продолжили вести от Сотворения мира, оно солидней как-то.

— Да когда же это кончится. Трофим! Закрой ставни, что ли.

М-да, слюдяные оконца, это совсем не застеклённые. Сквозняк, блин! Новая печь, голландка, не спасает. Первую собрали только летом 1540 года, теперь вот красуется у меня в Спальной избе. Получился первый чугун. Из него и отливать стали всё необходимое. Если честно, то на мои "чудачества" смотрят косо, но не мешают. Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. Похоже, печь признали уже не баловством, бояре стали наведываться и как бы невзначай интересоваться, как бы такую и себе приспособить. Тонкий такой намёк, на толстые обстоятельства. С отоплением в Кремле проблемы. В той же "Грановитой палате" зимой такая дубочина, что жуть. Я-то всё думал, смотря фильмы, зачем бояре в тулупах там парятся? Ага, парятся они, как бы не околеть!

Наконец пришёл Трофим, что-то бурча себе под нос. От закрытых ставен в комнате сразу потемнело. Мог бы и сам закрыть, но помаленьку вживаюсь в роль. В том, что дует, по большей части, сам виноват. Не трогал бы окошки, не дуло бы. Нет, надо посмотреть, что там на улице. Не откроешь, не увидишь. Слюда только свет и пропускает. Сквозняк явно уменьшился.

— Вот на кой ляд перенесли начало года? — Мысли вернулись в привычную колею.

Самый период страды, какие к чёрту праздники? Он и не стал им. Не удивительно, что сдвинутый на 1 января, прижился. Зима, время отдыха, почему бы и не попраздновать. Старый, кстати, отмечали с размахом и без понуканий, да и в 21веке тоже. Только это называлось проводами зимы. Вот такие выкрутасы.

Потому и мне не хотелось его замечать, а подсознательно отсчитывал, как привык. Хотя если честно, зимой можно обойтись и рождеством, лучше всё-таки вернуть его на 1 марта. Всё равно ведь отмечают. А всё церковь. Борется она, видите ли, с языческими традициями. Со здравым смыслом она борется. И ведь ничего не сделаешь, реальной власти нет.

Завтра Рождество, кстати. Настроение предпраздничное, и, кажется, ничего его не может испортить. Чтобы так стало, очень много пришлось сделать. Перемены, пришедшие со смертью Глинской, пугали, но человек и не к такому привыкает. Вот и я приноровился.

Всё не так страшно оказалось, как думалось в 1538 году.

— Батюшки святы! Не иначе чего приключилось! — Перекрестившись, воскликнула Таисия.

— Чего там? Чего молчишь? — Это уже я к ней пристал.

М-да, начинаю заборзевать. Сам уже ничего, почитай, и не делаю. Вот и сейчас послал её посмотреть, чего там во дворе собаки так разбрехались. А за окном тем временем стал раздаваться визг. Видать животинкам досталось, за особую ретивость.

— Там бояре и другие видные люди Московские, а воев, до края.

— Откуда они здесь? Ты чего несёшь? Не уж-то войной куда собрались? — Проговорил я, сорвавшись с места, устремился к окну.

Народу было и впрямь море. Подозреваю, тут, в Коломенское, отродясь столько не заглаживало. Из группы бояр вышел один, и направился в сторону крыльца. Хм, а в рядах бояр-то единства не наблюдается... Вон, как иной раз друг на друга зыркают.

— Ох! Чего это я! — Подхватившись, вернулся на своё место.

Вовремя. В низкую дверь прошёл, скорее, протиснулся, человек невысокого роста, в котором трудно было не узнать князя Василия Шуйского. Круглое его лицо не могло скрыть следы решительности и властности. Тяжеловато было ожидать другого выражения от Первого Думского Боярина, фактически главы Думы.

Ведь именно ему было передано, по завещанию Василия 3, регентство. Только решительные действия Телепнёва-Оболенского позволили оттеснить его от власти в тот момент. Молодой князь фактически совершил тогда переворот в пользу Глинской. Но даже его решительности не хватило, чтобы свалить такого гиганта. А трепаться языком Шуйский не любил, предпочитая действовать. Ещё вчера, после смерти моей матери, посадил своего молодого недруга в темницу и буквально в несколько часов вернул себе власть.

— Государь, вчера в два часа по полудню, матушка твоя скончалась. Неотложные дела государевы требуют твоего возвращения в Москву, сей же час. — Поклонившись, проговорил он, держа высоченную боярскую шапку в левой руке.

— Как же так? Я же тут... Блин! Ну почему? — Носились мысли в моей голове, а на лице отразилась растерянность.

Видя её, няньки мои решили помочь в принятии правильного решения.

— Государь, собираться в путь-дорогу вам пора. — Проговорили они хором, упав на колени.

Как будто у меня был выбор. Всё, расслабуха кончилась. Больше прикрыться было не кем. Шуйский же молчал, и просто наблюдал за моей реакцией. Недаром "Немым" прозвали. Лишнего слова не скажет. Оно и спокойней так, в опалу попасть не за что. Но из рассказов воевод я знал, что за ним не заржавеет. Когда поляки окружили Смоленск, перевешал всех заподозренных в сочувствии к ним. Гуманист, одним словом. Может, только поэтому удержали Смоленск, в прошедшей войне с Литвой.

Сборы мои были не долгими, но суэта в тереме поднялась до потолка. Трусил я страшно. Неизвестность пугала и только собрав всю свою решимость в кулак, продолжал двигаться. Лицо мое, как будто иголочками кололи. Выражение отрешённости так и застыло на нем.

Дальше всё пошло рывками. Такое чувство, что большую часть происходящего просто стёрло. Вот высокое крыльцо, на которое мы вышли из терема. А вокруг сотни человек в

поклоне, а кто и на коленях. Вот едем в повозке в Москву. И только затемно уже въезжаем, в сей город. А вокруг никого знакомого. И нянек, и Венюкова с воинами не было. Все новые вокруг.

Вот таким мне запомнился день 5 апреля 1538 года от Рождества Христова.

— Слушай Прохор, а чего мы сидим.

— ...???

— Давай крепость построим? А может две, или три.

— ...????? — В сопровождении вытаращенных глаз.

Как бы его не удивляли мои предложения, но привычки перечить им у него отродясь не было, да так и не появилась. Зато она была у другого человека, правда мягко и ласково, скорее уговорами, но ведь супротив.

— Государь может ну его, эти крепости? Сегодня же Сочельник. Праздник-то, какой наступает. Пойдёмте лучше в церковь, помолимся. — Постаралась направить меня, на путь истинный, Таисия.

Да! Мои няньки вновь при мне. Как ни странно, вернуть тех, к которым уже привык, оказалось не сложно. Правда, они тогда были одни из, а вот сейчас уже единственные.

Вражда двух родов Шуйских и Бельских, постоянно воюющих за власть, позволяла иметь некоторую самостоятельность. В своих делах и только, в государственные дела, ни-ни. Мне собственно страной рулить и не хотелось, но без меня ничего формально не делалось. Приходилось подписывать всякие указы. Таскаться на приемы. Муть, одним словом.

Не сразу и разобрался в хитросплетениях местной политики. Вроде в думе все бояре, а кто тут кого, тот ещё вопросец. Ко всему прочему вокруг стал крутиться, посаженный Глинской, но вновь оказавшийся на свободе, князь Иван Бельский. Подозрительный тип, хоть из себя, чуть ли не святоша. Да и родственничек его, доверия к нему не прибавлял.

Нет, конечно, мир не без уродов, но этот фрукт был тем ещё перцем. Ладно бы просто сбёг в Литву, ан нет. Масштабная личность оказалась. В смысле губозавертательной машиной обойтись уже было нельзя, минимум комбайн. Он мечтал не только о княжестве Бельском, но даже и о Рязанском, и для возвращения себе этих отчин хлопотал в Литве, Константинополе, Крыму. Ладно бы просто хлопотал, а то ведь и приводил вражеские войска на Русь, но об этом позже.

В общем, князь этот стал крутиться вместе Михаилом Васильевичем Тучковым, прощупывать почву, так сказать. Советы там всякие мне давать. Я же только глазами хлопал. Ну, откуда мне знать было, по началу, кто тут чего весит. Не в смысле килограммов, а влияния. Тем более няньки упор делали на Василии Шуйском. Явный протекционизм, не иначе, его люди.

В общем, нашли они себе приключений, когда стали проталкивать в бояре Юрия Михайловича Голицына, А Ивана Ивановича Хабарова — в окольничие. Нет, на их стороне был митрополит Даниил и дьяк Фёдор Мишурин. Так что они надеялись, что этого хватит. Только думать надо было, против кого пошли. А пошли они супротив Василия и Ивана Васильевича Шуйских. Про Василия хорошо представлял, что он просто так этого не оставит. Про Ивана знал же гораздо меньше, но подозревал, что будет не лучше.

На что же они тогда надеялись? Это, пожалуй, были ярко-выраженные бюрократы. Упор они делали на процедурные вопросы, а конкретно, на указы Великого Князя

Московского, т. е. меня. Лестно конечно, но я-то понимал во всём этом мало. Совсем ничего. Думаю, что Шуйские решили это недоразумение с выходом из темницы Бельского исправить.

Бельского снова посадили в неволю, советников его разослали по деревням. Знатные враги Шуйских подверглись только заключению или ссылке, зато горькая участь постигла дьяка Мишурина. Шуйские захватили Мишурина на своем дворе, велели княжатам, боярским детям и дворянам ободрать его, нагого положить на плаху и отрубить голову, без государева приказа.

Возмущение у всех вызывал не факт отсечения головы, а то, что без моего позволения. Странной это была попытка захвата власти. По мне так совсем не так надо было действовать. Решительно, в первую очередь, нейтрализовав противную сторону. Но это было личное мнение, которое и осталось при мне. Говорю же, какой-то он малохольный, этот Бельский.

Понятно, покочевряжился тогда немного, чисто для проформы. Слегка возмутился казнью Мишурина. Из-за этих моих пары слов Василий наградил своего брата довольно злым взглядом. В общем, мой прозрачный намёк на моих нянек выполнили мгновенно. Так, что я решил заткнуться и замять тот инцидент. Вот так Прохор и Таисия снова оказались в моём окружении. Правда, другие няньки никуда не пропали, ну и шут с ними.

— Мя...ууу... — Раздался истошный крик кошки из соседней комнаты.

А потом что-то загремело, и кто-то смачно высказался, на тему о том, что он думает об этом свете. Света в соседней комнате действительно не было. Там ставни закрыты были все. Попадал туда из нашей комнаты, через немного приоткрытую дверь. А у нас тоже серьёзный полумрак. В общем, тьма там была. Голос-то был знакомым. Зуб даю, Михайло Венюкова принесла нелёгкая.

Мимо пронеслась перепуганная мурка.

— Мурка. Кис, кис... Ну, чего ты напугалась. Кис, кис... — Попытался остановить я её.

На призывы она отреагировала и, остановившись, уставилась на меня зелёными глазищами. Постояла так немного и потом, решив что-то про себя, гордой походкой направилась в мою сторону. Наконец она улеглась у меня на коленях и довольно заурчала. Ещё бы, ведь её гладили, а это дело она любила. Появилась она у меня с лёгкой руки митрополита Даниила.

Вот не думал никогда, что власть, это, иногда, так муторно. Хоть и можешь приказать всё что угодно, но это не факт что будут исполнять. А как узнать что будут? Реальная власть у Боярской Думы. Кто её глава, тот и у руля. Я, был статистом, в этом спектакле. Стоило только проявить хоть малейший интерес, меня тут же пытались отвлечь на что угодно, чтобы и думать забыл.

Сопротивляться не стал и отвлекался, как мог. Поначалу, это конечно вызвало нездоровый ажиотаж, но вскоре все успокоилось. Разные ведь игры бывают. Ну, а раз я Великий Князь, то игры у меня великие. На том окружение и порешило и перестало вмешиваться, но и помощи не было. Вот тут-то и стало понятно, чего на самом деле стою, хоть и Государь.

— М-да, один в поле не воин. — Не весёлые мысли никак не хотели выходить из головы.

С истории помнил, что вначале чугун случайно получили в кричной печи. Там было дело в большей задувке воздуха, вроде. Раз так, то дело плёвое! Ага счаззз... Типа Великий Князь и всё такое. Деньга имеется. Осталось плюнуть и растереть. Потому и решил сбавать в Туле такое производство, по быстренькому. Вот перед таким очередным своим творением сейчас и стоял. Это кстати четвёртый вариант печи, в которой надеялся-таки получить чугун. Что-то похожее, кажись, получалось, но мало и не долго — домница начала разваливаться.

А что вы хотите, обычный кирпич на такие страсти не рассчитан. Нужен другой, огнеупорный. Только нет его. Даже глины для него нет, искать надо. А кого этим озаботить? Может, дело не только в кирпиче, но и конструкции самой печи, хотя вроде ничего там мудрёного нет, но кто точно знает. Как же мне не хватало Прохора, с его наглой, с хитрым прищуром глаз, морды лица. В том-то и проблема, приказы мои исполнялись точь-в-точь, но я-то абсолютно точными знаниями не располагал. Вот и на это производство нужен был человек, которому тоже было бы интересно.

Нет, если бы поселился тут в Туле, в конце концов, добил эту хрень, но бывал наездами, а потому и получалось, то, что получалось. Нужно было искать людей, которые бы занялись всем этим серьёзно. В окружении никого перетруждаться сверх меры не находилось. В общем, больше никого, кому бы мог доверить свои игрушки, не знал. Как нельзя, кстати, тогда обострилась борьба между Шуйскими и Бельскими. Как же обрадовался возвращению своих нянек. Вот, в общем-то, вот так, бестолково, и прошёл 1538 год.

Думалось тогда, что, наконец, всё затихло, да вот и нет. Вскорости, князь Василий Шуйский умер и ему на смену пришёл его брат Иван. История с Мишуриным, которая уже стала забываться, вышла вновь на первый план. Нехороший был прецедент. В думе, среди бояр, вновь вспыхнуло глухое раздражение. Оно бы может и забылось совсем, но опьяненный, фактически абсолютной властью, Иван начал, по понятиям местного бомонда, беспредельничать.

В отличие от него, Василий поступал правильно, разогнал противников, подмял власть под себя, и стал править, как считал нужным. Тем же, кого не тронул, намекнул так, прозрачно, что ежели ещё воду мутить и дальше будут, то уж извиняйте. Потому и успокоилась буря в стакане.

Ивану было этого мало. Ему обязательно нужно было показать своё превосходство. Причем вещественное. Если для Василия был какой-то порог, через который он не стал переступать, то его брат такой ерундой не заморачивался. Василий из врагов своего рода оставил нетронутым митрополита Даниила, Иван же его свергнул, на освободившееся место был возведен игумен Троицкого Сергиева монастыря Иоасаф Скрыпицын в феврале 1539 года.

Мы, в очередной раз, тогда только вернулись из Тулы. Прохор вновь клялся, что вот в лепёшку расшибется, но найдёт нужного розмысла, а то и двух. Я ему почему-то верил, наверно, потому что лицо у него честное. Вернулись, а митрополит уже другой. Непорядок это. А от Даниила осталась только подаренная Мурка, тогда совсем ещё котёнок. Эх...

— Ты почто животину чуть не убил? — Обратился к вошедшему воеводе я.

— ...??? — С недоумением уставился он в ответ, а на лице проступило явственное, никого вроде сегодня ещё не прибил, но тока прикажи — сей момент.

— Да никого убивать не надо! Я про Мурку. Ты знаешь, какая вира за неё! —

Проговорил, поглаживая предмет разговора.

Понимание в его лице появилось, но промолчать оказалось предпочтительнее. Бывали прецеденты. Откроешь рот, а нарвешься на мою лекцию о ценности и полезности сего зверя. Церковники это давно поняли и продавили, в своё время, огромную виру за их кражу. Она была как за рабочего вола.

Откуда-то из угла раздался писк. Это проснулся один из шести пушистых клубков. Мурка естественно сорвалась и понеслась к своим чадам. Они толком ещё не ходили, но на мир уже смотрели широко распахнутыми глазами. Она окотилась не в первый раз. Из первого окота, одного я подарил своим нянькам. Столько не от жадности, они теперь одна сатана. Это оказался кот и вырос наглющим, стараниями Таисии.

1539 год принёс много перемен. Не только незаконное свержение одного и возведение другого митрополита Иваном Шуйским. К слову сказать, Прохор-то обещание выполнил и нашёл-таки розмысла. Звали его Фёдор Савин из Угличского уезда, и был он средним сыном помещика под Устюжно-Железопольским. От него-то и узнал, с удивлением, что там железом занимаются зело и мастеров оружейных имеется многие.

Взялся он за эту мою задумку всерьёз. Даже куда-то ездил. Только за лето 1539 года было построено одиннадцать домниц. Чугун никак не давался.

— И как, скажите, его случайно получили? — Воскликнул я в сердцах, однажды.

Его никак специально-то выплавить не удавалось. Уже думал, что всё, писец котёнку, но Фёдор упорствовал и клялся, что всё путём.

— Чушки, вона, какие отменные! — Начинал он доказывать, демонстрируя блины, извлечённые из разрушенных домниц.

По ним, кстати, и определились с высотой расположения отверстий летков. И опять не сразу. По совести чугун-таки получался, и даже первые отливки были. Но как уже упоминалось, мало и не долго. Но процесс, почему-то завораживал нашего розмысла, да и не только его, притом, что сам чугун никого не удивлял, вот что меня приводило в недоумение.

И вот уже осенью, перед самыми холодами, из Тулы прискакал гонец. После прочтения грамотки, сам чуть туда не улетел, но Великий Князь, за здорово живёшь, не может сорваться с места, по своему желанию. Второй день мне душу выматывал Иван Семенович Пересветов. Он много лет служил в различных европейских армиях, был дипломатом. После встречи с русским послом в Молдавии решил стать российским подданным и в 1539 году переехал в Москву.

Он, по его собственным словам, выехал в Россию с Запада потому, что услышал пророчества "многих мудрецов", что царь будет вводить "во всем царстве своем правду великую", а сам хотел при этом "за веру христианскую и за честь государеву пострадати и главу положить".

— И зачем только согласился с Таисией послушать сего мудрого человека? Очередной страдалец за правду. — Думал я поначалу, но по мере того, как вслушивался, стал просто диву даваться.

— Бог не веру любит, а правду, ибо и бесы веруют, но правды не творят... — Проговорил он, не в первый раз, но видно выражение ему нравилось.

— А пойдёшь ко мне розмыслом?

Правда, солидно не получилось. Голос-то детский. Но как говорится, молодость это такой недостаток, который с возрастом быстро проходит.

— Напишешь всё на бумаге, а мы думать будем.

Иначе, чувствую, это так просто не кончится. Моё предложение его сбило. Забавно наблюдать зависание. Совсем не готовился он к такому неожиданному вопросу. Да и не собирался я этого делать, но грамотка подняла настроение. Охота было совершить что-нибудь хорошее.

— Прохор, ну что возьмем сего достопочтенного мужа Ивана в великокняжеские размышлы?

— Почему же не взять, коли человек хороший.

Надо сказать, что палата, в которой заливался соловьём Пересветов, была большой, и народу находилось в ней еще много. Другие няньки никуда ведь не делись, но как-то уже все привыкли, что разговоры веду только с Прохором и иногда, вмешивается Таисия. Попытки остальных влезть, пресекаю на корню. Толку от них, во всяком случае, с моей точки зрения. Как-то привык их не замечать, вроде как нет никого. А вот он-то не знал такой местной особенности и стал оглядываться, пытаюсь понять, не шучу ли с предложением.

— Ты не сомневайся, слово государево крепко. Оформи́м, как положено, а сейчас ступай. — Направил его в конструктивное русло мой нянька.

— Прохор, тут такое дело, чугу́н получили. Почти две седмицы лили, руда кончилась. Ты понимаешь! Эх! Слушай, ты у нас холостой? — Радостно продолжил я, когда, наконец, посетителя выпроводили.

— Э... Да.

Недоумение читалось на его лице. Причем этот чугу́н и его семейное положение.

— Вот! Таисия тоже не замужем! Завтра вас и поженим, и свадьбу сыграем!

Только вскрик его будущей жены нарушил неожиданную тишину, внезапно установившуюся вокруг. Я всегда говорил, что шок это по-нашему.

— Не губи! — Проговорил он, упав на колени.

— И не буду! Вы отличная пара!

Вот тут и завертелось. И только тогда я узнал, что Прохор имеет фамилию Мышецкий и князь между прочим, а Таисия Тёмносиняя, да-да, ничего не путаю, княжна соответственно, да и вообще все мои няньки из знатных родов. Вот ё.... Всё равно хорошо погуляли. Выехали мы в Тулу в итоге не сразу. Кстати, эта, мной устроенная, свадьба немного снизила напряжение, словно бы разлитое по территории Кремля. Действия Ивана Шуйского изрядно поднапрягли многих, меня в том числе.

В Туле же меня поджидал сюрприз. Печь, в которой, наконец, достаточно стабильно стали получать чугу́н, была из белого кирпича. Прямо-таки вызывающе. Вот тогда я впервые здесь услышал слово Гжель. Глину привезли из местности с таким названием, которая располагалась на Касимовской дороге. Это, кстати, была одна из причин, по которой, в последствии, постарался вернуть над ней контроль. Глина эта всё равно была не огнеупорной, но жар держала лучше. Мысль же начинать делать свой фарфор поселилась крепко. Хотя и понимал, что пока это превратится во что-то стоящее, пройдет немало времени. Не было ведь ни знаний, как толком его делать, да и мастеров не было.

На тот год эпопея с чугуном закончилась. На следующий же было решено строить завод из кирпича, рядом с плотиной, чтобы задув воздуха механизировать. Домницы же будут внутри него. Хотя перестройки и новые варианты их продолжали появляться, но в 1540 году чугу́н-таки стали получать стабильно. После постройки отражательных печей много чего стали лить, но это другая история.

— Вот послушай. Дело такое. Хочу крепости построить. Две али три.

В комнате повисла пауза, поскольку я выжидательно уставился на воеводу. Он, однако, на подначку не повёлся и продолжал стоять молчаливым истуканом.

— Чего молчишь, как в рот воды набрал? Советуй, давай.

— Э... — Начал он, сверкая взглядом в сторону Прохора.

Тот сам пока ничего не мог понять, потому и подсказать был бессилён.

— Эх! Ладно, слушайте тогда. Повелеваю тебе Михайло Венюков... и тебе Прохор... хотя нет, только тебе, Михайло, построить три крепости снежных, аккуратно промеж Кремлём и торгом. Да горок разных, для увеселения. Сроку тебе до завтрашнего утра. — Указав на воеводу, продолжил я.

Тут уж растерялись все. Ничего такого пока тут не было.

— Чего уставились на меня, как на Христа спасителя? Завтра будем там праздновать Рождество. Одну крепость построят вои твои, вторую доверим москвичам, а третью людишкам боярским. Кто лучшую построит, да лепую самую, тот и получит награду от Великого Князя Московского и всея Росии.

— Чем я провинился перед тобой государь?! — Взвопил Михайло, упав на колени.

— Успокойся, ничем. Срок, и правда, маловат. На первый раз сойдет и так как получится. Дальше будем делать это каждый год. Так что пишите указ. Ты бы воевода с коленочек бы встал, да лучше подумал, как снег наваживать туда будешь.

Уходил он от нас расстроенный. Что за психология? Если работу, какую, доверили, обязательно провинился чем. И ведь повально так вокруг. Только бы благ, каких, получить. Встречаются самородки, конечно, навроде Прохора. Хм...если честно, довольно часто, но всё равно, норовят шлангом прикинутся, пока к стенке не припрёшь. Вот и воевода, ведь знаю, что сделает, но обязательно попытается ужом выскользнуть.

— Так теперь ты Прохор. Задачу тебе выполнить придётся ответственную. Привезешь к крепостцам этим ель зелёную да пушистую. Саженой пять, никак не меньше. Ставить будем да украшать. Точно! Трофим...

Было это в том же 1539 году. С чугуном тогда не ладилось, но и сильно он меня не напрягал. А сделать хоть что-то, что обязательно получилось, хотелось. Вот и задумал сделать станок, строгальный. Многие, по наивности думают, что самый простой — токарный. Если по дереву, особенно если с поводковым патроном, то конечно правы. В принципе он и по металлу работать может, но есть одно но... О каком-то качестве можно тогда забыть даже в теории.

В принципе, если вам какую детальюшку в единственном экземпляре надо, и особо требований к ней нет, то можно и на таком. В этом случае станок и из дерева сделать можно, одноразовый правда. А вот если десять и одинаковых, то вам не сюда. Нет, вы не подумайте, я не сноб, какой, такие уже сделали, черенки для лопат точить самое оно, да много для чего нужны были круглые ровные палки. Шкурили их здесь на раз. Обыкновенным мокрым песком на тряпочке. Может и не так хорошо как наждачкой, однако дёшево и сердито. Могли и прижечь, ежели хорошо попросить. Одно слово, занозы проблемой не были. Главное материал подобрать хороший, а не из чего попало делать.

Причем сделали без меня, эту механику тут знали. Серьезный же токарник требует соответствующего подхода. Нет, если делать в единственном экземпляре, то можно и так. На

самом деле это всё отговорки, почему сделал строгальный. Всё возможно при правильном подходе. Это ежели кого удивить там, похвастать. Самая дорогая и трудозатратная часть, в любом станке, это станина. А уж сколько времени требуется на её обработку...

Срок её изготовления измеряется годами. Именно поэтому уникальные станки заказывают задолго вперед. У меня все станки будут такими, правда, стали ещё нет. Так что первые делать придётся из бронзы. Ничего странного, и металл мягче и, вообще, в наличии. По-хорошему, после отливки её нужно вытащить на улицу на год-полтора. Как не отпускай металл, но напряжения никуда не пропадают. Вот, чтобы уже при эксплуатации станка, его не скрутило в спираль, станину и бросают стареть.

Только по-хорошему, я всё равно не смогу. Дело в точности знаний. Последний человек, который знал всё, умер в Элладе. Учиться надо, это делать, да и не мне, а розмыслам. Хорошо если при моей жизни смогут. У строгального станка кинематика простейшая, по сути, кривошипно-шатунный механизм. Весь секрет в механизме отскока, чтобы резец, совершая обратный ход, не бился о деталь. Но история началась не с этого.

— Так, стекла мне надобно пудов тридцать аль сорок. — Обратился я к Никодиму Прохорову, тому самому розмыслу, который моим стекольным заводиком заведовал.

— Не губи! Не виновен я! Наветы это всё! Истинный крест. — Как-то сдавленно пропищал он, бухнувшись на колени и начав биться головой об пол, при каждом поклоне.

Он и так-то был невысокого роста, а сейчас пытался буквально вжаться в пол, кланяясь и осеняя себя крестным знамением. Залысина на его русой голове покрылась потом. В чем дело-то? Чего его напугало-то? Не уж-то проворовался, и никакого завода и нет?

— А ну говори — разворовал казённые деньги?

— Не...не...нет. Ик. — Заикаясь, выдавил он из себя.

Тогда в чём дело-то? Прохор уже подскочил и кого-то зовёт из-за двери.

— Завод стекольный есть?

— Д...д... — Но так и не смог произнести заветного слова и только утвердительно закивал, часто-часто.

— Тогда почему ты не можешь привезти каких-то тридцать пудов стекла, по моему требованию? Говори, давай, а то ката сейчас пригласим, вмиг разговоришься.

— Н...н...нету столько. — Выдохнул он, кое-как справившись собой, всё время, оглядываясь на дверь.

Прохор, видимо понял, в чём дело и вернулся к нам. Интересно. Полтонны стекла много? Что там за завод такой, что ему столько сложно сделать.

— Точно есть завод? Не хуже чем у других?

На что Никодим ничего не ответил, а только согласительно бухнулся об пол. А лоб то у него крепкий, ишь, как доска загудела.

— Слушай, Прохор, может, ты понимаешь?

— Государь не гневайтесь, вы обскажите, для чего стекло надобно, всё найдётся. Да иди ты отсюда! — Проговорил он, выталкивая розмысла.

Плоскости. Вот для чего мне это стекло! Вернее, для того чтобы сделать эталоны. Хотел-то по-быстрому. Видать и это не получится. Именно из необходимости их получение и влез в его производство. Ожидать сверхприбылей не приходилось. Всё упиралось в соду. Нет в России природных источников. Вся она из-за рубежа.

В моё время её делали, пропуская нагретый углекислый газ через соляно-аммиачный раствор. Ладно, соль, а где этот аммиак взять здесь? Есть способ проще. Получать соду из

мирабилита. Природные источники и почти неограниченные здесь есть, но для Московии они не доступны, пока. Ближайший, это Каспийское море, но за него воевать и воевать, не одно десятилетие. А она это наше всё, это и мыло и краски, да много ещё чего.

Пока же в стекло идёт поташ, узнавал. Но сода, по местному зода, говорят лучше, но кому она только не нужна. В общем, чтобы пробы, какие, начать делать, нужны бешеные деньги. Но даже такое стекло не отличается дешевизной. За бусы стеклянные, видите ли, колонисты покупали у туземцев земли. Это там, в будущем, они бросовый товар, а здесь только самоцветы и злата разные дороже. Кто будет барахло с собой таскать. На обмен за тридевять земель брали самое компактное и дорогое.

— Нужны мне пластины стеклянные, размеров разных, с ручками. Понимаешь, Прохор... Задумал я сделать станков разных, для точенья, строганья, по металлам.

— Так прикажи, и мастеров найдем, и сделаем чего надобно. И стекла столько потребно будет.

— Ну, может и не столько, но понадобится. Станки-то особливые делать будем. Такие, что ни у кого таких покамест нет. Пластины эти не простые. Сильно ровными да гладкими должны быть.

— Всё сделаем.

— Тьфу! И как ты сделаешь? Для этого приспособление особое надо. Ванну железную. В ней растопить олово надо так, будто это вода такая. Стекло, расплавленное, выливается на расплав и держится там при такой температуре чтобы не застыло. И держится она так долго, пока всё ровнѣхонько не растекся по ванне. Опосля, в неё воткнуть надо ручки из бронзы и опять оставить, чтобы стекло значитя выровнялось. Запомнил?

— Слово в слово.

— Чуть не забыл. Ручки те подвешивать на проволоку надо, чтоб не утопли и встали ровно, а не перекособочились. Промеж стеклом и оловом ровность такая будет, что и не описать вовсе. И вот чтобы её сохранить, остудить всё это надо будет, да не просто так. Чтоб стекло застыло, а олово-то, жидким осталось. Вот тогда пластину полученную вынуть надо. Ежели ручек за раз много натыкано было, то порезать её на разные пластины, раскалённым железом.

— А как узнать, всё ли ладно с ними?

— Хороши ли они получились, выведать просто. Глянуть надо сбоку на них, чтоб свет падал, да так чтобы вспыхнул он как в зеркале. Только не на солнце так делать или свечу там, а просто свет из любого проема, хоть из дверей. Ежели вся пластина ровно вспыхнет, значит, хороша, а ежели точки, какие, тёмные будут при этом, то нет. Да лучше сюда привезите, сам посмотрю.

Эталон штука сложная в производстве и портится быстро, но другого способа его получить я не знаю. Может и есть, но мне-то не ведом. Без него никак. Самые лучшие плоскости и в будущем делают старинным способом. Берётся шабер, молоток и эталон плоскости. Много труда человека и с помощью шабрения получается измерительный стол. Что такое шабер? Зубило знаете? Ну, вот оно и есть, только зуб не один и он не рубит, а как бы царапает. Станина так и обрабатывается, для прецизионных станков. Всё просто и очень трудоёмко.

— А ежели пластины разного цвета будут?

— Всё равно, хоть в полоску.

Прохор ускакал куда-то, а я остался один и вновь предался раздумьям. Не давал мне

покоя поташ. Его же сейчас гонят за бугор новгородцы, а это знаете ли стратегическое сырьё. Предстоит монополизировать внешнюю торговлю этого ресурса в руках государства. А всё из-за пороха.

Кстати, с порохом сейчас нелады. В основе кальциевая селитра. Отсюда и малая мощность и отсыревание. Потому-то, порох сейчас мягкотью и его постоянно подсушивать надо, из-за чего и стрелковое оружие не в ходу. Для пушки подсушить не проблема, а стрелкам как быть? Но при всём при этом мощности производства на Руси пороха ограничивались нашей погодой. С килограмма земли с бурта у нас выходит лишь 2 грамма кальциевой селитры. Защищать бурты от влаги почти не имеет смысла. Растворяется такая селитра только в тёплой воде. Где вы видели дождь с температурой в 40 градусов и выше. Больше, сможем производить, лишь захватив южные регионы. Там выход продукта значительно больше. Максимум, что мы можем произвести пороха в год сейчас, это 300 тонн. На большую войну не хватит.

Конечно, в ямчужные бурты вместо извести можно добавлять древесную золу и тогда получаться будет сразу калийная селитра, но вот она будет тут же вымываться. Останемся совсем без пороха. У нас не Индия, где из 6 килограмм земли получают целый килограмм селитры и всего за два года. На Руси земля в буртах зреет пять лет и ускорять процесс сложновато, зима, знаете ли, у нас бывает. Потому и надеялся на поташ. Благо его уже делали в промышленных масштабах, а посему просто приказал переделывать кальциевую селитру, в калиевую. В смысле, указ написали, чтобы ямчуг переваривали с ним.

Но всё равно для увеличения числа огнестрельного оружия, по всему выходило, что придётся снижать расход на выстрел, а значит уменьшать калибр. Вот потому и затеял эпопею со станками. Нужны будут свёрла, да не местные, а пушечные и ружейные.

— День добрый Великий Княже.

О чем думал, сразу позабыл. Это Шуйский Иван вломился ко мне в светлицу, даже не испросив разрешения. Да и в приветствии скорее превосходство и пренебрежение. То, что по местному счёту, он повыше будет, да и родственник, пусть и дальний, его не извиняло. Хоть бы сделал вид, что я тут главный. Даже такой мелочью пренебрегал. Фактически абсолютная власть вскружила голову. Нет, когда народу вокруг было, приличия соблюдал, но стоило оказаться мне в одиночестве или обществе Прохора, то Ивана несло.

Прохор по местным понятиям, почти никто. Род его не блещет знатностью и влиятельностью. Даже то, что близок к моему телу, его не возвеличило. В понимании власти имущих, главная его задача развлекать Великого Князя, чтобы куда попало, нос не совал. Он с этой задачей справлялся, потому и терпели. Робкие попытки наладить мосты через него пресёк на корню. По-прежнему всё шло через конюшего. Вот где на самом деле были страсти. Им теперь был Челядин Иван Иванович, бывший моим воспитателем до отъезда из Кремля. Честно говоря, впечатления ещё с раннего детства остались о нём не очень. Был он родственником князя Овчины. Тут родственные связи это ого-го! Но почему-то все решили, что ему со мной легче будет решать вопросы. Ну, решили и решили, только бы ко мне не лезли.

— Как здоровье? Уж не занемог ли? Митрополит вот на тебя жалуется, почто на службы не ходишь? — Продолжил он.

Просто так, или с подтекстом, его моё здоровье заинтересовало. Я с подозрением уставился на еду. Подозрение начало перерастать в панику. Блин! И никого из тех, кому доверяю, нет. Помирать отчего-то не хотелось. Какой к едрили порох! Честно, поначалу,

думал уровень смертельной опасности снизился, вместе с кончиной Василия Шуйского. Шутка ли, после его финта со свадьбой, он обрёл прямые возможности на занятие великокняжеского престола. Яд в чай, ножик в грудь, шарфик на шею или табакеркой в висок, да мало ли естественных причин для смерти у Великого Князя. В таких условиях даже закоренелый атеист станет верующим.

Ошибался, ох как я ошибался. Хорошо Прохор как-то между делом обмолвился об опасности иметь родственников, причём живых. Радовало только то, что брат мой меньший, не совсем адекватен. В общем, списали его уже все в утиль и практически не занимались. Пришлось озабочиваться его судьбой. Но в случае чего это мне не поможет. Но не поднималась у меня рука на него, чего не скажу о дядьях. Пока руки были коротки, и добраться до них не мог. Порассказывал он мне истории про Василия Темного. Отстаивать право на престол совсем не хотелось, да ещё с такими последствиями. Его ведь ослепили! Жуть!

Собственно, именно из-за Шуйских встал вопрос с моей личной охраной подчиненной только мне и более никому. Свою армию нужно было создавать. Всё это очень острые вопросы и с кондачка не решаемые. Как бы ни хулили Глинскую, но именно она держала в узде подобных деятелей. Во что бы то ни стало, но хотя бы территорию Кремля должен контролировать полностью. Я не чувствовал себя в безопасности даже там. Желательно ещё и Китай-город, но это как уж получится. Может зря тогда Бельского не поддержал? Умудрялся Шуйский наводить на меня периодические приступы паники, что буквально отравляло жизнь.

Поэтому-то заход моих дядьёв по поводу, что такие дела надо бы менять, упал на благодатную почву. А когда они привели с собой митрополита Иосафа, то, мягко говоря, это удивило. Что-то Иван неудачно сторонников выбирал. Когда же он заговорил про высвобождение Бельского из темницы, то чуть глаз не выпал. Но ситуация опять повторялась, я практически ничего не знал, о происходящем вокруг. Нет, какие сплетни через Таисию узнавал, но женские интересы довольно специфические и не всегда по теме. Нужен был лазутчик в стане врага. Вот им-то и стал Трофим. Человек, у которого всё хорошо, что бы не происходило, и знал который обо всех и каждом, кто чем дышит. Ещё говорят женщины сплетницы! Как говорится, судьба.

Из-за двери выглянул Василий. Не, не человек. Так звали того самого кота. Вернее появилась только его наглющая морда, и с подозрением уставилась на меня. Я всегда, при случае его гонял, но сейчас это было кому и без меня сделать. Разъяренный клубок шерсти, бывший ещё мгновение назад Муркой, пролетел в его сторону со скоростью выпущенного из пушки ядра. А он что думал, тут котята. Чуть до смертоубийства не дошло. Бежать-то ему было некуда.

В общем, пока их разняли, вернее оторвали Мурку от Васьки, да выпустили того на волю, успел позабыть о чем говорил, да и думал. Хорошо взгляд наткнулся на кружку из обычной глины. Прямо скажем, не шедевр. С китайским фарфором близко не стоял, имелись у нас тут образцы. Да ни с чем пока наша керамика близко не стояла. Даже глазурью облить не догадались. Хотя зачем им, основные потребители — крестьяне. А вот изразцы и даже муравлёные уже есть, а значит, ничего невозможного нет. Но пока, как говорится, видит глаз да зуб неймёт, ведь никаких других глазурей-то и нет.

Глина не такая уж и белая оказалась, а скорее сероватая, была там ещё и жёлтая.

Попробовали даже сделать облицовочные кирпичи, но местная технология их производства почти нивелирует разницу между жёлтым и красным, а белый выходит хуже силикатного. Белый камень оказался гораздо лучше, но и дороже заметно. Так что именно он будет использоваться, хоть от этого и мороки...

Кирпичи здесь совсем не нашего качества. Кремль, вон, пятьсот годков отстоял, а попробовал бы он это сделать, если бы его из кирпича будущего сделать. Хорошо если через год дождём не размочит. Был прецедент, растуды твою в эту принудительную сушку. Реально совковыми лопатами собирали. Сэкономили, называется. Особенностью местного кирпича было то, что он в отличие от своего будущевременного собрата воду не впитывал. А в наших широтах именно вода главный враг всех строительных материалов, особенно весной и осенью.

Вся история вокруг белой глины прошла тогда мимо боярского завистливого ока. Их тогда золотая лихорадка охватила, да и не только. Пока одни за золотом гонялись, другие занялись политическим процессом. По-простому по-русски — заговор готовить, значит.

Вдруг, в июле 1540, именем Иоанновым, с торжеством вывели Бельского из темницы, посадили в Думу, а Шуйский, изумленный дерзостью Митрополита и бояр, не успел отвести удара: трепетал в злобе, клялся отомстить им за измену и с того дня не хотел участвовать в делах, ни присутствовать в Думе. Ага вдруг. Держи карман шире. Собственно и родственники, которые мне совсем не родственники, век бы их не видеть, Глинские именно тогда и отметились. Правда, вся их деятельность свелась к мелкой, посреднической, но даже это позволило им возвеличиться заметно.

— Прохор! Полезай ко мне в возок. — Прокричал я.

Из-за этого вся наша, довольно внушительная, колонна остановилась. Ехали мы посмотреть нашим великокняжеским оком на песочек. Это так, повод. Тем более недалече это было, в районе реки Люберки. По моему приказу могли и ко мне привезти образцы. Правда, хотелось выехать из Москвы, хоть немного отдохнуть от напряжённой обстановки там. Шуйский умудрился переругать уже со многими, вон уже митрополит пришёл против него интриговать. Я пока уклонился от прямого ответа.

— Чего государь изволите? — Проговорил Прохор, подбежав.

— Кому говорю, в возок полезай.

Сделал он это с явной неохотой. Только мне что ли трястись в этой колымаге, так она и называется кстати, а всем остальным верхом и с комфортом? Нет, пусть со мной протрясётся, тем более для дела надо. Кроме подушек под мягким местом у этой телеги ничего смягчающего кочки и неровности нет. Да чего там, даже поворотного круга нет. Ежели куда срочно повернуть, да даже разъехаться, целая эпопея и инженерная задача. По сути, те же сани, только на колёсах, и это повсеместно. Не придумали ещё. Казалось бы, чего проще?

— Слушай сюда. На днях приходили ко мне дядья и приводили они митрополита. Сам понимаешь не просто так. Иосаф просил за Бельского, что бы значит, князя этого из темницы выпустить. — Проговорил я в полголоса.

Прохор же продолжал внимательно меня слушать, весь подобрившись.

— Теперь понимаешь, зачем мне нужен личный писарь, да еще, чтобы такой?

— Не ведаю государь.

— Ты мне ветошью не прикидывайся. Соображаешь ты хорошо. Затем, чтобы знать, что вокруг творится, насчёт узника этого, думы приходили, не скрою. По мне так поспешает митрополит. Рановато он мутить водицу стал. Не так и ослабили силы Шуйского. Хватает у него сторонников, хоть и разругался он со многими. Мыслью, что Иосаф сам до власти решил дорваться. Мнится мне, что можно под это дело потрясти мошну-то поповскую.

— Нежто можно против церкви русской идти?

— Не скажу что это против неё, а вот митрополита и архиепископов за живое прихватит. Хочу я земли митрополичьи и церковные в казну перевести.

— Не отдадут! Не в жисть!

— Ты поосторожней. Чего раскричался. Это как попросить. Ежели просто так, за юродивого примут, а вот ежели с чувством, то это надо будет ещё посмотреть. Хотя по нраву это придётся не многим. Так вот, Тихона ты удачно подыскал, потому будет тебе другой мой наказ. Подберёшь трёх человек, надёжных, чтоб язык за зубами держали. Соберут каждый из них по отряду. Всем скажем, что поедут они по Руси глины особые для моих нужд искать.

— Так чего их искать, прикажите, крестьяне сами отыщут, особенно за награду хорошую.

— Тьфу. Не спеши. Для дела так и сделаем. Отряды это только на словах делать будут. На самом деле от них нужно, чтобы золото отыскиали.

— Господь с вами. Ещё ваш дед Иван "Грозный" злато в земле русской искал, выписывал даже рудознатцев заморских. Во как верил, что оно есть в на Руси. Однако же не нашли. Об этом же все ведают.

— Не уж-то я этого не знаю! Надо чтобы обязательно нашли, окурят по первому снегу 7048(1540) года. Чтобы только следующим летом того года бояре смогли за ним устремиться. При деде-то руду искали, потому её искать не будут. — Проговорил я и остановился.

Как там ещё золото-то искали. Песок вроде промывали, как-то по телевизору даже лотки эти промывочные видел, хотя говорили, что и в обычном тазу можно. Вот потеха будет, если и правда найдут.

— Искать они его будут, промывая песок в лотках. Примерно покажу каких, а там пускай сами додумывают. Золото, которое они найдут, должно быть навряд песку, в нём же найдено. Много не надо, но и не так чтобы мало, чтобы у бояр-то глаза загорелись. Может, не все побегут злата искать, но зная жадность Шуйских, уж они-то точно побегут, а там мы как-нибудь вопросец-то с Иосафом решим. — Продолжил после перерыва.

Вспомнив при этом вечную шубу Ивана. Вот ведь скупердяй, а как обернул. Вроде как не в роскоши живёт, всё для Руси тратит. Талант, такую отмазку придумал. Принято тут награждать за хорошую службу шубой с собственного плеча. Поэтому-то, чтобы самому при этом не замёрзнуть и существуют другие. Ведь если отбросить всю ту лапшу, которую тут навешал всем вокруг, окажется, он абсолютно точно знает, что от него никому ничего не достанется. Вот и вся цена его единственной шубы.

— И знаешь? Найди мне мастера, который эти орудия катов делает. — Сказал, указав на колымагу. — Только чтобы с разумением. Делать будем возок достойный Великого Князя, а не это наказание господне. Смотри не забудь, а то на Тихона, ни какой надежды. В одно ухо влетает, а в другое и не знаешь, что и будет.

А песок мы съездили, посмотрели. Хороший, да и речка вполне. Плотину поставить, будет где и промыть и разделить.

— Прохор! Ты мне вот что скажи... Это точно стекло?

При моих словах Никодим как-то спал с лица. Чего он так нервно реагирует на все мои реплики? Я действительно не знаю, что это такое. По мне так оно должно быть обязательно прозрачным. Пластины же, которые были приказаны к изготовлению, такими не были. Но именно наличие некоторого намёка на неё и не позволяло однозначно утверждать, что меня пытаются надуть.

— Оно самое! Не сомневайтесь.

Я пристально посмотрел ему в глаза.

— Истинный крест! — Воскликнул он перекрестившись.

Вроде не врёт. Хм. Из него, пожалуй, только бусы и делать, то-то оконного у нас стекла нет. Дело-то вовсе не в цене. Чем-то оно на покрытие муравлёных изразцов походит. Только оно зеленое, а эти пластины жёлтые. А ведь и верно, из этого стекла разве поливу не сделать?

— Прохор, а кто у нас поливами занимается, что за мастера, и почто их не знаю? — Проговорил я, вращая задумчиво в руках небольшую такую пластину.

Только когда прошло некоторое время и не последовало ответа, я поднял на него взгляд. Он просто не понял вопроса.

— Поливками для муравления изразцов. — Пришлось добавить для уточнения.

— Так итальянцы, да работники в той избе. — Наконец радостно проговорил он.

— Так у нас что, это всё на самотёк пущено. Никто ими не занимается, даже самый запропавший розмысл?

На лице Прохора читалась бешеная работа мысли, чего бы такого сказать государю. Ответ был ясен.

— Ладно, всё понятно. Тащи сюда Тихона, и пишите указ, хотя нет рановато. Сначала подыщи мне людишек, хоть податных, коим поручить можно дело составления новых полив для муравления. Заодно разузнай, не занимаются ли по близости, ну может не совсем поблизости, но чтобы точно на Руси, глиняными изделиями. Ежели там помещики есть, то посоветуйся с Иваном Ивановичем, как бы их оттуда убрать. Хотя... Сначала лучше мне обскажи, а потом думать будем.

Никодим же, пока я отвлёкся, совсем растерялся.

— Теперь ты. То, что приказ мой исполнил быстро, хорошо. Только вот почто ни одной годной нет? Да не трясись ты, ничего я с тобой делать не буду. Пока... Подь сюда и смотри, как надо проверять их. Понял? Да не маши ты так головой, шея отломится. А теперя запомни. Сейчас уже середина июля, так вот сроку тебе на изготовление пластин этих, до первого снега. Ежели голова запасная есть, то можешь не волноваться, а вот ежели таковой нету, то лучше подумай, как исполнить наказ.

Фу, что за день такой сегодня. Ну, вот и с этими пластинами разобрались. Хотя не понятно ещё как. В теории вроде проще должно было быть. Может зря со стеклом связался. Как проще жить, там, в будущем, купил шаблоны и делай что хочешь, а как их изготовили, и не задумывался ни разу. Но в голову ничего лучше не лезло. М-да, а дело-то уже к вечеру. С утра, кстати, с помпой отправили три отряда на поиски глин. По их поводу с Прохором крепко переговорить надо. Здесь, в Средних палатах, наедине этого не удастся.

Меня смешок пробирает от названия. На самом деле, это сооружение почти сорок на сорок полусаженей, местами в три этажа. Тут помещений как конь наделал. А народу, и все чем-то заняты. Основной, конечно первый, хотя он, считай, на уровне привычного для меня второго этажа. Уж больно цоколь высок. Я тут пристраивать к этим палатам начал Чертильную избу со стороны переднего двора. Вот пойдем, полюбуемся на её возведение, заодно и постараюсь поговорить без лишних ушей. Была мысль в цоколе Спальной избы всё это устроить, но по здравому размышлению пришлось отказаться. Системы отопления здесь надо сказать, если коротко и не матерно, то сложные. Проще новый дворец построить, со всеми моими новшествами, чем этот перестраивать.

— Прохор, пойдёмка во двор.

Никто кроме него не двинулся даже. Привыкли уже, что я на дню туда хожу по нескольку раз и всегда тащу и князя Мышецкого. Думаю, и мастера уже матерятся. Какая к едрени работа, когда Великий Князь вокруг крутится, хотя уже перестали дёргаться. Прихожу-то только поглазеть, ни к кому не пристаю. И правильно, всё же уже обговорено, вот и стараюсь не мешаться, да и способ переговорить вдали от чужих ушей, в основном это.

Как ни странно, во двор просто так из Средних плат не попасть. Нет, выходы туда есть, но они из цоколя, а это служебный этаж. Печки да кухни всякие и кладовые. В общем, не к лицу мне там шастать. Отсюда есть только одно крыльцо, на красный двор, образованный моей великокняжеской часовней и Грановитой палатой. В передний же двор попасть для меня возможно только пройдя мимо Набережных палат. Все эти строения объединены

переходами. Чертильная изба исправит эти сложности, ведь туда предусматривается прямой проход для меня, заодно и ещё одно крыльцо будет.

— Прохор! Это как понимать?! Я просил тебя подыскать троих людишек с головой. А это кто? Они же нам всё испортят. Чем больше будет людей посвящённых, тем меньше шансов удержать всё в секрете. Почти сотня человек на три отряда! Ты чего творишь, гад?!

— Менее никак не можно. По дорогам полно татей лихих. А им золото из казны отпущено. Ограбят, кто отвечать будет?

— Да... Ежели не утаим, то и смысла нет их посылать. Эх...

— Всё будет хорошо. Людишки верные, языком трепать не будут, а ежели только попробуют, так мы его им быстренько подрежем.

— Слушай, а откуда столько разбойников? Их что, не ловят?

— Ну почему же. Ежили кому из помещиков досаждают станут, так он с соседями и будет ловить. А так, кому это надо? Ну, потрясут мощну у купцов, так у них на то охрана есть, да они сами не хуже татей друг дружку грабят. Особливо новгородцы. Ох, и лютый народец.

Вот и проблема, где не ждали. Разбой на дорогах. Получается землевладельцам-то от него отбиться как от мух. Крупные купцы с охраной. Страдают как всегда самые незащищенные, а это у нас черносошцы, да мелкие купчишки, из посадских или тех же земледельцев. М-да... Но хуже всего, что татей этих считай никто не ловит. Вот и этим надо заняться, но кому поручить, да и как делать? Ладно, позже порешаем.

— Блин! Вся задумка из-за этого ведь порушится.

Только и осталось, что в сердцах плюнуть, да, наконец, заняться великокняжеской колымагой, а то как-то успел подзабыть про неё. Да уж, не зря это название стало нарицательным. Вот интересно, после переделки ведь название останется прежним, как тогда будет? Забавно, но только здесь задумался над происхождением слова "калымить". Похоже, к восточной традиции выплаты калыма за невесту это отношения не имело. А ведь как слова-то похожи.

Как бы ни проста была конструкция поворотного круга, но его вот так в лоб изготовить у меня не получилось. Местные токарные станки в принципе не могли его сделать. Ко всему прочему ещё и точной конструкции не знал. Видел, есть такая штука на телегах. Есть и есть, а вот что там к чему, увольте. Хорошо хоть как устроено что-то подобное у железнодорожных вагонов видел и даже руками щупал, кстати, конструкция довольно простая. Может, как раз и позаимствована. Русский человек издавна славился смекалкой и в общем, как сделать пару штук для себя, правда из бронзы, придумал, но это не дело. Всё-таки токарник делать придётся. Блин, хочется всё и сразу, а нету. Эх...

Да что там поворотный круг, тут вся колымага-то не очень похожа на виденные мной телеги. Колесо было набрано из досок, в виде круглого щита. Одето оно было на деревянное бревно, это ось, наверное. Вот интересно, мне казалось спицы для него, ещё в Риме придумали, или опять ошибаюсь. Честно говоря, когда увидел, какой у них люфт, понял, почему мне активно советовали ездить на саних, даже летом.

Правда, сани, эти летние, тоже ни на что не походили. Внешне это скорее лодку напоминало. Бояре вон ездят, и ничего. Как же всё тут запущено... Как делать нормальные колёса, я ведь тоже не знал, опять обратной разработкой заниматься придётся. Кстати, правят телегами сидя на впряжённой в неё лошади. М-да... Спас меня, как водится, Прохор.

— ...Так это. Колесы со спицами на Пушечном дворе делают.

— А почто на великокняжеской колымаге энтэ непотребство?

— Не вели казнить! Как есть, не успели сделать возок достойный Великого Князя Московского.

— В каком это смысле?

— Так это, у какого-то купца взяли, да как смогли, переделали. Вы же изволили требовать возок для поездки, песочек-то посмотреть. А где ж его взять-то было, отродясь ничего окромя саней разных не было.

То-то думаю, почему ни одного возка припомнить не могу. Вот тогда и присмотрелся тщательней. Ничего себе! Они оказывается кабину от саней примаздрячили к этой колымаге. Невольно вызывает уважение местная смекалистость. Нету возка? Какие проблемы, сейчас будет! Меня пробрал смех.

— И кто такой шустрый, а Прохор?

— Это у Иван Ивановича Челядина узнавать надо.

— Так узнай, только про всех узнай, кто для меня этот шедевр так лихо сбацал. Завтра приведите, гляну на этих ухарей. Только сюда приведёшь, во двор, вместе будем смотреть на их творение.

Совсем уже за вечерело. От палат пахнуло ужином, а именно жареными колбасками. Они уже были известны здесь, но не очень-то и распространены. Не простаивать же мясорубке. Рубка мяса процедура не из простых. Потом ещё кишки промой, да набей их, деревянным-то шприцом. Процесс тот ещё, потом дней несколько грудь болит. Приходилось наблюдать однажды, когда дедушка с бабушкой в деревне домашнюю колбасу готовили. Хотя, что ни говори, вкуснатеень, не то что магазинская отравка. Там ещё ведь и специи всякие.

Короче морока одна, к тому же столько можно напечь, нажарить и наварить без всяких там вот этих. Потому в этом времени на Руси с ней особо не заморачивались, пока я не озадачил, правда, сначала сделали специальную насадку к мясорубке, для быстрой и беспроблемной набивки. Удивительно, но это только подстегнуло спрос на неё. Удивлялся недолго, пока не услышал о чуть ли не повсеместном появлении варёно-копчёных колбас в продаже.

Секрет пельменей под моим напором, да ещё вооружённого таким продвинутым инструментом, не устоял. А если учесть, сколько рецептов фарша для них "уже придумал", то весьма обогатил свой стол. Помаленьку рецепты стали расползаться среди знати, да купцов. Тайна вареников тоже пала. Так вот и живу теперь, навожу ужас на поваров. Ничего-ничего, голубчики, вы у меня скоро узнаете, что такое манты и готовка на пару тех же мясных лепёшек. Мысли о вкусной и здоровой пище весьма, знаете, поднимают настроение.

А вот на следующее утро оно было паршивым. Погода была пасмурной и к веселью не располагала. Нет, меня никто не будил, я сам всегда вставал рано. Стол в трапезной, как всегда заставлен, того и гляди, ножки подломятся. Естественно всего не съем, да и стремиться не буду. Ругать поваров и поварят тоже не стану. Всё просто, с этого стола потом есть ещё многие будут. Не именно со стола, унесут, конечно. Во дворце хватает служек совсем без жалования, если бы не излишества великокняжеские, то не знаю, как тут они жили бы.

Да, низовое звено двора совсем ничего за службу не получает. Узнал об этом совершенно случайно, ещё прошлой зимой, когда познакомился с местным вариантом холодца. Шок, а не блюдо. Покрошили в чашки-плошки, все, что осталось от трапезы, мясо,

птицу, рыбу, пироги, залили остатками бульона и вынесли на мороз. Честно, экстремальное сочетание ингредиентов.

— Это что такое, вообще? Кто же это есть будет?!

Моё недоумение было искренним.

— Это холодец. Его специально для невёрстаных делают. Они и съедят, куда денутся.

— А кто это?

— Младшие подьячие. Оклада им нету ещё, потому как неверстанны. Хорошо если какую деньгу имеют, а так живут от щедрот стола великокняжеского, да подношения просителей.

Мать его за ногу. Тут взяточничество поставлено в ранг политики. Попробуй, вытрави потом это! Что же получается, культивировали, культивировали, а потом в 21 веке бац и всё? М-да... Но ничего сделать с этим, надеюсь пока, не могу. Вот и не возникаю, не морить же голодом, слуг государевых. Ведь в такие попадают вовсе не князья, а дети боярские и княжата худых родов.

Немало удивления вызвало требование сделать мне холодец. Не обошлось без падений на колени поваров, с просьбой не губить. Пока объяснил, что мне ихний холодец даже в страшном сне не нужен, а надобно то-то и то-то... Понятно, приказал сделать по привычному мне рецепту. Тогда-то и узнал, что здесь варено-копченые продукты отсутствуют как класс, только сырокопчёные. В общем, обогащение моей кухни началось именно с них. А вы думали, ту колбасу тут сами придумали. Может где и была такая, но здесь не знали.

Секретные государевы рецепты разлетались по Москве со скоростью пожара, и тиражировались не хуже чем китайцами в моём времени, в соответствии собственной фантазией и денежными возможностями. Ничего кстати удивительного. Весь город был завязан на великокняжеский двор.

Видели бы вы замешательство бояр на званом обеде, когда всем вынесли холодец по моему рецепту. А когда я начал его с аппетитом поедать, некоторым, по-моему, сплохело. Шуйский, между прочим, показал себя крепким орешком. Ох и веселились, когда поняли, что это совсем не то, чем слуг подчуют. Правда и сам оказался этим летом в похожем положении, когда мне подали ботвинью. Ну не едал ни разу такого, даже не знал, что этакий холодный суп бывает.

Первым делом проверил, как там мой чайный гриб растёт. Если честно, не уверен, что смогу вырастить, в своё время мне бабушка объясняла, но не убежден, что запомнил правильно. Чай здесь всё-таки был, но вещь эта достаточно редкая и о каких-то сортах и правильном вкусе можно забыть. Во всяком случае, мне попадались сплошь горчащие виды. Без сахара, которого даже для Великого Князя не нашлось, и мёда пить это увольте, а с ними и опилки можно. Страшное разочарование для любителя чая. Вот решил, хоть не так, то эдак его использовать.

Ох, и насмешили меня здесь рассказнями про его целебные свойства, чуть ли не эликсир бессмертия. На что только торгаши не пойдут, чтобы товар впарить, что там, что здесь. Нет, какие целебные свойства есть, но не до такой же степени! За сутки видимых изменений не наблюдалось. А и ладно. Пойду, однако, поем.

Как уже говорил, настроения не было, потому решил ограничиться для начала окрошкой. Вот уж где удивился, когда узнал, сколько рецептов её тут присутствует. Ещё я добавил, с варено-копчёностями. Однако, месяц-другой разные есть можно, ни разу не

повторившись. Сегодня вот стал есть не на квасе, а на варенце. Сами понимаете кефира тут нема, даже грибок привезти можно только в теории. Путь от Астрахани, почитай два месяца, а ещё с Кавказа довести. Ладно бы доставить исхитриться можно, да где же его там искать, там сейчас всю воюют османы с персами. Да и не факт что вообще кто даст, небылицы про него не хуже чем у нас про чай.

Скажу вам, местный варенец, томлёный в печи русской, это вам не хухры-мухры с магазина. Ничего общего, кроме названия, даже вкус не вызывает отдалённых ассоциаций, разве что оба с кислинкой. Дурят нашего брата торгаши. Гущи в такую окрошку кладут поменьше, варенец немногим жиже магазинской сметены. Недурственно скажу, получается.

На второе пошёл запеченный глухарь. Умеют тут готовить дичь. Мясо становится нежным. К тому же я недавно "изобрёл" майонез. Собственно так и назвали. Не горазд выдумывать новые слова, а такого, в русском языке не было. Прижилось. Но удовольствие получилось дорогущим, доступным, может не только избранным, но очень обеспеченным гражданам.

Все компоненты ввозились на Русь с юга, кроме яиц, и были не самыми дешёвыми товарами. Возьмём, к примеру, оливковое масло. Понятно, что на великокняжеский стол поставлялось самое лучшее. В моём времени такое тоже можно было купить и совсем не за гроши. В основном, в продукт идёт растительное, различного происхождения. Открою маленький секрет, после дезодорации, то бишь обработки его серной кислотой и каустиком, особо не играет роли, из чего его выдавили. К примеру, соевое, без этой процедуры очень неплохо заменяет свиной жир при жарке картофеля. Вкус весьма похож. А вот после, масло и масло. Ещё, поосторожней с маслами забугорного происхождения. Если нет надписи что это первый отжим, то внутри не понятно, что на самом деле. Второго отжима ведь у них там не бывает. Остатки из шрота растворяют в бензине, а затем выпаривают. То, что остается, называют растительным маслом и направляют в продажу. Если заметили странный вкус у такого продукта, то он не испортился, просто выпарили плохо. Некоторые, вон, керосином лечатся.

Слава богу, прогресс здесь не достиг таких высот, и у меня натуральный продукт. Правда, в Новгороде умудряются отжимать льняное мало. В пищу его употреблять проблематично, уж очень быстро затвердевает, но подозреваю, это многих не останавливает. Потому, добывают его в основном для получения красок и лаков. Но меня заинтересовало не оно само, а способ его получения. В свете поиска замены дорогущей импортной горчицы и оливкового масла, вещь очень нужная. Где-то здесь, возможно пока не в границах государства, но точно растёт она, пока ещё как сорняк, та, что назовут в забугорье, русской. По нашенски как, не упомяну. Уж больно название финтифоберное, наверняка без происков немцев не обошлось. Всяко специально обозвали так, чтоб русскому человеку язык сломать. Плевать, как прикажу, так и назовут. Самодур я или кто? И масло получим своё и горчицу.

Пока обхожусь импортом, что не есть хорошо. Яйца взял куриные, вернее только желток. Майонез, на цвет золотистый и лежит куском. Перепелиным же сказал своё великокняжеское фи. Ну не нравятся они мне, и получается совсем уж непонятным. Извращаться с лёгким провансалем не стал. В конце концов, не на продажу. Да, именно он, самый лёгкий из существующих майонезов. Меньшую жирность имеют молочные соусы, а самые маложирные, это яичные кисели. Говорю же, дурят нас торгаши, выдавая один продукт за другой. На заборе тоже порой много чего пишут, вот и они на упаковках. Маленький совет, если состав всё-таки похож на майонез, обратите внимание на наличие

консервантов. Если они там есть, то это наверняка вообще непонятная бурда, имеющая весьма опосредованное отношение к одноимённому продукту.

Наличия уксуса является достаточным. Но и он здесь импортный, винный. Но есть одно но, на другом берегу есть у меня сад. И растут там яблоки. Сам бог велел получать его самим, а не ввозить из-за моря.

Так вот, добавили в моё изобретение давлёного чесночку и мелко порезанной зелени, и соус к глухарю получился отменным. Вкушение пищи здесь процесс небыстрый. Солнце поднялось уже высоко. Из окна донеслись чья-то ругань. А всё кривые руки оппонента, но тот с такой постановкой вопроса был не согласен и обвинил пустую голову противника. Дослушать увлекательный и поучительный диалог не удалось. В дверях появился Прохор. Толи в щели подглядывал, когда закончу? Я, кстати, только отвалился, довольный жизнью.

— Великий Княже! Кого вчера изволили требовать, всех сыскали. Спозаранку дожидаются во дворе, как приказывали.

— Кто таковы будут?

— Так дворовый дьяк Тихон, двое плотников, Трифон с сыном Прошкой и кузнец Демьян.

— Что за Тихон такой?

— Никакой он ещё не дьяк, так служба не верстанный. Остальные отбрехали, а ему не удалось. Получается, что именно он руководил переделкой.

— Ну, ну. Пойдем, посмотрим. — Проговорил, вставая, и понял, что переел чуток.

Вот и говори, что настроения не было. Аппетит, как говорится, приходит при еде.

Обстановка во дворе была рабочая. Ругань с моим появлением прекратилась. Но лица у работников топора, рубивших избу-чертильню, были хмуры. Видать не все космологические вопросы вселенского масштаба были исчерпаны. Искомые лица маялись под охраной, подле колымаги. Саму её ещё вчера оттащили к палатам Великой Княгини, чье имя до сих пор заставляло содрогаться многих и креститься, от греха подальше. Поговаривают, что не без её участия Иван 3 пошёл так решительно на конфликт с ордой и в итоге победил. Деяния которой, возвели Василия 3 на престол и свалили всех его конкурентов. Да собственно, весь облик нынешней Москвы обязан появлением ей, в частности Московский Кремль и звали её Софья Палеолог.

Я склонен согласится с таким мнением. Даже сам дворец является доказательством этого не меньше. Где это видано, чтобы до неё хоть у одной Великой Княгини был собственный дворец внутри великокняжеского. Материальное свидетельство стояло с противоположной стороны переднего двора, в виде Постельной избы, в прошлом Княгининой половины. Сейчас, по существу, пустующее. Меня размеры такой спальни смущали, потому-то и перебрался в помещение поменьше и уютнее.

— Те, что ли? — Спросил у Прохора, указывая на группу, частью уже попадавшую на землю.

— Они самые.

— Не много ли? Ты же говорил их меньше должно быть.

— Так охраняют, чтобы не убёгли.

— Чего им избегать встречи со мной?

— Так кому охота наказанье получать? Вот и стерегут.

— А чего их наказывать, вроде не собирался, а есть за что?

— Завсегда есть, только поискать. Да колымага та же. Срамота-то, какая и на ней

Великому Князю мука одна, а не поездка.

— С чего это ты так решил, или не по нраву пришлось ехать со мной? Молчишь? Тогда понятно.

М-да... Ещё говорят имидж не всё. Тут если про тебя начальство вспомнило, быть беде. Логика, однако. Да и не припомню, чтобы кому награду, какую, раздавал. Этак не лучше Шуйского стану. Надо менять восприятие особы Великого Князя Московского, особенно в разрезе того, что это я.

— Не вели... — Завопил один из упавших на землю, направляясь ко мне на коленях.

— Уговорил, не буду. — Нанёс упреждающий удар в ответ я.

Слушать о том, что не было у него никакого злого умыслу, а ежели что не так, то бес попутал. А ещё, если что, то всенепременно голову положит во славу государя. Правда ковать железо надо пока горячо, иначе очухается, и от уверений в преданности не отбрехаться.

— Прохор, проследи, что бы сему мужу...

— Тихон.

— Так вот, выдали рубль, серебряный. Остальным, копеек по половине того рубля, каждому. За усердие и радение о благе Великого Князя. Смотри, проверю.

На минуту образовалась тишина. Четвёрка страдалцев, думавшая, как бы избежать наказания, или хотя бы огрестись поменьше впала в ступор. Даже засомневался, может, лучше наказать было, а потом их прорвало. Избежать пункта, ежели что, то всё, не удалось. Послушав немного, понял, что если это излияние не прервать, то придётся надеть белые саваны и ангельские крылья, потому как другое будет неуместно.

— А теперь слушай меня. Раз уж показали такую удаль, то будете делать две новые повозки, специально для меня. По-моему делать будете, а не как эта колымага. — Проговорил я, грубо перебив очередные восхваления в свой адрес.

Если бы только знал во что выльется, казалось бы, простое дело, изготовление кареты для себя любимого, то дважды подумал бы, а может всё равно так бы и сделал. Это целая история с приспособлениями для массового изготовления колёс, кованые оси и поворотные круги, спровоцировавшие в итоге надобность хотя бы подобия токарных и расточных станков, начало работ по искусственному наждаку, создание наждачных тканей и заточных станков на её основе. Их изготовить было куда проще, чем сразу круги спекать. Создание проволочного и пружинного производств, для диванов. А история с рессорами. А появление целой области в обработке дерева, которую даже затрудняюсь назвать. Княгинина половина превратилась в столярную мастерскую, где стали собирать уникальные наборные столы, лавки, табуреты из распиленного капа и покрытых лаком. Хоть сейчас паркету делать начинай, пока негде. Нынешний дворец для таких целей, только если руку набивать. Хотя почему бы и нет?

Там же занялись отделкой будущего возка. Собственно, собрали телегу, с механизмом поворота и карету, на тех же принципах, да ещё и рессорах. Она совсем не походила на виденные мной старинные, особенно своей лаконичностью форм, но каждая панель на ней, это целое произведение искусства, картина из различных сортов дерева. Дверцы же украшали хорошо знакомый мне Двуглавый Орёл с Георгием, только вместо короны была Шапка Мономаха. Собственно, по моему указу и великокняжеская печать стала такой же.

Пришлось придумать первый приказ. Не собирался, а вот сделал.

— Прохор, примешь Тихона в дьяки.

— У Ивана Ивановича все должности заняты, но обязательно для него чего-нибудь сыщем.

— Ты мне это брось, выгоните небось кого. Знаешь что, а давай сделаем приказ. Точно, делов великокняжих.

— А как же конюший?

— А с ним чего? Приказ этот будет моими делами заниматься. Или у меня их нет?

— Конечно же есть!

— То-то! Это я к тому, что пора тебе прекращать бегать везде самому. Делов вон видишь, сколько уже, вот и будешь гонять по ним дьяков, а с Тихона и начнём.

Всегда знал, что чиновники размножаются делением, а сокращаются усечением головы. Правоту первого удалось понаблюдать на примере первого приказа. Авось не последний день живём, проверим и вторую часть.

Двор стал, вместо тихого такого места, напоминать растревоженный улей. Поначалу ещё вникал в дела, а потом, поняв, что и без меня справляются, отдал всё на откуп первому приказу. Только сделали карету уже зимой, когда я уехал на Белое озеро. И надо было мне ляпнуть митрополиту, что де собрался на этом возке ехать туда.

По этому поводу даже Боярская Дума собралась. Решали, что с лихими людишками на той дороге делать. Нет, тысячу раз был прав, сделав первого Тихона своим писарем. Главным по этим делам был Иван Дмитриевич Пенков, а под ним разбойная изба. Я почему-то думал, что всё с Разбойного приказа начиналась. Пришлось уточнить, оказался прав.

На всю страну было три официальных человека, старший дьяк и два обычных в подчинении, кто по должности занимался лихими делами. Остальных привлекали по необходимости. Тут то и выяснилось, что такое положение дел никого не устраивало и вот по прошлому году стали отписывать грамотки на места, чтобы там, на добровольно-принудительных началах, подбирали для этого людей на постоянной основе. Чтоб было с кого спрашивать, а то и крайнего не найти.

Пришлось сему достойному мужу собирать людей и выезжать на проверку, как те грамоты исполняются, заодно и зачистку местности произвести. Показуха во всей красе. Глубокие у неё корни, однако. Вот так и пришлось ехать, а всё язык. Не вовремя, ох не вовремя, тут как раз всё закручиваться начало.

Как прорвало. И чугун тебе, в смысле мне. На радостях-то и поженил своих нянек, но как-то у них не заладилась семейная жизнь. Не пойму чего? Шуйский этот ещё крутился всё вокруг, пока я не понял, что ему получившийся стол с лавками приглянулся. Не думайте что за деньги, нет, не та у него натура, а на халяву, в смысле в подарок ему. Сам удавится за деньгу, полкопейки по-нынешнему, а вот от подарка язык не повернётся отказаться. Стол тот был первым и по мне так не очень. Пусть подавится, в общем.

Обнаружилась интересная делать. Рубанки здесь известны, но не очень-то ими пользуются. Дорогое удовольствие оказалось, да и капризное. Казалось бы чего там, а поди ж ты. Самой проблемой оказалось железко, металлическое его жало. Вылилось отладка их изготовления в целую историю. Помимо дороговизны железа сдерживала проблема правильной заточки. Не сразу нашли нужные углы и сделали приспособление.

Для себя сделал зарубку, после получения своего железа наделать относительно дешёвого столярного инструмента и коловоротов. Дерево тут везде, может чего и сдвинется. Но рубанок оказался не везде хорош. Там где топором уже не махнешь, хотя некоторые умудрялись не хуже, стали применять струганки. На них железко сделали с полукруглой

заточкой. Им работать надо было наискось, а только затем рубанком. Господи, вот где тоже ушёл в астрал, сколько всяких штук пришлось придумывать, чтобы сделать, казалось бы, простой стол.

Я же хотел особый. Недаром у бояр активизировалось слюноотделение. После подарка Шуйскому пошли целые делегации. А не завалилось ли у меня ещё не нужных столов, таких же лепых. После моего резкого отказа, де у самого нет, и пока везде во дворце не поставлю, и думать забудьте, отступили немного. Но увидел как-то торжествующий взгляд Василия, немного смягчился. Ладно, будут вам мебели, но за добровольные пожертвования в казну.

— Кто больше всех внесёт, тот первым и получит. Остальные в порядке убывания. А ежели кто думает, что отделается малостью, тому ничего не достанется. А вот сколь сдадите, на грамотку запишем, и прямо на торгу зачитаем. Пусть люд честной знает, кто радует о государстве московском, а кто скупердй. То-то!

Взгрустнулось как-то боярам. А ведь и правда, мастерские организовать надо, пожалуй где в Белом городе. Не дело это столы делать в Кремле, а уж тем более во дворце. Вот и приказ придуманный сгодится.

Подставил народ Шуйский, ой нехорошо-то как получилось. И так-то искрила уже обстановка, а тут он хвалиться подаренным столом, эвон как всё обернулось. Как никогда к месту, свадьба мною организованная, прилась. С тяжёлым сердцем уезжал в Тулу, тут ещё эти непонятки между Прохором и Таисией.

Федор меня порадовал, конечно. Вот мы, ух я, эх он! Планов громадье, прямо до небес, пупок бы не развязался. В некотором смысле стало легче, теперь было кого послать разузнать как там или может чего не хватает. Мысль с приказом была верной. Заговорили и про станки, благо был и в Туле пушечный двор. Для начала будут отливать крупные заготовки станин, для оговоренных станков. Правда, мастера оттуда, были не уверены в результате. Великие пушки лили только в Москве, потому опыта отливки крупных изделий у них не было.

Не хорошо конечно, но что делать? Пусть учатся. Не возить же всё из Первопрестольной. Тем более надо попробовать будет и чугун, а потом и железо. Всё перепробуем. Опыт надо набирать. Переговорили, чтобы и из чугуна попробовали отлить заготовки, как из бронзы. Уезжал радостный.

Фыркали разгорячённые лошади, снег хрустел под полозьями, а вот за окном проносилось не ясно что. Слюда искажало всё. Но догадки строить можно. Если светло, значит, вокруг нет леса, если темно, тогда есть. Сани размером с микроавтобус, но из обогревателей только я сам и множество шуб и мехов, чтоб не остыл и оставался тёплым. Тут главное на остановках горяченьким подзаправиться да посытней покушать. Вот на таком подъеме и зазвал к себе Прохора. Хотя какое, приказал.

— Вот ты мне скажи, что за кошка промеж вас пробежала? Ведь ладно же было, пока не поженил. Чего теперь друг на друга коситесь, как неродные? — Обратился почти сразу и без переходов я к Прохору.

Он как-то растерялся, что сразу отразилось на лице, и попытался спрятать взгляд. Это он зря. Сани может и велики, но не настолько, чтобы от меня сбежать.

— Чего-то давненько не слышно ничего от отрядов тех, как бы худа не было? — Бросил он пробный шар в попытке перевести разговор на другую тему.

Тоже мне гений стратегии. Типа ребёнок, можно голову заморочить, напомнив про золото. Может против местных и прошёл бы приём, но мы плавали, знаем.

— Ты не юли. Вопрос про людишек, которых, кстати, ты подобрал, конечно, интересный, но я спросил другое, так и отвечай.

Прохор взбледнул при упоминании о его участии в организации экспедиций, но быстро собрался. Железная воля у мужика. Не юлит, не пытается выскользнуть, потому и нравится. Научился. Знает, иначе хуже будет.

— Она женщина хорошая, но не любя она мне. — Наконец собравшись, выпалил он.

— Чего врёшь-то! Будто я не видел, как ты на неё поглядывал иногда. Говори без утайки, а не крутись, словно уж.

— Истинную правду говорю. Есть у меня любовь, истинная и единственная!

— Ты это, коней-то попридержи. Матушку не приплетай. Может и мал был, но не слеп.

— Извини меня, что неправду подумать заставил! Не хотел я. Про жену я толкую свою.

— В каком смысле? Ты двоежёнец? — Проговорил шокировано я.

— Опять всё не так сказал. Погибла моя ладушка, с детишками малыми. Жили мы почитай на Крымской уkraine. Не совсем конечно, но недалеко. Набежала в тот год татарва, не уберёг... — Сдавленно прервался он, вытирая слезу.

Было видно, что это для него до сих пор болезненно.

— Посекли меня тогда сильно, вот и решили что помер, а я выжил. Род то наш мелкий, не нажили богатств. Бросил всё да пошёл к казакам. Много повоевать пришлось, сколь встретил крымчаков, столь и убил. А сам вот живой остался. Видимо богу было угодно. Вот там и разыскала меня твоя матушка.

— А она-то причём?

— Так жена моя из литвинов была. Родственница вроде, очень дальняя, но всё же. Не приняли Елену на Москве, вот и боялась она за сына.

Вот так нехохошеньки. Получается, приставила она его ко мне как цепного пса, используя его горе. Своих не уберёг, так меня стерёг пуще прежнего.

— А Таисия как тут оказалась?

— Так пустая она. От того и муж с ней развёлся.

И кто говорит, что тут психологию не знают. Приставить нянькой ту, кто своих детей иметь не может. Мать...

Господи, да что же это получается, что я даже про тех, кто рядом, ничего не знаю, а что говорить про остальных. По-новому взглянул так на Прохора. И ведь не скажешь, что его горе уникально. Если даже князьям достаётся, то что говорить про черносошцев. Нет, само существование Крыма несовместимо с нами.

От этой мысли такая волна ярости накатила. Не успокоюсь, пока хоть один крымчак дышит этим воздухом, заставлю их испытать всё, что нам по их милости досталось. В порошок сотру! И казанцев туда же, прихвостней ихних. Меня даже затрясло. Ох, и тяжело потом отходил, но запомнил этот момент. На всю жизнь запомнил. Игры для меня тогда закончились, вот она цель. Чугун, кареты, станки. Игрушечки мне всё. Нет, это теперь ступени на моей дороге. В Москву приехал уже другой Иван, всё ещё не "грозный", но не выживание для него стало главным. А там сюрприз, где не ждали.

К Москве только подъезжали, а скорость почему-то стала замедляться. С головы колонны пошёл какой-то шум.

— Нашли! — Истошно кричал кто-то снаружи.

Мои сани остановились. Что там такое? Ответ на этот вопрос просунулся в виде радостной головы Прохора в дверь.

— Нашли! — Радостно проговорил он.

— Говори толком. Нечто Великому Князю догадываться нужно обо всем?

— Золото нашли! Правда нашли. — Последнее он проговорил гораздо тише.

— Как это?

— Не ведаю, но верный человечек прискакал. Говорит, все приехали и привезли найденное, то, что мы давали только добавили, для весу. Говорят золото, чуть ли не везде есть по рекам, но песком мелким, а не рудою богатой. В основном так, но по речным косам места попадаются богатые.

— В каком смысле?

Но ответом на этот вопрос было лишь растерянность на лице Прохора.

— Тогда какого мы стоим? В Москву, живо!

Кремль гудел, да что там он. Вся Москва была на ушах. Слухи быстрее пожаров носились туда и сюда. Некоторые уже вырвались из города вместе с купцами и купчишками.

Золото... Это слово как магическое заклинание твердили почти все. Свое есть, домашнее. Сбылась мечта ещё Ивана Третьего, первого "Грозного". И кто нашёл? Не рудознатцы заморские, а наши русские, Великим Князем посланные. Как пить дать специально послал. Какая такая глина? Золото они искали, будто знали. Не оставила видать богородица государя. И в правду Русь-то под дланью божьей. Золото у нас везде найти можно. Жили себе, а оно оказывается прямо под ногами. Некоторые экстремалы утверждали, что земля у нас так, тоненьким слоем, а там сплошное оно.

Впервые бояр увидел в таком состоянии. Солидные дядьки, а как себя ведут. Хотели сразу Думу устроить, по моему приезду. Пришлось сказать уставшим, хотя сам подпрыгивал как на иголках. Обстановку надо было проводить. Как всё быстро закрутилось-то. Не на это рассчитывали. Думал, что всё у меня будет по плану, разгону бояр по вотчинам. Сами убегут золото искать, а пока тут тишина будет, договоримся с Иосафом, да сменим Шуйского на малохольного Бельского.

Кто их просил находить его?! Кабздец! Начнут теперь добывать золото и чего с ними делать. Как пить дать станут страну рвать на части. У вороньё! И ведь сам сделал так. Вот и пнул по лавке.

—! — В сердцах вырвалось.

И, правда, дубовая. Гадство! Больно-то как! От Тихона ничего толком не добился. Злата привезли почти пуд, это по двенадцать — пятнадцать лотов на человека, где-то грамм сто пятьдесят. Не многовато ли на рыло? Ладно, надо выяснить, сколько добыли на самом деле, а сколько добавили.

— Тихон, позови-ка Прохора и рудознатцев этих, только не всех. Голов их. — Уточнение не лишнее, были прецеденты.

— Да государь. — Первое что произнёс Прохор, войдя ко мне в светлицу.

— Спустишь-ка в подполье, да пооткручивай там любопытные ушки.

Глухой женский крик, подтвердил мои подозрения.

Разговор с тремя головами несколько успокоил, с одной стороны. С другой, добавил тревог. Намыли золота не так и много, основную часть наточили пилами, так здесь называют и напильники. Не разделяют тут пока инструмент. Следовательно, угрозы растаскивания государства и усиления сепаратизма нет. Не столько у нас золота по стране, чтобы начать плевать на всех, хотя, кто его знает, чего в итоге найдут. На самом деле, намыли, хорошо, если по паре лотов на человека. А вот другая сторона заключалась в том,

что пока всё это в песке, могут обнаружить подлог, и чем дольше оно в таком виде, тем больше шансов.

Срочно переплавлять! Вопрос, как сделать это, и не вызвать подозрений у златокузнецов. Сам смотрел, песок от стружки отличается сильно, даже невооружённым глазом. Хорошо про галтовку вспомнил. Срочно, была одна такая сделана из небольшого бочонка. Незаменимый человек Прохор. Всю ночь перемешивали в ней песок с камнями, пока я не признал результат, хоть отчасти, удовлетворительным. На поверхностный взгляд стало более-менее, но превращение всего этого в монеты не отменяло.

На следующий день, в Грановитой Палате, песок в мешочках был выставлен на столе, и неясно так поблёскивал. Глаза бояр, напротив, блестели почище юбилейных монет. Благо зима, а то все разбежались бы по вотчинам, выяснять сколь у каждого злата. Ну-ну, посмотрим, какими вы будете к осени, а уж к тому времени всё и утрясётся. Ох, какие только идеи не прозвучали под этими сводами. Но главная мысль бояр сводилась к одному, чья земля, того и золото. А кто без ведома владельца его мыть будет, тот тать лихой, и тому чик. Не конструктивная какая-то идея.

— Мнится мне, что кривда выходит. Кто злато намыл, тому оно и принадлежит, но поскольку это всё из земли русской, то обязан он продать его в казну за половину цены серебром. А вот ежели продавать будет не в казну, то дело лихое. Ежели кто не хочет чтобы злато искали другие, там где он нашёл, то так и быть. Казной будет выдаваться грамотка, за деньгу, за особое право на тот участок. Цена пусть зависит от размера участка.

Ох, какая тут буря поднялась. Это я фигурально выражаюсь. Всё было тихо и чинно, но потому как кривились боярские лица, они бы мне сказали много чего, а будь постарше и с кулаками могли полезть, но, слава богу, Великий Князь и годами маленький ещё. Потому могу говорить всё, что в голову взбредёт. Шуйский уже начал вставать, чтобы высказаться по сути моего предложения. Чувствую, порвут его как тузик грелку.

— Мне вот чего интересно, почто Рязанщина есть, а Рязани нет? — Нанёс я упреждающий удар.

— Как нет? — Первое, что произнёс Шуйский, не сразу переключившись на другой вопрос.

— Так. Есть только Переяславль-Рязанский. Нехорошо как-то. — Вторая моя реплика сбила уже всех остальных.

И отмахнуться нет возможности. Великий Князь спросил. Действительно почто нет? Теперь есть. А указ по злату так и составили, как я сказал. Получилось, что и Думой одобрен, обсудили ведь, хоть и без такового, а раз никто ничего супротив не сказал, значит все за. Шуйский приходил, намекал, что де неправильный указ и пока не зачитали, его бы порвать.

— Вот ты в вотчине хозяин? — Спросил я его в лоб.

— Конечно же! Иному не бывать!

— Так скажи мне, почто ты думаешь, что не сможешь сделать у себя как тебе любо?

Такая постановка вопроса его несколько обескуражила. Вот так и возникло, почти официально, негласное разделение страны на ту часть, где все указы действовали и другую, где лишь те, что нравились вотчиннику. Даже странно, по факту было так давно, почему сейчас-то опять всплыло. Может бояре хотели убедиться, что я тоже это понимаю, в вотчинах они полные хозяева. Ничего-ничего, доберусь и до вас.

— Да как посмел ты такое мне предложить?! И язык-то повернулся?!

Вот в такие моменты, как сейчас и выясняется истинное отношение к тебе. Иосаф пришёл в очень сильное возбуждение и всё его почтительное отношение к великокняжеской особе, как ветром сдуло. На ты вон перешёл. В самом деле, не уверен, что он меня хотя бы ровней себе считает. Э..., да он никак себе примеривает Шапку Мономаха. Хотя вряд ли даже Бельский ему даст рулить собой. Да вся Дума в дыбы встанет, а вот увеличить свою значимость, рассчитывает точно. Тоже мне, шахматный гений.

— Анафеме придам, от церкви отлучу! Никогда такому не бывать!

Ну-ну. Скорей тебя с митрополитов турнут. Ишь чего удумал. Лишить церковь покровительства Великого Князя Московского. Хотя бы подумал, чего несёт. Вопрос о земле во все времена не простой. Как резьбу-то сорвало и бак потёк.

Если честно, к этому времени, особо желания поднимать проблему принадлежности значительного количества земель митрополиту и монастырям уже не было. Не велики шансы-то, что получилось бы даже немного. Авторитет церкви велик. Именно её, а не митрополита. Мягко говоря, Иосаф не Даниил, да и я не Василий 3. Если пойти на открытый конфликт, неизвестно чем и закончится.

Самым большим землевладельцем является, конечно, Великий Князь, но почти вся его земля роздана под службу. Свободной земли не так и много и та вся на севере. Вторым собственником является митрополит и монастыри. Назвать церковные земли плохими сможет только законченный псих. Не порушив старины нечего и думать эти земли вернуть государству. По совести требовать от Иосафа можно только митрополичьи, а монастырские вроде к нему не имеют отношения. С точки зрения закона, каким-то образом изъять у них можно только напрямую.

Так зачем я затеял эту возню. До пятнадцатилетия по условиям завещания Василия 3 не являюсь совершеннолетним и без согласия попечителей довольно трудно что-либо сделать. Вернее сделать то, что задумал. А именно создать войско постоянной готовности. В том смысле, в какой вкладывали в понятие армия в моё время. Конечно, существует Охранная Стража, собираемая по первому слову Великого Князя Московского, но это всё равно не сразу. С остальными ещё сложнее и дольше.

Самое интересное, что никакой гарантии, что будут все, нет. Потом наказать, конечно, можно, но что делать в тот момент, когда они нужны? Что-то подобное случилось у нас в истории и как бы ни при жизни моего носителя. Кажется во времена опричнины. Войско взяло и не явилось на призыв. Последствия оказались страшными, столько убитых и покалеченных, ещё больше угнанных в полон. Были, конечно, причины, но чем им черносошцы-то навредили. Досталось в первую очередь тем. Меня полудобровольное присутствие воев в армии не устраивало в корне, но надо было с чего-то начинать. Вот и хотел набрать один такой полк в Кремль. Ежели что и мне защита.

А такой вариант развития событий весьма вероятен. Слабо верится, что Шуйский легко отдаст власть. Если честно, именно от него мне и нужен этот полк. Мало ли как обернётся в итоге. Охрана всё-таки наличествует, но не понятно кому она подчиняется. Хотелось бы знать точно, что мне. Венюкова пора вызывать, какого чёрта! Этот Пересветов ещё. Проекты реформ конечно прогрессивные, но иной раз заносит его не совсем туда. Не до них сейчас.

До рождества зимы 7048 (1540) совсем немного, а я всё никак в поездку на Белое озеро не отправлюсь. Может, ну её. Нет, вот отгуляю и вперёд. К тому времени может и остынет митрополит. Самому что ли снять этот вопрос с землёй. Хватит с него заверения, что мешать делать полк по своему усмотрению мешать не будут. Где его размещать? Помню, когда

только попал сюда, не сразу сообразил, что Кремль здесь просто крепость и кто только тут не проживает.

Престижный район, элитная недвижимость, вот что такое символ власти в этом времени. Ко всему этому ещё и кладбище Великих Князей и их жён, ну и тех, кто удостоится чести. А вы думали, это придумали при Советах? Старое прямо у меня во дворе. Собор Спасе на Бору им и является. На подъемных мостах всюду идёт бойкая торговля. Ещё бы, мимо этого места, вернее двух, со стороны не проедет ни один властью имущий, а значит весьма обеспеченный. Хорошо хоть этих ухарей внутрь пока не пускают, а то они бы и во дворец приперлись, продать чего. Непросто здесь место для казарм найти.

— Не советчики они, нет! Наветчики, вот кто! — Продолжал разоряться Иосаф.

О ком это он? Опять прослушал. Что-то мне надоедать начало его жужжание. Нет, с землёй погодим. Время терпит, да и отговорка хорошая, если что не так пойдёт.

— Я тебя слышал. Ты меня тоже. Иди и думай. Более задерживать тебя не буду. — Проговорил, в тот момент, когда он переводил дыхание.

Вот ведь язык без костей. Да и лицемер ещё тот. Не твоё это место, ох не твоё. Осознание того, что меня тут вообще никто не воспринимает и нужен только для достижения каких-то их целей, улучшению настроения не способствует. Тот же митрополит. Ведь заявлял, что всё на благо родины, а как только коснулось того, что надо чем-то поступиться, взъярился. В бескорыстие давно не верю, но в очередной раз убеждаться, всё равно неприятно.

Поездка в Белоозёрье помогла. Давно надо было так сделать. Красивая у нас всё-таки страна. Кто бы знал, что найду там решение своих проблем с плоскостями. Оказалось, всё гораздо проще, и не нужны никакие стёкла. Многие проблемы отступили, и на душе стало светлее, но недолго это состояние продержалось. До первого разговора с Тихоном.

Этот, этот... Нехороший человек... Иосаф, решив что со мной возиться шибко накладно, попытался через Думу протолкнуть освобождение Бельского из темницы, но, не смотря на упавший авторитет Шуйского и многочисленные мелкие конфликты, никто на открытое попрание законов не пошёл. Сидел тот в элитной, не в смысле удобств, а именитости узников, великокняжеской темнице, расположенной недалеко, у Троицких ворот. Потому отпускать его, иль нет, это только в моей власти.

В тот день я плюнул на все эти шатания и заговоры. Надо им, вот и путь сами устраивают. Приказал Прохору вызвать Венюкова. И вот так 23 февраля 7048 (1540) и появился указ о создании Кремлёвского полка. Набирались в него только охочие люди, на условиях постоянной службы и проживания в казармах, полном коште и плате за службу нижнему чину в 70 четей. После семи лет службы получали они по 50 десятин земли, в вечное пользование, им и детям их. Ежели прослужат 14 лет, то 100 десятин. Если же погибнет кто на службе, то ближние его получают 30 десятин на тех же условиях.

— Солдат, значит, набирать будем. — Совершенно неожиданно для меня, резюмировал Михайло.

— Как, как ты их назвал?

— Вои на службе за деньги. Так их в Византии называли, говорят, ещё ваша бабушка предлагала таких завести. Упокой её душу с миром. — Ответил он и стал креститься.

Чудны твои дела, Господи! Знаете кто здесь прапорщик? Никогда бы не поверил, знаменосец. Прапор по местному флаг. Вот его яти. Правда у полков их не было, а только

стяги и носили они их.

Казалось бы, эта история с заговором тогда для меня закончилась. Но не тут-то было. Просто затихла. Эта я плюнул, но остальные участвовавшие в нём нет. К лету Дума почти вся разбежалась по вотчинам, золото искать. С полком у меня пока не заладилось. Мне, Великому Князю Московскому, заявили, что денег на него в казне нет.

Совсем что ли берега потеряли? Казной на укрепление городов выделяется четыреста тысяч рублей притом, что на все войска тратится только восемьдесят тысяч. Из этих денег, что на города, на мои заводы приходится почти сто двадцать тысяч. И это только в деньгах, ещё ведь и хлебная казна и пушная. Уж такие вещи знал. Кое-кого уже поднабрали, ну, и приказал своему воеводе приволочь казначея. Головой он дорожил и потому участие митрополита в кознях против меня всплыло. После чего перетрясли эту братию хорошенько, на предмет того, кто в доме хозяин. Деньги нашлись сразу же.

К июню первую сотню набрали, но войском это ещё не было. Командиров в полуприказном порядке привлекли из Охранной Стражи за оклад, как и всем в полку. Вот с ними я и отбыл в Тулу в июне, а вот Прохора оставил в Москве, наводить порядок хотя бы во дворце. Это же надо, даже здесь смотрят сначала в рот боярам, хорошо тех пока нет.

— Позовите князя Мышецкого. — Это было первое, что потребовал, когда вернулся.

Настроение было приподнятое. Дела в Туле шли хорошо, даже отлично. Некоторая усталость не мешала. Потому и захотелось сразу узнать, что тут делается. Только вот в ответ была тишина.

— В чём дело? Где он?

— Не ведаем государь.

Ответ был как-то не убедителен.

— Ты вообще кто? Молчи, мне без разницы. Раз не знаете где он, зовите его жену.

— Отбыла она в монастырь.

— Что?! Михайло!!! — Заорал я.

— Чего изволите? — Проговорил он вбежав.

— Хватай этого, да всю челядь. Делай что хочешь, но чтобы они у меня соловьём пели, куда Прохор делся и с чего это вдруг Таисия в монахини подалась. Времени у тебя... нету, вперёд!

Сначала со двора стал раздаваться гомон, потом крики, затем мольбы. Пришлось уйти, пожалею ещё.

— Ну? — Всё что я спросил у воеводы, когда он ко мне ввалился.

— Иосаф! Почитай только мы уехали, так сразу няньку твоего скрутили его людишки. Были среди них и дворовые. Утащили на двор митрополичий, что далее стало не известно. Таисию так же насильно увезли. Прогнали с Кремля и других людишек, любых тебе.

— Так..., не поняли значит.

Злость, буквально, красной пеленой подступила. Потребовать время, чтобы совладать с собой хоть немного.

— Бери солдат, хватайте митрополита, и прямиком в застенки. Стой, всех кто помогал ему из дворовых лишить головы, остальных, кто знал, но не послал гонца, выпороть. Они у меня день сегодняшний на всю жизнь запомнят. Да, пошли за Таисией и пусть только кто заикнётся, сюда тащите. Всех остальных разыскать и вернуть.

— А кто головы-то рубить будет?

— Сам решишь. Я пошёл к Тимофеевским воротам. Будет сопротивляться, тащите силком, и это... не бейте сильно, митрополит всё-таки.

Тимофеевские ворота место весьма примечательное. За ними находились те самые застенки. С одной стороны не так и далеко от дворца, а криков уже не слышно, почти никому из обитателей Кремля. Именно потому торг от башни на той стороне рва старается отступить. Работа мастеров заплечных дел не способствует прибылям. Даже мелкие лоточники не стремятся занять там места.

На дыбе кто-то висел.

— Работаем?

Мой вопрос почему-то перепугал ката и писаря.

— Да государь. — Ответил быстрее среагировавший писарь, поклонившись.

— Кто таков, почему без моего приказа?

— Так тать лихой. Душегубец. В восьми смертях признался уже.

М-да... Состояние допрашиваемого было на грани, как сам ещё богу душу не отдал.

— Ещё место есть? Кое-кого надо будет по быстрому допросить, и чтобы без дураков.

— К сожалению, нет, но мы сейчас освободим, а этого потом допросим.

И стали снимать страдальца, но дело оказалось не такое и быстрое. Вот в этот-то момент и втащили Иосафа, стращающего тащивших его божьими карами.

— Я поближе буду! Что уставился? Не ожидал, что за своих людишек вступлюсь? Ты кто такой, чтобы решать судьбу моих подданных? Жадность глаза застила? Не о земле думать должен, а душах людских. На дыбу его.

Она как раз освободилась. Митрополит провожал утаскиваемое тело остекленевшим взглядом. За тем тянулся кровавый след.

— Прости меня, государь! На всё согласен! — Затараторил он.

— Это хорошо, что искренне раскаиваешься, но смерти Прохора, не прощу.

— Жив он, в подклетьях у меня на дворе!

— Точно?! Михайло, пошли-ка людишек проверить.

— Истинный крест, сегодня видел. Не сам я, бояре попутали.

— Кто там кого попутал, мне не интересно, но ежели не выживет, то голову потеряешь ты. Значит, землю отдашь?

Это остановило его. Куда ни кинь, всюду клин. Если не я, то свои точно пришибут за это.

— Хорошо, взамен обязуюсь передавать церкви восьмую часть доходов казны, в соответствующие епархии, ну решай же. Ты всё равно подпишешь, только позже. — Спросил и со значением так посмотрел на дыбу.

Подписал он, куда делся. Так все церковные земли и перешли в казну. Только то, что произошло там, в застенках навсегда осталось тайной. У свидетелей тех событий, лишних голов не было, а камни, из которых была сложена башня, известные молчуны. Тот день выдался длинным. Много ещё указов было написано, а Прохор оказался жив, но плох. Таисию вернули, она и выходила своего мужа, тогда-то и растаял лёд между ними.

На следующий день вышел из темницы Бельский. Вот так вот вдруг.

Благо ума хватило дальше на рожон не лезть. При казалось бы, абсолютной власти Великого Князя Московского, реальная, за эти годы, уткнула к боярам. Так просто её не вернёшь. Сначала усилить свои позиции надо, раз появилась возможность, но дело это не быстрое. А раз так, то будем ослаблять всех на неё претендующих, отойдём в тень, пусть промеж собой режутся.

— Чего изволили, государь! — Проорал на радостях, вызванный Тихон.

— Тихо ты, чего кричишь? Заикой так сделаешь! Слухай сюда, Прохор сейчас за елью поедет. Её опосля на рву поставят. Украшать будем...

На некоторое время вновь задумался. Удивительно насколько изменится язык за пятьсот лет. Здесь говорится на рву, а там, в будущем, это будет звучать как где-то рядом, неподалёку. Язык настолько изменился, что стал по сути иностранным, для моих современников, и, тем не менее, это всё же русский.

— Зачем всё это, государь? — Вклинился, воспользовавшись моментом, Прохор.

— Тьфу на тебя. Рождество, вот и будем его на пустыре завтра праздновать, всем миром.

— А ель тогда причем?

— В этот день многие приходили и приветствовали рождение сына божьего, вот и мы будем, а дерево притом. Думаешь, вся природа не стала бы этого делать? Что растерялся? То-то же! Не будем же мы сюда весь лес перетаскивать, обойдёмся тем, что ты привёзёшь. Оставлять без украшения, участвующих в праздновании рождения Иисуса, не будем. Мы, значит, нарядимся, а елку, так значит оставим? Вот!

Никто от меня ничего подобного не ожидал. Уже как-то свыклись, что не пылаю религиозным чувствами. Даже вон, Таисия уставилась на меня удивлённым взглядом.

— Ну так вот, Тихон. Закажешь украшений разных и самое главное, звезду. — Продолжил я, но опять остановился, соображая, как объяснить-то её вид.

— А что заказывать-то? — Недоумённо проговорил Тихон.

— На то и мастера, чтобы самим придумать. Чтобы не было накладок, пусть со святыми людьми пообщаются, да с попами, заодно уточнят, как звезда Вифлеемская должна выглядеть. — Нашелся, как выкрутиться, я

Тихон чуть не убежал.

— Стой, не всё ещё. К вечеру привези харь там, рож разных. Будем бояр колядовать. И ещё, грамотку напиши, а то знаю я тебя, опять всё поперепутаешь, да при мне, чтоб проверил.

Фу, наконец, успокоился. Вроде всё, ничего не забыл.

— Прохор, погоди, я тебя провожу. — Проговорила Таисия и с трудом встала из-за стола.

Нет, вовсе она была не больна, а даже наоборот, радовалась своему состоянию, а муж так вообще пылинки стал с неё сдувать. На сносях она была, месяцев восемь. Вот и говори, что пустая, а не пожени их так бы и сгинула бездетной. А может и правда, это подарок божий за труды их, как они сами считают. С медициной у меня всегда не очень было, залез

как-то в справочник. Хоррор отдыхает на фоне описания болезней. Поэтому судить не берусь, чего там ранее мешалось, но теперь ждут ребёнка.

Вот так вот и разбрелись все. Остался я один-одинёшенек в полутёмной комнате наедине со своими мыслями. Поесть бы чего, да как-то не принято до первой звезды, хотя почему, как раз понятно. А вот потом оторвёмся.

Встал, прошёлся по комнате, похлопал муравлённые изразцы. Сами голландки находились на первом этаже, вернее цокольном, а ко мне выходили только высокие дымоходы, от которых тянуло мягким теплом и уютом. Их и отделали, сделанными ещё по итальянским технологиям. Той самой полупрозрачной и зеленоватой поливой. Термин глазурь не прижился, так и называют как привыкли, а вот новые цвета вроде уже делают, но пока там не всё гладко.

Вот так мысли опять вернулись к прошлому к лету 7048(1540) года. К борьбе за чугун. Без его появления эти печки бы не построили. На самом деле за прошедшие два года во дворце в подсобных помещениях многое изменилось. Чище стало, печей разных появилось. Теплее везде теперь. И помогло в этом не только устройство высоких дымоходов, но и особенно для второго этажа, пристройка маленьких голландок к вертикальным трубам.

Такие печи были не самыми дешёвыми, но в зажиточных и богатых домах получили большое распространение. Не скажу что повально, по факту не хватало мастеров реализовать запросы всех желающих. Но наиболее востребованной стала не хитрая технология вертикальных дымоходов, позволившая переводить на белое отопление, за небольшие деньги почти любой дом. Самым главным новшеством там была заслонка. Вроде мелочь, но без неё всё тепло из дома выдувало, именно это и сдерживало широкое распространение печных труб, да хоть горизонтальных.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Заслонки тоже из чугуна стали лить, хотя и кузнецы подсустились. Так что есть выбор. Собственно чугун был уже летом того года, но мало и хреновый. Суть не в том, важно было научиться с ним работать. Ведь повадки у него совсем не такие как у привычного здесь железа. Во всяком случае, тот, что имелся, дляковки был не пригоден. Проблемы с переплавкой чушек были ещё те. Вместе с итальянцами на Русь пришли и однокамерные отражательные печи, в которых и занимались плавкой бронзы.

Именно это позволило отливать орудия и отказаться от кованых. Хотя последние по прежнему встречались, но новых не делалось. Особенностью местных орудий было полное пренебрежение к точности выстрела, а потому практически неограниченный срок эксплуатации. Пушки, отлитые в пятнадцатом веке, воевали и в восемнадцатом. Вот такая вот образовалась долговечность, но со сменой требований к орудиям, она исчезла. Я же надеялся это изменить уже в шестнадцатом. Ведь на самом деле не так и много нужно было привнести, и всё это относилось, в основном, к гранулированию пороха.

Остальное, было не так уж и необходимо, но хотелось получить орудия, отлитые из домашних металлов, и желательно подешевле. Именно этому и должна послужить связка из доменной печи и переделки чугуна в железо сжатым воздухом. Не весь он был пригоден к такому, потому придётся повозиться и с другим способом. Тот, правда, я совсем не знал, но раз существует такой, вернее появится, значит, ничего не мешает найти его самим.

Зачем такие сложности? Очень просто. И медь, и олово, и свинец, и даже жёсть завозная, не говоря про серебро и золото. И ввозится почти исключительно через Балтику. Случись война, и мы буквально без штанов останемся. Ситуация будет аховая. Поэтому хотя

бы оружие мы должны делать полностью из своего сырья. Именно эти соображения заставляли меня смотреть на север, как альтернативу для внешних связей страны, а вообще, пора начинать делать всё самим по максимуму. Ведь даже лошадей хороших приходится приобретать у соседей, своих не разводим. Оттого и скудость казны, ввиду необходимости покупать почти всё за рубежом.

Так вот с печами теми проблема. Температура плавки чугуна значительно выше, чем бронзы. Переделывать их придётся под большие, а следовательно, у них те же проблемы, что и у домниц. Разрушение от высоких температур. Только мастера по тем печам пошли своим путём. На глины, как я, решили не надеяться, а стали искать камень подходящий. Опыты такие начались на пушечном дворе в Туле. В тот год особо удачи не было, хотя кое-что и переплавили. Так вот и отлили опытные детали для голландок, которые и сложили во дворце.

Прорывом стал 7049(1541) год. Наконец фортуна повернулась к нам лицом, а не причинным местом. По-нашему это был бы всё тот же 7048 осень, но здесь год меняется первого сентября. Всё лето перед этим в Туле строили разные домницы, по моему приказу. Проверяли влияние элементов конструкции на работу и уже начали более-менее уверенно получать в них чугун. По совести, не один год ещё так пробовать, но однажды это, наконец, прекратится, и мы будем строить зная, как надо, а не просто как принято. С шихтой мудрили, по большей части, неудачно. Знание, как правильно создавать эти печи и получать в них чугун, причём стабильно, многого стоило.

Но кроме него ничего больше пока не получалось и все выплавки лили в формы при домницах. Так что пока образовывался огромный задел чушек на переплавку. Из-за этого я тогда стал пинать Фёдора Савина на предмет создания установки передела в железо сжатым воздухом. Хоть что-то уже будет. По моей мысли, это надо делать, пока он ещё расплавлен, то есть рядом с домницами.

Собственно расплав должен был выливаться в ковш, отделанный изнутри кирпичом. А внутри этой отделки должна проходить глиняная трубка, на самое днище. После заливки его, он быстрым образом, с помощью векшей(здесьнее название подъемных блоков), перемещался к трубке с мехами. Казалось бы чего проще? А не получалось. Металл в трубке успевал застыть, не могли продавить. Пришлось делать свинцовые воздуховоды, до самого места заливки и сначала устраивать ковш, а потом заливать чугуном, при этом немного подавая воздух, чтобы в трубку не попадал. Он стал чуть не на месте застывать, и правильно, получалось, что мы его охлаждали.

Пришлось продувать на весу. Такой геморрой. Труба опускалась сверху под углом, вернее ковш под неё заводился. Оконечность была из глины. Всё равно не выходило ничего, пока не добились подходящего давления подаваемого воздуха. Первый раз, когда, наконец, произошло, полыхнуло так, что стало понятно, что ковшик надо делать специальный. В итоге там такое замороченное сооружение, жуть. Железа-то вышло, но по здешним меркам, огромное количество. И пускай оно было плохого качества, но зато дешёвым. Ушёл на это почти ровно год после относительно успешного получения чугуна.

Всё лето пропадал в Туле и вот, наконец, осенью вышел результат. Правда, залили всё в одну отливку. Половина города приходила наверно посмотреть на такой кусок железа. Ох и мату было, когда разделявали на куски, чтобы продать. Пока не распорядился, что тот кузнец, что утащит этот брусок со двора завода, получит его бесплатно. В дальнейшем таких ошибок не было. Хоть и хаяли это железо нещадно, но отказываться от покупки ни один не

стал. Всё что получалось, уходило со свистом.

К осени наконец разродились с отливками бронзовых станин на тульском пушечном дворе. Пришлось строить новые печи, иначе не выходило получить за раз столько бронзового расплава. Да и помещение поспело к этому времени. Огромное, надо сказать, по здешним меркам. Тридцать метров на семьдесят. Повдоль разделено на две секции. В одной части домницы и литейка, а в другой, по задумке, механическую обработку разместить.

Правда, часть длины, отъел силовой цех. Это я так, для форсу его обозвал. Паровики там расположатся. Вернее уже даже смонтировали один, вручную поддув воздуха в домницы, опухнешь обеспечивать. Если по совести, так это здание на инженерный шедевр потянет. Над литейкой сделали полностью каменное перекрытие. Стены получили усиления навроде рёбер жёсткости, но как ни странно, в дальнейшем это очень пригодилось и вовсе не для удержания потолков.

Из части чугуна стали лить и чугушки и сковороды. Цена их заметно меньше цены иной посуды из металлов. Забавно, но здесь белый чугун стали называть калёным. Вот из него они и были. А вот детали для голландок, из серого. Но у него такой добавки в названии здесь не было. Всё равно разлить всё у домницы не выходило, вот и получалось, часть на литьё, а другая на передел. Спрос возник сразу и только растёт, а это опять деньги в мой Великокняжеский карман.

Именно из-за этого и появились первыми точильные станки. Как уже упоминал не с кругами, с наждачными кольцевыми полотнами. Их кстати делали из приводных. Чтобы не заморачиваться, наклеивали на них песок разного зернения, который и получали на небольшом заводике по его промывке и разделению в Люберках. Привод осуществлялся, с моей подачи, именно полотнами. По сути, такими широкими приводными ремнями, но полностью тканевыми.

Благо здесь пенька была и америкосы ещё не нагадили всем, ставя палки в колёса её производителям и придумывая международные конвенции. Их кстати ещё не существовало, причём настолько, что даже в планах не задумали. И ничего удивительного для этого времени, Англия ещё не обзавелась эксклюзивным источником дешёвого наистратегичейшего сырья. Да-да, пенька здесь имеет именно такое значение, а потому эта страна построить свой знаменитый флот не может. И вообще, пока они эдакое европейское захолустье.

Да и Хрущ хорош, нафиг он подписывал те бумаги, это ведь удар был по нашей экономике, и значительный. А всё дело в том, что получали её из конопли, правда, к слову сказать, иногда из крапивы, но это скорее экзотика. Трудоёмкая культура, но ткани и верёвки из неё были уникальными. Обладали удивительной стойкостью к влаге, в том числе и морской. Именно потому парусину старались делать из неё и все канаты и верёвки, а также производные от них.

Самым важным была стойкость к деформациям, поэтому полотна и делали из такой ткани. Довольно грубой, но это требование к условиям нашего применения. Если думаете, что сам изобрёл, да ни за что. Просто кино смотрю внимательно и там такие применяли на буровых установках в конце 19 века. Всё просто, мощность передавалась силой трения, а та подбиралась практическим путем, за счёт ширины полотна. При этом требования к валам тоже никакие, как раз наш случай, и полное отсутствие лязга. А вы что думали, с цепями и всякими шестерёнками заморачиваться буду? Это надо совсем не от мира сего быть, чтобы так с ума сходить. Может потом, когда-нибудь....

Нашлась и смазка, берёзовый дёготь, но самое интересное, что именно мы, Великое Княжество Московское, были, чуть ли, не монополистами по его производству. Сам в шоке, я и не знал что их два вида, ещё и сосновый есть, так тот для защиты древесины от влаги самое оно. Им и лодки обрабатывают, а смешав с конопляным маслом, получают олифу.

Никаких препятствий начинать промышленную революцию у нас в стране просто не наблюдалось, кроме устройства самого государства, которое подавляло всякую инициативу на корню. В этом отношении мы были полными антиподами Великого Княжества Литовского, где, по моему сугубо личному мнению, была натуральная анархия.

Точильные станки были крайне простыми, но необходимыми. Иначе никаким иным способом с калёного чугуна невозможно удалить приливы и мелкие дефекты. А если это делать, как здесь принято.... Удивило наличие натурального наждачного камня. Просто не знал, что такой вообще был. Казалось, что его всегда спекали сами. Собственно, пробы уже такие начались, но именно что только. Первые формы для этого отлили и стали пытаться получить. Пока просто бруски, именно на замену натуральному. Цены на него, я молчу.

Но, к сожалению, результаты были малоудовлетворительными. Может давление недостаточно, или как-то неправильно делаем, или опять с температурой чего не так. Бедный Тульский Пушечный Двор, наверно забудут, как основную продукцию лить.

Вся моя эпопея с шаблонами из стекла пошла прахом. Негодились они, по прямому назначению, но сделал для себя открытие. Оказывается, стекло может бояться воды, кто бы сказал это раньше, плюнул бы ему в глаз. Либо я глобально чего-то не понимаю, или это другой мир со своими физическими законами. Нет, всё же первое наверно вернее, легче поверить в мои мизерные знания в вопросе стеклоделия. Так случилось, что лежали они в довольно сыром месте и стали слоиться и выкрашиваться. Кто же знал, ну не сталкивался с таким никогда в жизни. И как с этим бороться, чтобы стекло стало обладать привычными свойствами? Но узнал об этом позже, а сначала рассказали мне о куда как более простом методе получения эталонов. Всё изменила та моя поездка на Белоозёрье.

За окном опять скрипел снег под полозьями великокняжеских саней. Размером они наверно с ПАЗик будут, не... поменьше, но не так, чтобы очень. Застеклён он получше окон во дворце. Это не по злему умыслу, а по моему скупердяйству. Листы слюды здесь огромные, правда видеть сквозь неё не особенно-то и лучше, те же размытые контуры. Если честно, хоть казна и получала десятину лучшими листами, причем считалось от веса, а не от цены, что при переводе на деньги, выходило, однако больше четверти, но никого здесь такое не смущало.

Всё просто, цена за пуд слюды, в зависимости от качества колебалась от 15 до 200 рублей. Стекло, даже забугорное, было сильно хуже качеством, мутным. Сквозь него света проходило гораздо меньше. Чем-то мне его поверхность напомнила внешний вид матовых водочных бутылок, только в ослабленном виде, да плюс оттенки цветов. Специально посмотреть ездил, какое оно, заморское.

Зато даже самые большие листы, площадью примерно около одного квадратного метра, были рублей 30–40 за пуд. Как всегда, торговцы дурили нашего брата покупателя. Листы были толстенными, для весу. На мой поверхностный взгляд можно было просто их отшлифовать или вообще обойтись полировкой, чтобы добиться, по крайней мере, не худшего качества, чем у слюды. Вот если бы ещё как-то избавиться от цвета, то, пожалуй, оно может и лучше будет. Но пока у меня было то, что было, хотя зарубочку на память

сделал.

Именно поэтому и желал казённую долю продавать, и приобретать уже за деньги чего подешевле, тем более что принципиальной разницы не находил. Но даже эти сани доказывали обратное. Выглядело ослужение здесь гораздо лучше, чем из множества кусочков. Это, наконец, заставило самого задуматься, так ли неправы желающие пускать по прямому назначению. В конце концов, такое богатство просто без дела валялось и ничего удивительного, что стали под разными предлогами прибирать к рукам.

А тогда, мои попытки организовать распродажу, спровоцировали скандал, только толку никакого, ни от того, ни от другого. В общем, эту самую часть потихоньку растаскивали бояре, выходил один убыток. Естественно, при таком положении дел, дармовой источник слюды самого высшего качества устраивал Думу и пока казна не находится под моим контролем, ситуация не изменится. Куда ни ткнись, воровство всюду, но всё обстрипывается в виде подарков за усердную службу, даже обвинить не в чем. Жульё! Я может так бы не возмущался, но оказалось, что Великому Князю на собственные нужды нет слюды. Совсем о....! На самом деле, при всем показном раболепии это был один из показателей истинного отношения к моей персоне со стороны знатного окружения.

А за окном саней пролетали вёрсты Троицкой дороги. Она уже потеряла то значение, которое имела когда-то, кружного пути из Орды, а нового не приобрела, не было ещё Северного маршрута в Европу. Но, как и столетия до этого, по ней двигались обозы с солью и рыбой с северных рек и озёр, но только в зимнее время. Летом предпочтение отдавалось рекам. Сомнительное удовольствие передвигаться по суше в эту часть года я уже испытал, при поездке в Люберки. Верхом, и только верхом! Ну, может на карете, потом, если та сможет выдержать такое надругательство над собой.

Нет, обстановка в санях стала лучше. Пружинные диваны не давали отсиживать своё седалище так уж сильно. Но дубочина в транспортном средстве премиум класса этого времени от этого никуда не делась. Была мысль печку строить, но что-то страшновато, ведь закутан весь в меха, пыхнет, выбежать не успею. Вот и терплю, хорошо хоть не дует. В моем случае, ямская служба и есть лучшая защита от холода, чем быстрее едем, тем меньше времени в пути, соответственно мерзнуть не так долго. Поставлена она здесь серьёзно. В итоге, наш обоз передвигался с максимально возможной для этого времени скоростью. Великие Князья никогда вниманием Троице-Сергиев монастырь не обходили, потому-то дорога эта обустроена прекрасно.

Ну как прекрасно? Летом всё равно её старались избегать, как впрочем, и другие в Великом Княжестве Московском. Ехали только если по реке никак. Весной и осенью по суше передвигались только иностранцы и другие сумасшедшие. Помощь со стороны Ямской службы им не положена. Только следующим по государевым нуждам доступны смены лошадей на станциях. Изобретение это не наше, а унаследовано со времён владычества Орды. К примеру, путь из Новгорода до Москвы с подменой занимал всего тридцать шесть часов, а вот в составе обоза, в районе двух недель. Вот такая канитель. Но как бы быстро мы не передвигались, от скуки никуда не убежишь. Развлекал меня как всегда Прохор.

— Ты про соль всё просмотрел? Ну так рассказывай. И кстати, почему её так мало возят здесь?

— Секрета в том нет. Она от времени не портится, только слежаться может, так не беда, разбить не трудно. Потому стараются рекой, да летом. Нижний на этом и поднялся, там самый большой соляной торг.

— Что так? Не уж-то в других городах не можно такое?

— Есть, как не быть, но там много меньше её продаётся. Но оттуда её везти во все концы Руси сподручней. Соль-то добывают где? В Вычегде, Чердыне, да Тотьме. Так всё это по Северной Двине места и вывозить её через Вологду и на Волгу. Есть там и свой большой торг в Холмогорах, так это всё для поморов. На засол рыбы, а ловят её изрядно, потому и надобно много.

— Так что, нигде больше нет?

— Есть, в том же Каргополе, что на Онеге реке. Так её на Белое озеро везут, на ту же Волгу. В Соли-Галицкой добывают и доставляют в Кострому. В остальных местах хоть и добывают, да не столь много. В Смоленске, Пскове, Вязьме, Дорогобуже, да Старой Руссе. Так ту сами потребляют в основном, да иностранцам продают.

— Тогда понятно. А лучшая какая?

— Из Тотьмы, но мало её, так со Старой Руссы не хуже, однако. Последнюю даже шведы хорошо берут, видать такой чистой да белой у них мало.

— Не думаю. Может и похуже она там, но мнится сильно дороже, вот и жируют на чужом. Не смотри так, берут у нас все, что стоит дёшево и продают там, где дорого. Не лучше наших купчин.

Поговорили и про рыбу. Забавно, но красной рыбой здесь зовут осетровых. А та, которая у нас, рыба и рыба. А вот селёдку здесь распробовали, но почему-то везут её со Швеции и, как ни странно, своей нет. С Холмогор привозят сёмгу, палтус и треску. Первую, много промышляют и по северным озёрам. Самые крупные, из которых, Ладога и Онежское. А по рекам чего только не ловят.

Вот так за разговором и приехали, наконец, в промежуточный пункт моего пути, Троице-Сергиев монастырь. И сразу шок, стену спёрли. Ладно бы только это, но выглядел он тоже как-то не так. Не скажу что я такой уж специалист по его архитектуре, да и видел его тогда лишь раз в жизни. Как-то и не приглядывался, кто же знал, что так вот получится! В результате, какое-то смутное ощущение, что обманули, но не понятно, как и в чём.

Ладно стенка, не такой это и шедевр, но вид меняет кардинально. Совсем другое восприятие. Может не построили ещё? Вот зараза, а что там сделал для этого храма Иван "Грозный" в той истории? Надо подумать, да только я всё равно не он и поступать буду иначе, так что каким станет Великий Князь в этой истории неизвестно, но вот насчет того, что надо бы это место обнести кирпичными стенами, поговорить с нынешним настоятелем необходимо, который и встречал нас самолично. Игумен Порфирий II величать. Дело было к вечеру, а я ещё сегодня хотел успеть попасть в Александрову слободу.

Это только в моём воображении почти один на один с настоятелем. На самом деле, мать божья, сколько тут народу. То, что не упоминаю свиту, это не значит, что сотня-другая охраны из детей боярских со мной не путешествует. В ту же Тулу, поначалу всей Думой выезжали, потом народ понял, что туда мотаться буду часто, да и вообще, какой-то ерундой, с их точки зрения занимаюсь, и со временем перестали. Однако поездка на богомолье это вам ни хухры-мухры. Вопрос можно сказать политический, общегосударственной важности. Попробуй, откажись с Великим Князем ехать по святым местам, того и гляди в крамоле обвинят.

Этот раз не походил на привычные богомолья Василия 3. В первую очередь масштабом. Пожалуй, никогда ещё не задействовалось столько войск. Уму непостижимо, каких усилий стоила организация этой поездки. И всё только из-за одного, чтобы я смог с ветерком

проехаться и к ночи попасть в Александровский дворец. Подменных лошадей на всю свиту не хватило бы даже в теории, поэтому за неделю до моего выезда, вся Дума выехала вперёд. Охрана тоже не могла гнаться за нашим небольшим обозом. Потому весь путь был заполнен войсками, которые сопровождали меня только на участках, сменяя друг друга. Если подумать, то не меньше нескольких тысяч было во всём этом задействовано.

При приближении к монастырю, вперёд ускакал вестовой, чтобы значит, готовились к приезду государя. Поэтому ничего удивительного не было в звоне колоколов при приближении саней Великого Князя. И дверь открыли, и дорожку... не постелили, не то что красную, вообще никакую. Видать ещё не придумали. Но коридор из воинов до самого входа, нате вам, пожалуйста. Радостные приветствия. Правда, всё больше бояр, а простые подданные, в основном, норовили перекреститься.

А вот когда сани отъехали.... Мать честная, за ними было народу, да всё думцы, да князья разные и иные представители знатных родов, плюс их челядь, и всё, массовки не надо. А за воротами монастыря, да их так и называть-то странно, но по смыслу это они, в общем, два деревянных столба, а сверху к ним прибита доска, а на ней несколько икон. Собственно всё. Так вот за ними стоял тот самый настоятель, понятно не один. Встречать Великих Князей почётно, хоть и не редкие они гости в этом монастыре, "всё же не каждый день с утра пораньше заявляются, спать не дают". Встречают надо сказать с хлебом, но без соли. Опять накладочка с обычаями. А каравай хоть и огромен, но из чёрного хлеба. Белый не очень-то и распространён, потому как пшеница капризна, да и на семена в два раза больше супротив ржи надо.

— Великий Князь Московский и всея Россеа, Иоанн 4 Васильевич! — Проорал кто-то сбоку.

— Во попал! — Мелькнула испуганная мысль, но быстро улетучилась.

Не последний день живу, да и поездка эта моя первая самостоятельная на богомолье, повторится ещё не раз. От поведения сейчас зависит, как будут говорить о ней не один год.

— Блин! Надо было писаря какого озадачить, да хоть того же Тихона, описанием поездки. Точно, художников бы ещё! Интересно, а они в природе есть? Хотя.... Иконописцы же в наличии, хоть и специфическое это искусство. "Историю надо писать самим, а не изучать её потом по заметкам иностранцев." — Ворвалась очередная мысль, а тело начало работу на автомате, делая земные поклоны каждой иконе над воротами и крестясь между ними.

Собственно мои действия стали повторять все проходящие за мной через ворота. Хлеб, кстати, нужно было всего лишь поцеловать, а не кусать и отламывать от него побольше. А вот попытки подсунуть мне руку для поцелуев со стороны настоятеля, проигнорировал. У него это похоже уже на уровне инстинктов, ставить других в подчинённое положение, типа я для него такой же прихожанин. Со мной этот номер не прокатит. Мне не жалко, но тогда и дары будут как от простых посетителей, а вот это будет для него, куда большим оскорблением.

Жадность, она ведь не вчера родилась, вот так и подрастеряют авторитет, за какую-то сотню лет. А восстанавливать трудно пришлось, только когда почти всё что нахапали, отобрали и заставили занимать паствой. Пока же церковь в силе, процесс ещё не так заметен.

Дальше всё пошло по довольно привычному, давно утверждённому плану. Собственно приезд и подгадывали к Вечерней. Вот именно это меня и убивало, как будто для галочки

только всё это делалось. Нет, с точки зрения государственных интересов мероприятие важное. В этом времени религия и идеология едины. Но получалось, что всё это богомолье выливалось в эдакий выезд политпросвета.

Службу естественно отстоял, но по мне так ни уму, ни сердцу. Не думаю что простой люд уж такой дурак. Менять процедуру надо, ох.... Конечно, обсуждать мой выход в свет будут долго, но подозреваю, в основном, в контексте диковинок разных. В смысле, скорее это превратится в их промо акцию. Не должно так быть. Если вдуматься, то почти всё управление в стране нарушается в такие поездки. Ладно раньше, государство мало во что вмешивалось, но я ведь собирался это поменять. Это же по сути обезглавливать страну на длительное время.

Сейчас в Москве вообще никого не осталось, кто хоть сколько-нибудь важное решение смог бы принять. А ради чего? Хотя, подозреваю, чтобы переворот не смогли учинить. А вот и параноя проснулась. Действительно! Непорядок. Элитную тюрьму надо бы вывести из Кремля, но под серьёзную защиту. Там пока хватает кандидатов на престол. Мало ли!

Дальше пошли вручения даров, сначала от меня, а потом по убывающей. Разнообразие их впечатляло, но в основном это конечно были пожертвование деньгой. Поначалу пытался запоминать кто и чего, но вскоре сбился, а затем всё это перешло почти в бесконечную череду подношений. По времени это не уступило службе. Потом были великокняжеское угощение братии, по сути тот же пир. Так что выехал я уже в сумерках. Странное ощущение осталось после всего этого, двоякое.

Сани, по моему приказу, остановили за стеной Александровского дворца. Даже первого взгляда хватило уловить разницу между этим видом и тем, что видел там, в будущем. Стена была, но деревянная, окружённая сухим рвом. Пять столетий не фунт изюма, даже то, что уже существовало в этом времени, радикально отличалось. Мороз был не так уж и силен, с ясного ночного неба светила яркая полная луна и в этом призрачном свете стены чернели особенно сильно на фоне белоснежных сугробов и шапок по их вершинам.

Не удивительно, что этот миг принёс успокоения куда больше чем все эти службы в храме. Странное дело, именно в тот момент взглянул в звёздное небо. Оно казалось таким низким, будто протяни руку и возьми звезду.

— Прохор, а вот скажи, есть у нас звездочёты?

— Нет.... А на кой они сдались? — Ответил он, уловив, буквально в мгновение, моё настроение.

— Раз существуют, то зачем-то и пригодятся. Надобно и нам завести, а то непорядок, у папистов есть и магометан, а вот у нас православных нет. Книжек надо заказать, авось разберёмся, зачем сих зверей разводят.

Вот так и начала свою историю наша астрономия и первая русская обсерватория, на "косой пирамиде", здесь в Александрове. А пока ничего такого не было, так мелькнувшая мысль, что флот без этого дела строить сложно будет. Я же продолжил свой путь во дворец пешком, начисто проигнорировав сани, из-за чего и сопровождению пришлось спешиться. До ворот было рукой подать, но идти по дороге оказалось не так и просто. Не было тут никаких бульдозеров и никто её не чистил, так накат и то не сказать чтобы сильный. Но упорство заставило продолжить путь, хоть в душе и матерился на свою глупость, и вот суесящиеся фигурки стали открывать ворота, а тишину нарушили команды, перемежающиеся проклятиями.

Даже в лунном свете показалось, что не только стена другая. Вид всех строений кардинально отличался от виденных однажды на экскурсии. Когда же вошёл в палаты дворца....

— Слушай Прохор....

— Да государь?

— Ты уверен, что мой батюшка хотел оставить Москву столицей?

— Не ведомы мне думы его. Может только с ближниками делился ими.

— Так узнай! Хотя.... Ни к чему, всё это в прошлом. — Проговорил я медленно последнее, потрясённо уставившись на открывшуюся в неверном свете свечей, разносящих по залу аромат мёда, красоту.

Но любоваться богатством убранства не стал. События этого дня утомили меня изрядно, и потому уснул, лишь только добрался до постели. И не было мне дела в тот момент, что палаты были стылыми и ни черта до конца не прогрелись. Всё потом, завтра будет день, будет пища.

Моя свита стала подъезжать только после обеда, я тоже не с петухами встал, потому в одиночестве побродить по дворцовому комплексу не удалось. С другой стороны всё это перестало напоминать музей под открытым небом, кругом закипела жизнь, хотя настроение и испортила протокольная часть мероприятий. В конце концов, вся эта суeta закончилась и к вечеру, наконец, смог заняться изучением этого уникального места. Не шучу, просто не с чем его сравнивать, из того что было вокруг.

Полностью каменное строительство. Вроде короткая фраза, но нигде, где я уже побывал, так не строили. Всё делалось из дерева, даже великолепные резные терема Коломенского, были такими. Нет, храмы строили, и строили на века с имперским размахом из белого камня, что только удорожало строительство, даже во времена владычества Орды. Но это кстати скорее признак величия духа народа того государства, в котором так происходит. А вот попытки снижения стоимости возведения культовых сооружений верная примета конца. Уж из уроков истории об этом знал. И ничего удивительного, каждый последующий правитель старался переплюнуть предшественников, а раз пытался, значит мог! Если же стал экономить, быть беде.

Нет, подклети там, да всякие цокольные этажи из камня делали, но там и не жили власть имущие, это место слуг и кладовые всякие, а если надо, так и темницей послужат. Тут же.... Даже храмы вроде русские, но так непохожие на те, что встречаются вокруг, да хоть в Кремле. Не в традициях Руси украшательство их снаружи, это в Византии всё великолепие напоказ, а внутри серость и уныние, у нас всё внутри, потому на отделке и не экономили: и фрески, и камень, и лучшие сорта дерева и золотые оклады с самоцветами.

Снаружи же, обычно белёная штукатурка, тем более что этот цвет считался символом чистоты и непорочности. Тут же.... Великолепные порталы дверей и арки окон, выложенные искусной фигурной кладкой из красного кирпича, особенно выгодно смотрящейся на фоне покрытых извёсткой стен. Мало того были и из белого камня, но покрытые великолепным орнаментом резьбы. Да что там это, там каждая колонна подчёркивала красоту замысла муровей. А барабаны под куполами и маковками церквей. И всё это ни в малейший ущерб убранству внутри храмов.

Или к примеру огромные каменные крытые гульбища вокруг Покровского собора. Даже ничего отдалённо напоминающего такое не видел. Правда там, в будущем, экскурсовод называл его почему-то Троицким, но не уверен, что это одно и то же. Жалкое зрелище на

фоне наблюдаемого мной великолепия здесь. Сравнить из виденного в той прошлой жизни можно разве что с собором Василия Блаженного. В Москве ничего пока такого нет, а тут фиг сотрёшь. Вот куда иностранцев гонять на приемы надо, чтобы проникались. М-да....

Дворец же, именно что с большой буквы. Конечно, на великолепные образчики зодчества 18–19 веков не тянул. Но и усадьбой, по сути, комплекс из трёх отдельных зданий назвать язык не повернётся. Основное, самое большое здание для приёмов, немногим поменее, княжий дворец и княгинина половина, причём последние имели по своему домовому храму, отдельно стоящему. Все строения соединены деревянными, а у зданий, каменными гульбищами.

Казалось бы, уже ничего не сможет удивить, ага как же, сами здания дворца потрясали не меньше. Они, конечно же, имели множество украшений характерных для русских строений, и только поэтому не приходилось сомневаться в своём зрении. Увидел бы я что-то подобное где-нибудь в Италии, вряд ли удивился, а тут. Сравнить всё это можно только с дворцом какого-нибудь императора или короля. Загородная резиденция говорите? Три раза ха!

Внутри же, отделка муравлёнными изразцами с характерной зелёной поливой, опять же резные белокаменные украшения, великолепная роспись по сводчатым потолкам. Огромный зал приемов, легко переплюнувший Грановитую палату. И печи кругом, с трубами естественно в стену, настолько не характерной для Руси колоновидной формы. И действительно, как позже выяснил, не нашими руками деланные. Для их укладки завезли всё и материалы и мастеров, уплатив весьма не слабо. Собственно ничего удивительного, сам видел уровень нынешних печников, так они и не прыгнут выше, ежели у них работу не заказывать, тем более с моей подачи изменения заметны. Пусть бы дороже вышли свои выдумки, но они бы потом появились повсеместно, а так, тут есть, а нигде больше нет.

Впечатление вышло совсем непонятное, с одной стороны, по мне так лучше сюда перебраться жить, с другой, всё нафиг переделал бы. И в первую очередь стенку эту, поставленную по приказу Глинской. По мне, так она больше говорила про все её европейские взгляды. Может в веке 12 это и было шиком, а на дворе 16 и уместна она у какого-нибудь помещика в деревеньке, а тут только обесценивала красоту сооружений иставляла Великих князей полуварварами. Однозначно, пока она здесь, никаких иностранцев. Неподумавши и брякнул про это при Иван Васильевиче.

На то Шемяка и боярин, чтобы государственное дело, в общем-то, на пустом месте находить. Так что Дума собралась на удивление быстро, тем более, что даже болезнью никто не отмазывался. Первое богомолье государя, это покруче выезда Папы Римского в какое-нибудь Зимбабве, особенно если учесть, что он там ничего не забыл. Тут, под это дело можно и взлететь, и слететь, и пролететь, и улететь, и влететь, и залететь, если уж совсем не свезло. Сапёр на минном поле и то не так рискует, как великокняжеские ближние. Попасться мне на глаза во время мероприятия куда как проще, а если ещё и запомню, можно сказать, жизнь удалась.

В кои-то веки, желание молодого Великого Князя было понятно государственным мужам. Это не безобразия какие, что в Туле учинил. Эх, мне бы ещё голос нормальный, а не этот писк, то моя речь на Думе звучала бы куда веселей. Но главное уловили все, послов всяких и других просителей заморских к моему двору из Москвы сюда на высылки. Для того в слободе гостиницы построить, а кто надолго захочет остаться землю под строительство выделять. И принимать их только здесь и более нигде. Сюда и дьяков свезти, кто этим делом

занимается.

Забор снести, ров мелкий засыпать. Взамен вырыть широкий да глубокий, чтобы дворец как бы на острове оказался. Берег его укрепить камнем и поднять из него стену невысокую, а чтобы изнутри она таковой не казалась, сделать насыпь. Заодно это увеличит её стойкость к артиллерии. Чуть было про башни не забыл, но поскольку они тут не к селу не к городу, сделать их имитацию стеной, над которой поставить беседки в два этажа с видом прекрасным, но во время замятни, чтобы туда легко пушки поставить можно было. Да и забор сделать в виде наверху кремлёвской стены, а вдоль него дорожку камнем выложить.

И вроде и погулять хорошо и стены вполне полноценные получаются, хотя, даже по меркам 16 века, сплошное нарушение принципов фортификации. Отбивать атаку с тыла, возможности никакой. Так, поди, до боёв такой ожесточённости не дойдёт. Правда, периметр укреплённый получался не слабо масштабный, это же сколько народу народу надо его оборонять, но это скорее уступка традиции. Мал я ещё, и продавить, как мой "отец", строительство открытых усадеб, вроде того же Коломенского, не смогу.

Соединить этот остров с другим берегом тремя каменными мостом, причём один напрямую со слободой. Рядом с ним построить и помещения для дьяков и переговоры. Не с руки государевым мужам выслушивать просьбы послов в каморках, а во дворце, облезут. Вырыть, неподалёку нынешнего комплекса, озеро рукотворное, соединённое, под землёй, с рекой. Ну и сады естественно с беседками и все дороги и дорожки в камень. Не стоит забывать, что Покровский собор в свободном доступе для всех желающих, так что дорогу до него, от слободы, обустроить особенно тщательно.

Одно слово, размахнулся на славу. Но потрясло меня не это, никто даже не пискнул против. Построить ещё один дворец для государя это дело святое, понятное всем, поднимающее престиж не хуже возведения соборов. Раскатал-то я губу, а закатать-то не кому, поскольку мало, больше надо было, больше, и то не факт. М-да, масштаб у Великого князя, пока, не дотянулся до суровой реальности.

Если сюда приехал "с ветерком", то дальше фокусы не проходили. Так что поездка, до Белоозёрья, превратилась в довольно длительное путешествие. И народу привлекли ещё больше, только уже по большей части не воев. Скорость у нашего обоза упала, соответственно, отряд сопровождения остался один. А вот на всём пути организовали стоянки с шатрами, где можно было посидеть погреться отдохнуть от дороги, часов несколько, а то и дней, что ещё сильнее замедлило движения.

В итоге, добирались до цели почти месяц. Да и куда спешить, зима-с. Это приобрело черты круиза по средиземному морю на лайнере. Только вокруг холодно и сосны с ёлками стоят. Нет, если бы мне, как и большинству, делать было нечего, то вполне с комфортом прогулялся. Но душа требовала рвануть в другую сторону и заняться тем, что мне было на самом деле интересно. Но дорога была не та, чтобы по пути в Тулу завернуть, да и не поймут такие фортеля здесь.

Встречал нас, по традиции, игумен Афанасий, князь Палецкий, между прочим! И пусть вас не смущает его церковное звание, как меня, вначале. То, что таких как он, ещё не называют настоятелями, по сути ничего не меняет. И сразу сюрприз! А ворота-то на месте, а вот вместо стеночки тын из кольев, да и храмов как-то бедновато. Это я ещё приуменьшил. Похоже, ничего ещё и не построили толком.

Нет, сам собор в честь Успения Пресвятой Богородицы был на месте и даже выглядел снаружи, как по мне, даже получше, что не удивительно, ему ещё и полста лет нет. На месте

и трапезная палата с церковью в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы и даже церковь во имя архангела Гавриила посторожённая при моём "отце", что сразу бросается в глаза. Особенно после посещения Александровского дворца, чувствуется влияние Муролей. А вот палаты деревянные и пока их немного.

Но потрясло не это, а отдельное каменное книгохранилище с просто таки огромными, по местным меркам, книжными фондами. Далеко не из последних русских людей здесь монахи и знания здесь ценят. Так что не удивился, когда мне подробно разъяснили, как таки получать плоскости любой нужной мне точности, и вроде между делом и о своём говорили, но труда не стоило догадаться для кого на самом деле. Не верю я в такие совпадения! Не сложная оказалась задачка из геометрии, когда знаешь, конечно, а если нет, так вот подиж ты. Да ладно бы спросил, разузнали как-то и в результате разговор монахов. Как подумал, про стеклянные шаблоны, покраснел от стыдобушки.

— "Попаданец, блин из будущего! Откуда они узнали, экстрасенсы что ли?!" — Пролетела мысль в голове.

А между тем всё было проще! Позднее, Прохор мне поведал, как игумен удивлялся моим восторгам насчёт книг и слабому интересу к храмам. Мягко говоря, это не вписывалось в привычное поведение власть имущих. И пришлось колоться моему няньке, насчёт моей любознательности и тому, что с ней уже всех вокруг замордовал, а сейчас вообще трындец. Замучил уже со стекляшками, чуть человека не загубил, по незнанию.

— Так зачем они ему?

— Да вот, шуки хочет сделать, которыми проверять, ровная плоскость или нет. Пока не выходит. Вернее есть уже, но я же вижу, как он кривится, когда их разглядывает. Чувствуется, что не подходят они ему, а как сделать не знает, да и спросить незнамо где. Хоть указ пищи, авось найдётся на Руси умелец и сделает то, что ему надо. Только сколько его искать!

— Да беда! Поспрашаю я у братии, авось придумаем чего.

Вот так и возник "заговор", как поведать мне сию тайну, и великокняжескую честь не уронить.

— Вот епрст! — Воскликнул я, очнувшись и поняв, что за окном уже стемнело. И мир вокруг меня буквально взорвался гомоном и светом многочисленных свечей. Оказывается полный дворец гостей и челяди сидел тихо как мышь, чтобы не мешаться думы мне думать. Вот моё восклицание и послужило спусковым крючком, ведь давно уже не первая звезда горела.

После вкусного обеда, по закону Архимеду, полагается поспать. И пусть он совместился с завтраком и ужином, но от этого, последнее, менее актуальным не стало, однако.... Как то не сильно подумал, когда посылал Тихона за Рожам. Утренняя мысль колядовать Бояр, в свете вновь открывшихся обстоятельств, уже не радовала, почему-то хотелось завалиться на боковую и поспать минуток шестьсот. Одна проблема, любой мой чих и государственная машина начинала действовать почище катка и лишь с той целью, чтобы не мешался ей жить собственной.

Так что все, кто попал под мою идею, были предупреждены о "неожиданном" везите Великого князя и соответственно ждали. Я естественно этого "не знал". Хотя, в принципе, так оно и было, но ведь никто не запрещал догадываться. В нашей стране это обычное явление, всё секрет, но ничего не тайна. Хотя отмазка была.... Да! Годков-то мне немного, а потому можно и шлангом прикинуться. Очень соблазнительно, кстати. С другой стороны, интересно же, что там в подарки приготовили.

— "А может собрать волю в кулак и унять любопытство, дождаться завтра? Всё одно подарят, куда денутся. А ведь мысль!" — Думал я, залезая в сани.

Поздновато что-то она пришла. Но за ней вылезла другая.

— Почему бы не покалядовать кого не предупредили, купчин каких. Точно! Выбрать двор побогаче и вломиться!

Такая мысль требует немедленной реализации!

— Эй хозяева, открывай ворота.

— Кто такие? Чаво надоть?

— Местные мы! Колядовать пришли!

— Ты хоть голос-то свой слышишь. Много вас таких по ночам шастает, с ножичком в рукаве. Пшёл вон, хозяин не велит открывать бродягам всяким.

— Мусульманин что ли?

— Сам ты...! Православный я!

— Ах ты ж.... такая! Нашей веры, а под Магометян прогибаешься!

И пошло поехало, и полетела ругань сквозь ворота. Оттуда слова добрые летели уже не из одних уст, да и с нашей, не только посыльный собачился и вот тут прозвучало сакраментальное.

— Бей татей!

И распахнулись ворота, и разверзлась твердь земная.... Примерно так написали бы в летописях, но в реальной жизни мы были не в Германии и отнюдь не факельное шествие проводили. Всё это к тому, что света звёзд и неполной луны не хватило разобраться кто есть кто. Повезло, что далеко от ворот был, да и численный перевес был за нами. Опять же, бог миловал, что только кулаками махали. Любили здесь это дело.

Так что разобрались не сразу. Попутно хозяину сделали косметический массаж лица кулаками и оздоравливающий по всему телу ногами, и не только ему. Тем, кто был в первых рядах, эту процедуру провели особенно тщательно. Нашим конечно же тоже досталось. Блин,

а интересно оказалось наблюдать со стороны за потасовкой. На этом экспромт закончился. Ну его такие приключения! Можно считать, что именно в этот вечер кулачные бои приобрели официальный статус увеселительных мероприятий. На самом деле указ появился позднее, но именно из этой истории у него ноги росли. В грамотке той прописали правил всяких, чтоб до душегубства не доходило да и не мухлевали бойцы. Составлял уже не я, а дьяки, но на Думе обсудили, поправили чего, да и узаконили. Всё какое-то разнообразие в развлечениях. Пока судились да рядились, родилась идея постройки Кулачной арены, хотя и совсем не такой, какой она, в итоге, вышла. Силы и грандиозности размысловой задумки, а по уверениям некоторых, нового чуда света.

Шатание, до глубокой ночи по гостям, не способствует раннему подъёму. Проспал все на свете и, с горем пополам, вылез из постели глубоко за полдень. Признаться, даже про строительство снежных крепостей забыл. Прохор напомнил, за что чуть не побит был Таисией.

Сначала накормить, потом всякая ерунда! Но слово было сказано. Про это даже в писании есть! И никакие причитания не помогли. На лицо была агония исполнительной власти. В очередной раз рушились основы. Великий князь не стал обедать!

Чуть пешком не удул, насилу успели сани подать. Тут уже столпы Руси едва не рухнули. Это же какое умаление государева достоинства. Словно простолюдин какой-то.

А вы что думали, не жизнь, а сплошное мучение. Подумаешь, здесь недалеко. Будто в каком халифате живу, всё регламентировано, для всего придуманы процедуры. Вот и сейчас образовалась процессия. Но убежать от еды мне не удалось. Эх, Таисия.... Её бы энергию, да в мирных целях. Пока я рвался в город, несколько человек были обвинены в измене, тут же оправданы, поскольку раскаялись в тяжести совершённых преступлений, задавлены ценными указаниями, нагружены едой и припасами.

Так что за нами выдвинулся целый обоз с опытными полевыми кухнями. Для войск они были не пригодны, слишком тяжёлые и неповоротливые, а вот для такого случая, оказались в самый раз. Между прочим, по моей мысли они должны были там оказаться с утра, но это же наша страна в конце-концов! Хоть так доехали.

До появления Великого князя, снежное строительство шло ни шатко не валко. Нет, про награды, народ, конечно, слышал, но сколько это, тут уж у кого какая фантазия. У москвичей, видать, с этим туго было. Боярам деваться было не куда, так что холопов понагнали, но толку от этого. Естественно рядились, кто будет командовать, пока ничего не вышло, а само по себе, оно ничего не делается. Лучше всего было у Венюкова. Кремлёвцев, за прошедшее время, научили Родину любить.

Да, полк был уже почти укомплектован, почитай тысяча человек на полном казённом содержании. Бардака в полку хватает, но это уже далеко не банда, а сила и серьёзная, успевшая, фактом своего существования, изменить отношение ко мне. Командиров набрали из Охранной стражи, тоже не фунт изюма. Так при "моём деде" называли личную гвардию Великого князя и самое мобильное и боеспособное подразделение. Иностранцев даже каких-то, но скорее консультантами. Так те проходимцев, по мне, больше напоминают. Но хоть теорию знают.

Да, Бельского я тогда удачно выпустил....

Его сторона, одержав верх в Думе, начала господствовать с умеренностью и благоразумием. Не было ни опал, ни гонения. Правительство стало попечительнее, усерднее

к общему благу. Злоупотребления власти уменьшились. Сменили некоторых худых Наместников, и Псковитяне освободились от насилий Князя Андрея Шуйского. Это если для народа, по сути, политических противников так мочили, но в отличие от Шуйских, вполне цивилизованно, без душегубства, однако, от этого не менее эффективно.

Честно говоря, даже обрадовался, по первости. Возник короткий период преобразований, нужных стране. Позднее его назовут началом Земской и Губной реформ. Они распространялись только на казённых землях. Ими признавались все, что не были вотчинами. На этих же землях вводилось судное право. Целовальники, или присяжные, избираемые гражданами, начали судить все уголовные дела независимо от Наместников, к великой досаде сих последних, лишенных тем способа беззаконствовать и наживаться.

А вот указы по военной реформе начали готовить без ведома Думы, но обойти её возможности не было. На удивление, их поддержали все. Ситуация, с полудобровольным началом в армии, не устраивала многих. По ней, в государстве Российском появятся Стрельцы. Получится ли что путнее из них, кроме меня естественно, никто не знал, а потому решено сформировать по два Московских их полка и Городовых Казаков. По мысли бояр, строить собирались по принципу пушкарей. Но когда уяснил суть, воспротивился. Хорошо помнил чем такая схема, в итоге, закончится.

Формировать будут теперь по-моему. Это станут профессиональные войска, наряду с Городовыми казаками, преобразованные по указу, в эдаких московских драгун. Оклад на самого нижнего чина назначался в 50 четей, оружие, порох, и форма выдавалась государем по нормам, а также прокорм. Пушкари преобразовываться будут постепенно, двумя способами. Появятся специальные их полки, а вторые будут придаваться формирующимся Стрельцам с 50 двухладонными орудиями, с прислугой, и городовым казакам, столько же одноладонных, соответственно, на конях.

Всё эти преобразования требовали средств и больших, но экономика государства Российского была порушена. Нужны выходы на внешние рынки и не через кучу посредников и приживал, что было сейчас. Через Балтику это не реализуемо. Неминуема Ливонская война, со всеми последствиями. Более менее спокойный путь через Архангельск, только это город, которого нет! Да и навигация на севере коротка, но есть идея, как это обойти. А потому и были заказаны новые, доселе не виданные на Руси, да и в мире, корабли.

И никаких послезнаний тут! Оказались и мастера, свои с богатым опытом, и верфи были. Да и рыболовецкий флот не слабый, а вот торговый, одно название и тот, только на Балтике....

— Это как хоть называется?!

— Великий князь спрашивает, как сей корабль называется?

— Большой коч, для промыслу на Груманте.

— Грумантский коч государь.

— Прохор, уймись. Чай не немчин принимаем во дворце! Сам буду говорить. Моя честь нисколько не умалится.

Сзади слышалось недовольное роптание. Честно, прибил бы уже каждого второго, из той толпы что со мной таскается. Слава богу, не в моей это власти, иначе обезглавил бы государство. Там и бояре и князья и иные видные люди знатных родов. Были мы, кстати, недалеко от Холмогор. И какая нелёгкая нас сюда занесла? Её роль исполнил Великий князь. Когда все формальности, с богомольем, были улажены, и пора было возвращаться в

Москву, поехали мы не туда. А всё почему? Я был бы не я, если не стал допытываться, откуда ноги растут у тех шаблонов плоскостей. Только выяснил вовсе не это, народ твёрдо стоял на том, что это просто совпадение.

А то, что у нас флот есть и не хухры-мухры, правда рыболовецкий и верфи и мастеров хватает. Да не просто так, на Ладоге верфи корабли строят для иноземных купцов. Иногда бывает и нашим, но то редко. Между прочим Когги строили, со всем такелажем, а значит то, что и все остальные известные на Руси народы. Никакого отставания в судостроении не наблюдалось вовсе.

Как же тогда строительство Петром I русского флота, чему мы учились за границей? Да просто всё! Никому до этого, флот военный не нужен был, да и тот, что он построил, стоял на приколе. Наклепали тогда линкоров, как при Сталине перед войной танков, а управлять, этими армадами, некому было. Так что не факт, что они доплыли бы хоть куда. Чисто на понт взяли. А настругать надо было быстро и чтобы выглядели как настоящие. Как говорится, догоним и перегоним!

Только толку от этого для страны, кроме убытков, не было, хотя престиж свой подняли и заявили себя на роль морской державы, но опять же, ничего с этого не поимели. Даже Шведов к прекращению войны склонили наши войска под Стокгольмом, а вот с долгами рассчитывались долго.

Так чего же туда не направился. Да всё просто, в Холмогорах строили корабли, своей, русской конструкции, но не чурались применять и иноземные придумки. Да и на дворе 16 век, артиллерийский флот экзотика, которая плавает, к тому же, плохо и так и норовит перевернуться. Учиться пока у иностранцев, по большому счёту и нечему, а всё известное, уже применяют. А вот что за диковинки здесь строят, посмотреть хотелось. Вид их оказался и правда экзотикой, но как выяснилось не без причины.

— Вот ты мне мастер скажи, почто у этого корабля нос не острый, а прямо не знаю, как и назвать, будто у деревянной ложки?

— Так это же Большой коч, а не ладья какая. Ему по студёному морю ходить.

— Ну, и чем это безобразие поможет?

— Эта придумка позволяет не разрезать воду, а как бы подминать её под корабль, а значит и первый лёд подламывается и не режет Набои. С острым носом на Белом море даже Коца с Порубнем не помогут. Потому его на малых кочах и ладьях и не ставят.

— Дорогой ты мой человечисце, объясника ты нам, что такое Набои и эта Коца с Порубнем.

— Так это особливые лиственничные доски, которыми корабль и обшивают. А последнее, это такая хитринка. Где лёд может его ударить, там вторым слоем набоев проходят, чтобы дольше служил и несчастья не случилось, да и заменить их проще. Оно на нём, как пояс на брюках. Без такого укрепления в наших краях делать нечего, ежели только по теплу плавать. Это и есть Коца. Порубень же, почитай тоже, только расколотыми брёвнами и изнутри, для жёсткости.

— Так, а дно плоское зачем?

— Так на Груманте без этого никак. На промысел выходят, почитай, на целый год, а то и более. Чтобы там перезимовать, корабли на берег вытаскивают, подальше от берега, иначе бурей унесёт. Потому и никаких избушек, чтобы легче его сделать. Да и борта раскидистые, не как на тех, что на Новую землю ходят, чтобы поболее с собой взять и ещё больше привести. Да и на ходкость почти не влияет, даже лучше при боковой волне, но всё же простой

Большой коч быстроходней.

— Постой, это как же, он же тяжелей?

— Так то корабль, а как нагрузят на грумантца, что борта чуть волн не касаются, так видно сразу разницу. Ведь деревьев у обоих по два, да и парусами одинаковы.

— Что за деревья такие?

— Так вон торчат.

— "Блин, мачты оказывается так называют!" А что за паруса к нему?

— Всякие. Какие надобны, такие и будут и обычные и на южный манер, треугольником, а можно и обеих сразу. На вкус, на цвет....

— Понятно.... Так получается обычные и этот коч по разному могут взять груз? А как команда?

— Команды одинаковые, так-то они не шибко разнятся. А вот груз берут сильно не так. Обычный то, в пудах, 40–60 возмёт, а грумантец, 50, а то и 80, почитай вдвое больше.

М-да, вот тебе и яйцеобразный корпус. Хотя что-то такое и наблюдалось, во всякое случае на том, что перед нами, но загадка решалась проще. Усиленный ледовый класс и никаких компромиссов. Людей на севере мало и природа сурова, чтобы ещё и по своему недомыслию жизнью рисковать. И до тоски всё не просто так и с бухты-барахты.

Я надолго замолчал, обдумывая всё услышанное, да и посмотреть было на что. Серьёзный кораблик, не Титаник, конечно, но и лодкой язык обозвать не повернётся. Длинной метров 20–30, точнее трудно сказать, а спрашивать неохота, на глаз, как раз по размеру двух-подъездного дома. Борта заметно седловатые, но даже в самом низком месте метра 4–5 высотой. На носу и заду, повыше двухэтажки будет. Тут меня смех чуть не разобрал, вот конкретно сейчас, кормы ещё не существует и вполне себе обходятся русскими словами. А потом не выдержал и стал веселиться, хотя окружающие не поняли, что со мной. А всё было просто, палубы тоже не существовало, а был пол. Но рассмешило меня не это, а как представил, что будут теперь парусники однополые, двуполые и т. д., сорвался.

— А больше корабль можно сделать?

— Ежели подобрать лиственницу повыше, для Колоды, то конечно да, но не шибко. Они, подобно соснам, высокими не бывают, как те, что на деревья идут.

— Так, а колода, что это такое.

— Так то главная деталь, идущая по дну корабля. Он весь от неё и строится. Какой она длинны, такой и корабль. Это только на ладье Корга её добавит.

— "Это он про что? Киль что ли описывает? Тогда последнее форштевень. Как же тяжко-то оказывается тут со знаниями из будущего. Слов пришельцев ещё нет, все говорят по-русски и не догадались, как при Петре I под иностранцев прогнуться, чтобы им удобней было, начисто вычеркнув свои собственные термины из речи моряков". А если за ним ещё один добавить?

— Вот где добавят, там корабль волной и сломает. Да и лишнее это. Если бы такую лиственницу и сыскали, это какой она толщины должна быть чтобы и деревья держать и несчастья не приключилось.

— Причём здесь это-то?

— Так ежели волна большая, она как гора здесь, на земле, и корабль, будто качели станет. Так он не забава какая, велик и тяжёл, а вся его крепость в Колоде. Всё на ней, и если не выдюжит, то всё. Останутся детки и жёны без кормильцев, как в глаза-то им смотреть потом.

— "М-да людей на Севере мало и почти все друг друга в лицо знаю. Вот и не будет мастер зазря рисковать". А ежели, для пробы, по моему заказу? Тут у берега поплавать, да посмотреть?

— Так то лучше ладью сделать.

— Да нет, мне охота сделать большой, чтобы не было таких ещё.

— Сделать можно, отчего же нет. Только неправильно.

— Постой, я хочу колоду из трёх брёвен сделать.

— Так это же, куда ж такой огромный?!

— Тоже мне мастер! Смотри!

Но возникла заминка. Нечем на снегу было чиркнуть. Но небольшая палочка нашлась быстро. Как нельзя, кстати, пришлось и плоское дно грумантца. На обычном корабле моя задумка не вышла бы.

— Так пустить их надо, не одно за другим, а рядом друг с дружкой. Чтобы средняя, наполовину свой длинны, выступала вперёд. Получится, что вот тут будет сразу три Колоды.

— Не знаю, не знаю. — Задумчиво протянул мастер.

— Не, не пойдёт, Копани не выдержат! — Наконец заявил он, оживившись.

— Это ещё что за звери?

— Нижняя часть Тагун. Как раз с Накурком им и будут.

Видимо, по моему лицу было видно, что понимания мне это не добавило.

— Ты почто при малолетнем государе материшься, ирод проклятый! — Решил вмешаться, в совсем запутавший меня разговор, Прохор.

— Постой, мастер сам объяснит, чего это он тут наговорил. — Защитил допрашиваемого я, иначе чувствую, обвинят в измене.

— Тагут на грумантце всё одно, что Упруги на обычном.

— Ты бы по-русски, что ли говорил? — Решил уточнить уже я, поскольку ничего всё равно не понял.

— Так это, навроде рёбер они!

Смутная догадка забрезжила и примерно стало понятно, о чём это он, правда всё равно не знал, как эти штуки называться будут или теперь нет. Совсем запутался. Вот конкретный случай, когда послезнание скорее вредило, чем помогало.

— Ну слава тебе Господи, разобрались! А вот ежели два задних бревна, ладно-ладно колоды, разнесём немного, а эти, как его, копани сделаем тоже из крепких брёвен.

— Нельзя, тогда гнёзда для них большие делать придётся, корабли не выдержит большой волны, переломится.

— Да не уж-то в конце концов не придумать чего, как их связать так, чтобы прочность не потерять?!

— Не знаю государь. Тут Тоху звать надо, вот он на выдумки горазд.

Естественно, за ним послали, хоть он и не далеко живёт, но на верфи его не привечают, задолбал всех с новшествами, так что некоторые его уже в юродивые записали. Ну, раз такое дело, решил я значит попасть на корабль, походить так сказать по полу. Надо привыкать уже к местным терминам, хотя так и подмывает назвать палубой. Вот незадача, никаких таких достойных Великого князя, средств подъёма не было.

Но не тут то было. По массе сопровождающих меня лиц прошло цунами. Не передать словами движущую силу, у одних, желания не ударить в грязь лицом, у других, проявить себя и быть замеченным государем. Великое слово, аврал и очковтирательство. Работа буквально

закипела и для меня любимого сделали люльку с векшами наверху. Местный аналог лифта. Вот не думал, что столько страху натерплюсь на этой штуковине. Высоты-то. Наконец, сильные руки сопровождающих, забравшихся туда ранее, помогли ступить на край, да, да бортов ещё тоже не существует. И только ступив на крепкие плахи пола, перевёл дух.

Тут, кстати, привели Тоху. Вид у него, надо сказать, был непрезентабельный. Если все местные выглядели вполне солидно, даже работники верфи, а уж про мастеров и владельца и речи нет, к нему же, как нельзя лучше подходила фраза "голь перекатная". Пока я, с важным видом, прохаживался по полу, ему грозили кулаками, что-то нашёптывали в ухо и, наконец, вытолкнули, как приговорённого на арену Колизея, на съедение разъярённым хищникам и потеху толпе. Лицо его приобрело, в итоге, вид до нельзя потерянный, а в глазах, кроме смертной тоски, ничего не осталось.

— Что, Тоха, сделаешь мне корабль, каких свет не видывал?

Надо сказать, после этой фразы потерянный вид приобрело не только его лицо, но ухмылку, на наглой роже Прохора, всё же заметил.

— Да ты не тушуйся, не тебе одному мою волю сполнять, однако придумывать как! А помогут тебе мои людишки, да и корабел наш тоже не откажется. Ведь так? — Вопрос задавал, пристально смотря последнему в глаза.

Да и не только я, так что хоть и заматались они у того в испуге, но....

— Истинный крест! — Рьяно проговорил он, перекрестившись и бросив шапку на пол.

Много тогда было сказано и обещано. Вот и строятся теперь три корабля для меня. Большой коч, грумантский и по типу последнего, великий, о трёх деревьях. Для него сделаны были специальные железные копани, не заменявшие основных, а служившие для жёсткой связки колод, и огромные бронзовые шурупы. В какие деньги это встало, я молчу, в ближайшее время, так чудить ни один купец не станет. Да даже первые два будут уникальны, набои там будут навроде привычной мне вагонки, сшиваются встык, а не в нахлёт, не зря же столько всяких штук для изготовления столов придумывалось, пусть и здесь пользу приносят. Правда, пока в один слой, но уже есть малый коч, обшитый в два, пиленой тонкой доской, перекрёстно между слоями. По отзывам, получилось даже крепче.

Удивительная конструкция, кстати, у этого кораблика. У него сразу 3 колоды, и это при относительно небольшой длине в 12–15 метров. Такая придумка позволяет команде вытаскивать его на лёд и как на санях, завалив его немного набок, дно-то почти плоское, доставлять его до чистой воды. А зачем три, а чтобы голова не болела, на правый или левый наклонится. Удивительно простое и практичное решение проблем рыбаков на севере. Вот и весь секрет незажимаемости льдами таких судов. И опять никакой пресловутой яйцеобразности корпусов. Кто вообще придумал это?! Проще надо быть.

Но до строительства торгового и тем более военного флота, пока, далеко. Однако всё это вскрыло, насколько всё плохо у меня с прогрессом. Вспоминаю, как совсем недавно сидел с бронзовым болтом и гайкой, самым обыкновенным, с резьбой на диаметре в полтора мизинца. Сбылась мечта идиота. И не было, почти, никакой моей заслуги в том, что они появились. Чистая смекалка и труд размыслов. Теперь, вот есть надежда, что лет через десять, пятнадцать у нас появится что-то похожее на нормальный станок.

Подумаешь резьба. А вы попробуйте её сделать, когда нет ничего похожего на привычное промышленное оборудование. Я хоть и технолог, но для меня эта была неразрешимая задача. Классическая ситуация, что появилось яйцо или курица? Ладно, с

плоскостями разобраться помогли, но вот шурупы, для кораблей, всё равно сделали вручную, пропилив пилами канавки, по сути, ювелирные изделия получились, по цене, так точно! И вот, наконец, резьба.

Порадовали конечно вести из Тулы, даже вот образец прислали. Не сидят, наказы мои исполняют. По местным меркам, промышленный гигант, 30 на 70 метров здание. Другого нет! Пожалуй уже и в мире! Первым собрали строгальный станок. Это и было началом. Почему его? Так кроме плоскостей, пока, ничего не умели делать, а тут только кривошиб, и, слава богу, что "ужасная" точность его изготовления компенсировалась наукой полученной в Болоозёрье.

Сейчас, уже есть токарный станок, с поводковым патроном и базовой плитой, на оси. Теперь, после получения резьбы, есть надежда на изготовление патрона, безцентровошлифовального станка, с регулировкой в широком диапазоне, а не под каждый диаметр своего, долбежного станка. Когда будут готовы стальные станины, будет и возможность изготовить и другие узлы для них, тоже из железа.

Зачем у меня безцентровошлифовальный станок. Без него не сделать нормальных ружейных и пушечных свёрл. Почему я так бьюсь за возможность регулировки? Так секрет-то прост! Цена на натуральный точильный камень, если делать, как до получения резьбы, всё государство разорить можно лишь затратами на него. А масштабы не те, чтобы всё на специализированном оборудовании делать.

Пушечное же сверло уникально тем, что базируется на самой обрабатываемой поверхности и имеет потрясающую жесткость. В результате отверстие получается идеально круглым и прямолинейным, что увеличивает точность орудий. При этом, для сверления, не нужно никакого особого оборудования. Наш случай, так что не удивительно моё стремление обязательно его делать и не по одной штучке, как сейчас, а другое будет отличаться, соответственно, про единые калибры можно забыть.

Паровикам пока места нет, да и не те они по факту. Почти всё производство работает от водных колёс. Применяются они только в Туле. Тот, что был на лесопилке, разобрали и перевезли в Устюжну-Железнопольскую. Там разворачивается второе в России место по производству железа и оружия.

Вроде лепота одна. Да всё не так уж здорово. Подшипников нет, потому все станки на бронзовых втулках. Только точность такого соединения аховая. Сделали мы несколько роликовых радиальных, но это скорее для самоуспокоения. Их производство не терпит кустарщины, а мы ей и занимаемся.

Вот и рвётся моя душа в Тулу, но приходится сидеть в Москве. В итоге, развлекаюсь строительством снежных крепостей.

— Прохор, кликни Михайло, что ли.

— Чего изволите государь?

— Ты мне ещё бухнись на колени, как по началу делал. Я те зачем главой "Кремлёвского полка" делал? Чего молчишь и глазами лупаешь, а Венюков?

— Дык, в чём я провинился?

— Почему солдаты в рваньё? Или денег не выдали на новую, лепую одежду для них. Всей Думой выбирали, какой ей быть и где она?

— Так сносят её тогда быстро, вот чтобы казне поменьше тратить, для сбережения деньги....

— Ты мне это брось! Хочешь сказать несподручно в ней строить, тогда чего молчал, когда решали, какой ей быть.

— Э....

— Тьфу. Вон, воеводы "от поля" не молчат, ежели что надо для войска, а ты чего как в рот воды набрал.

Если честно, кажется скоро всякое терпение кончится. Настолько сложно сдвигать что-то в новом направлении. Откуда эта одежда взялась, да просто, именно бардак и анархия с ней и вооружением толкнули на решительное законотворчество даже бояр. Иначе выглядело это не лучше, чем банда с большой дороги. Сколько усилий и вот результат.

А должно, шапка: Бархатная, с низким, плотным колпаком, о сколько копий из-за него сломали, бояре настаивали на высоком, я упёрся рогом и отстоял, что солдаты не скоморохи, и меховым околышем. Цвет колпака зависит от полка, и ничего удивительного в этом нет, как полки отличать издали ещё. Мех у рядовых стрельцов овчинный, мутон, как модно станет его обзывать, у начальных людей соболинный. Единственно, что выделили особо "Кремлёвцев". Верх колпака сделали каракулевым.

Верхний кафтан: Вполне привычного здесь вида, красный, застегивается справа налево на деревянные продолговатые застёжки. Петлицы чёрные, шнура с кистями по концам. Хотели сделать по цвету колпака, свой для каждого, но по моему настоянию появились шевроны на обеих рукавах с символами полков. Думаете зверей каких, а ага счаз, разных святых, а зверей добавили, чтобы не путаться и то по моему настоянию. Думаете медведей, волков там, держи карман шире, не в почете они, соболя, лисы.... Число рядов петлиц и пуговиц регламентируется по полкам. Воротник стойкой. По бокам на полах небольшие разрезы, застегивающиеся на три пуговицы с такими же петлицами. Длина кафтана немного выше щиколоток.

Такой же кафтан для холодного времени подбивался овчиной и имел меховой шалевый воротник, и такую же оторочку низа рукавов. Опять же, мне пришлось настаивать ввести кожаный кафтан с башлыком, по типу поморского Совика, так, что застёжки на нём остались, а петлицы и отделка исчезла. В сырую погоду, особенно осенью, я просто не представляю, как в суконных, они должны были служить.

Кафтан подпоясывается матерчатым кушаком из цветной ткани (по полкам). Тут я не стал настаивать, только для начальных людей настоял использовать их же, пытались ввести вышивку и отделку. Перчатки коричневой кожи с мягкими крагами. К тому же, не без моего участия, появились погоны, пока без всяких обозначений, а командирам полагалась золотая оторочка по краям.

Зипун: Надевается под кафтан. Имеет цвет одинаковый с кафтаном. Застегивается на такие же пуговицы. Без воротника. Длина выше колен.

Штаны (Порты): Прямого покроя, длиной до щиколоток, пытались сделать короче, до икр, типа бриджей, в целях экономии, честно, надоела такая мелочность, хоть и выходит серьёзное удешевление, на большом числе. Цвет не регламентируется. Украшения запрещены.

Сапоги: Кожаные, цвета, присвоенного данному полку, с каблуками. Высота, до колен.

Для городских казаков кафтаны и зипун укорочены, к тому же добавлены тёплые шерстяные штаны.

Ведь всех одели, а дошло до дела, вот и результат. Вопрос даже ко мне самому, куда я до этого глядел?

— Мог ведь сказать, что для таких вот дел, да обучения, пошитая не пригодится, иначе снашиваться будет быстро. Так попроще чего придумали бы. Ведь так? — С последним вопросом я обратился к подоспевшим боярам.

Утвердительное гудение было мне ответом.

— Вот! А почему кухни, всё ещё стоят? Почто гуща и чай не раздаётся строителям?

— Сейчас всё исполним! — Засуетился уже Прохор.

— Стоять! Объявить по всей площади, что победившие строители отобедают с великокняжеского стола и получают в награду по пятаку. Голова же, получит стол с лавками, особые, для меня выделанные.

О как! И от еды избавился и награда куда как щедрая, на следующий год, думаю активнее праздновать будут.

— Ещё, служек невёрстанных накормить, здесь со всеми, ежели сами не дотумкают. Мастера, самую лепую фигуру из снега или льда сделавших, наградить половиной рубля.

Опять остановился, задумавшись, но ничего, больнее умного, в голову не лезло.

— Всё Прохор, исполняй. Теперь к тебе Михайло Венюков. Быстро сюда на площадь всех кто ещё не здесь, но чтобы по форме, люди должны видеть лучшее, эти пусть останутся так, нечего стройку бросать.

Когда наконец стали выбегать кремлёвцы, одетые как положено, а не только те что в охране, свита одобрительно загудела. Действительно, по местным меркам полки одели знатно. А уж эти были, что называется, на зависть.

Вот у стрельцов, из оружия только палаши и бердыши. Всё вооружение идёт в Кремлёвский полк. Это и пищали и даже по пистолету каждому. Правда меня смущали пороховницы. Солдаты в них напоминали шаманов, всё в разных висюльках, но весьма, по этим временам, функционально и значит примерно тоже, что и разгрузки, там в будущем.

Да уж, поломали голову, по единым калибрам. Для пистолетов, карабинов, только здесь они зовутся казачками, и пищалей, стал диаметр в 1,5 мизинца. Это очень важно. Тут, стрелковое оружие имеет калибры от 2 до 3,5 мизинцев. Кто во что горазд. Пули каждый сам себе льёт. Хоть гранатомёты делай, а толку, только расход пороха. Это решение получилось сразу удачным, с остальным не всё гладко вышло.

Ещё для стрельцов решили делать ручницы, в 4 мизинца, стреляющая с переносного станка картечью. На один станок несколько, учитывая скорость их перезарядки, этого хватит. Фактически, пехота должна была получить лёгкую артиллерию.

Для артиллерии выбрано три калибра в одну ладонь, в две ладони, и в три ладони. Первый калибр, для подвижной лёгкой артиллерии для конницы. Второй для серьёзного воздействия на укрепления противника, при поддержке пехоты. Третий, для осадных орудий и мортир. С анархией имеющейся сейчас нужно кончать. Про второй казанский поход "Грозного", я с уроков истории хорошо запомнил её результат. Да и сверхорудия не для нас. Понты одни.

Только проблемы с ручницами всплыли быстро. Заряди мелкой дробью и даже стёганный кафтан не пробить. Крупной, просто много не засыпать. Получилось оружие ближнего боя. Для обороны городов и крепостей, в самый раз, а даже для гуляй города и защиты пушкарей, и для линейных частей, бесполезна. Хоть на что-то годна. Пришлось пересматривать штат приданных пушек, да и все планы производства. Стрельцам вместо 50 двухлодонок придавались теперь 30 однолодонок и 30 двухлодонок.

Городовым казакам повезло больше. Им, кроме сабель, дают и пистолеты, по два на

бойца. Карабинов для них пока нет, как и пищалей для стрельцов. Да и с пушками угадали по калибру. Только и там не сразу всё срослось. Воеводы "от поля", вот кому даже лысый чёрт не страшен, ткнули меня носом в проблемы, о которых я и не задумывался. Не будь я Великим Князем, чую, без крепкого словца не обошлось бы. Лошади. Вот вопрос вопросов. Те, что были, так себе. Хороших, можно купить, только, у Ногайцев. Несмотря на огромные царские конюшни, своих не было. Встал ребром вопрос создания своих конезаводов. Кому поручить? Кадры решают всё. Никуда от этого не деться.

Да, чуть не забыл, другим указом вводилось новое войско для Руси, Казачье. В это время так называли вольных, нетяглых людей, большей частью из безземельных батраков. По указу войско формировалось на основе возложения на них, бдения и стражи пограничья. Им выделялись государевы земли в личное пользование, и они не облагались налогом, но за это несли воинскую повинность. Собственно, этим указом вводилась в правовое русло казачья вольница, существовавшая уже кое-где. Не можешь возглавить поток, направь его в нужное русло. Тут их пока ещё не было, но появилась в указах боевая единица: "Атаманский полк".

Преобразовывали и даточное войско. Теперь в его основу поставлен призыв мужей 20 лет от роду на три лета. Старшие и единственные уцелевшие сыновья не призываются. Когда прикинули, сколько должны были, тоже решили вводить постепенно. Со временем эти войска заменят всё поместное. К сожалению, для них, в ближайшее время, огнестрельного оружия не планируется. Нет ни производственной возможности, но самое главное пороха.

Вот в попытках решить, как содержать всю эту ораву и родилась идея посевного комплекса. Именно! Под тягловое усилие лошади. Шириной всего в шесть ладоней, но это ого какие возможности. Одно крестьянское хозяйство, с его помощью, весной, может засеять до 120 десятин, а если взять и озимые и пары, то под обработку попадает до 200 десятин. Ух! Только дорог он и никто купить его, кроме крупных вотчинников не сможет.

Та же история и с обычной жаткой и очёсывающей. Последняя всем хороша, но не может вообще убирать горох и довольно плохо у неё с рожью. Вот и приходится делать две на конный привод. Сделали и барабанную молотилку, и веялку.

Пока на сторону продавать эти изделия не стану. Вот и будут даточные части заниматься возделыванием земли, а подготовка по возможности. Этакое временное решение с дармовой рабочей силой. Себя прокормят так и стрельцов с городовыми казаками, да и издержки на обмундирование и оружие, хоть частично.

Мысли обо всём этом перетекли на отношение с окружением. Согласие со стороной Бельского продлилось не долго. Мне предложили освободить из темницы семейства удельного князя Андрея Ивановича. Только к этому времени полк охраны уже был. Серьёзно пришлось заниматься и слугами. Многие попали на правёж, прежде чем все уяснили, кто в Кремле хозяин.

Это серьёзно напрягло обстановку, но и он, и его сторонники не решились усугублять, в условиях вражды с далеко не побеждёнными противниками. Сильнее их, это бы не сделало. Великий князь вырослел и никому не хотелось попасть в опалу, когда стану полноправным хозяином земли русской.

Возникло затишье перед бурей. Я знал, что один из Шуйских был последним из воевод вольного города Новгород. Те ещё сепаратисты. Эта гремучая смесь долго бродить не будет.

В сентябре ездил в Троице-Сергиев монастырь. Взял собой множество Детей Боярских. Посмотрел на них внимательней. За государя они пойдут. Измены в них не видно. Но, сходящими под вотчинниками надо поосторожней.

На чью сторону встанут поместные войска и в каком количестве, вопрос, перейди схватка в открытую. Это пока самая серьёзная сила. Против Великого Князя, скорее всего не пойдут, но своих сил, в которых уверен на сто процентов, только Кремлёвский полк. Стрельцы и Городовые Казаки пока слабы, хотя в ближайшем времени способны стать серьёзной силой. В итоге нужно лавировать и стараться не доводить до противостояния, но не в принципиальных вопросах.

Военные всех времён и народов, наверное, не сильно отличаются друг от друга. Во всяком случае, в подходе к строительству. Никаких тебе изысков, зато крепко и надёжно. Да и остальные команды, в этом вопросе, не слишком выделились, но парадокс, когда бояре наконец определились, кто у них главный, то считай догнали кремлёвцев. Однако, времени им всё же не хватило. У москвичей совсем всё скисло, пробегали за дармовой едой, что тоже не удивительно, не самые обеспеченные граждане работали, а награда, она выгорит или нет, не известно.

Всё же, именно у них оказались мастера снежных и ледяных фигур, так что этот приз ушёл одному из плотников. Он был действительно царским, так что мастер не знал, толи плакать, толи радоваться, но бухнуться на колени не забыл одновременно восхваляя мою щедрость. Думаю на следующий год количество участников будет куда как больше.

Сейчас же мы стояли на широченной и укреплённой льдом, с внешней стороны, стене кремлёвской крепости. Надо сказать, она напоминала скорее сооружение индейцев Майя, зато такую разбить разве что пушками. И как я сказал, без всяких украшений. Сурово и практично, хоть сейчас держи оборону.

— Победителем нарекаю кремлёвцев, под предводительством Михайло Венюкова. — Проговорил я тихо.

— - Совсем уже не тихо и на свой лад, проорал глашатай, отчего сразу схлопотал в ухо от сопровождающих меня лиц.

Достаточно оказалось моего взгляда на него, с удивлённо поднятой бровью. Меры по обеспечению правопорядка приняты мгновенно, и никакого вам ущемления свободы слова. Ежели указ не написан, ещё, это не значит, что его можно трактовать. Нет за мной на лету никто ничего не фиксирует, но очень внимательно слушают, а опосля, чернилами бумагу-то измарают.

— Второе место за боярской крепость, за что их голова тоже получит приз, да не абы что, а шкаф резной под кафтаны с великокняжеским гербом на дверцах. — Продолжил, наконец, я.

—!

— Москвичи же огорчили меня совсем. Ведь есть мастера, и могли построить на загляденье, а потому ничего им за это не положено.

—!

— На следующее Рождество, строить будем заново, но голова победившей стороны более командовать не будет никогда. Однако, сие деяние будет отмечено особо и на то выдана грамота, за моей печатью.

—!

— Кремлёвский полк сегодня порадовал нас. А это просто так нельзя оставить. Но награда будет всему русскому воинству.

—!

— Отныне и вовеки веков армия будет ходить под красным великокняжеским флагом. А вот тут возникла заминка. Нет глашатай прокричал как положено, но вот остальные

впали в ступор. Было от чего. К вашему сведению, в стране было всего два флага, и оба великокняжеские, один красный, другой белый. Парадокс, не правда ли, в Гражданскую, обе стороны воевали под цветами Рюриковичей. Однако, была и особенность, на обоих, посреди, вышит золотом православный крест. И такая ситуация не случайность. Флаг, здесь, это символ власти. А власть в государстве Российском, только у одного человека. Потому у Романовых и не было долго своего, никто они были и звать их никак, вот и придумывали немцы им новые.

— Полки же, к стягам, получают по такому же, но в правом верхнем углу добавляют святого с него, а кроме того своё название.

— !

— Но получают не просто так, а чтобы знали все, от чьего имени выступает войско. Отныне, полки несут мою волю и нашу "правду"!

— !

По мере осознания новости, началось брожение.

— Но ежели сдадут врагу его, упаси боже, то полк такой распустят, а всех дворян из него, лишат титула.

— !

А вот это взорвало ситуацию в окружении. И недоумённое, "Это как же?!", не раз донеслось до меня с разных сторон.

Пришлось обращаться уже не ко всем.

— Вы что это, измену задумали, врагу сдать, Русь предать?!

—?! — Повторил на автомате глашатай.

Такой гробовой тишины, давно не слышал, только снег хрустел под ногами переминающегося окружения.

— Но ежели пали в бою но его сохранили, значит такой полк подлежит восстановлению, с прежним названием, а все герои, поимённо, будут записаны в книгу памяти.

— А, ну тогда понятно. — Загудели со сторон.

Мысль-то была правильной, только исполнили её все по-своему. Попросту, флаги на поле брани не стали брать и даже опалы не помогли. В конце концов, это и узаконили, и над полками стали развеваться простые красные. Их же, в итоге, разрешили вывешивать и носить с собой любому, кто считает себя подданным Великого Князя Московского, заодно, обозначать принадлежность таковых земель.

— И вообще, чего стоим, проголодался я чего-то! Прохор, тебя зачем Таисия едой нагрозила. Совсем распустился. Великий Князь Московский и Всея Руси весь день голодом ходит!

— Не вели казнить!

— Знаю, не виноватый ты! Хватит уже! Смотри, вокруг пируют, а мы стоим! Давай уже шевелись!

Раз приказ поступил исполнение не заставило долго ждать. Для меня и бояр столы быстро поставили и начался наконец пир, под открытым небом. Великокняжеских яств перепало и победителям, а как же, обещал. Благо морозец был некрепкий, а чай горячий, но продлилось это недолго, зимой темнеет рано. И скоморохи выступали и музыка была, даже кулачные бои и те случились. Потом ещё пару седмиц бы обсуждали, но случилась уже другая история, затмившая всё.

А пока, мы пошли домой, м-да, ишь оно как, о себе уже во множественном числе заговорил. Да и бог с ним! В конце-концов, тут так принято. Мысли лениво потекли к воспоминаниям. Действительно, год выдался богатый на события.

Хан Сагиб-Гирей собрал очередной большой поход на Москву. Его "кош" прошёл два рубежа обороны и дошёл до Окской линии, но и только. Да собственно, его бы там и не остановили, они рассчитаны на мелкие набег, а тут.... Войско крымское было числом, более 100000 человек. С ними были и турецкие воины с пушками и пищалями. Вот и эти у нас отметились. По рассказам воевод, вообще не понятно, как они Священную Римскую Империю гоняют и в хвост и в гриву. Пушки, против наших, чистый смех. Сами они, вояки тоже некудышние. Может, нам не тех подсунули. Одно хорошо, наши полки успели прикрыть весь "берег".

Этот поход Сагиб-Гирея не затронул Тулу. Больше всего переживал, что доберутся басурмане и будет мне рывок в светлое вчера. После рождества надо ехать, смотреть, чего в сём граде наделали. Я там, конечно, не был и сужу только по рассказам а это, как говаривал один мой знакомый: "Не есть гут!".

Первая попытка штурма была отбита передовым полком. Им оказался один из стрелецких. Ночью к месту сражения подтянулись и основные силы с орудиями. На этом, собственно, боевые действия закончились. Как только хан прознал про них, крымчаки рванули в бега. Они сюда лезли полон брать, а не костями землю русскую удобрять.

Следом, устремились со своей конницей "легкие воеводы", в том числе и Городовые казаки. По своей мобильности, они как раз для этого дела подходили. Отставших татар нещадно уничтожали. Некоторых бывало и живьём брали. Преследование шло до самого Дона, но решительных результатов оно не дало. Подвижных сил у нас было недостаточно.

Война на юге это совсем не та война, что на западе и севере. Пограничные войны с крымскими татарами требовали быстрых перемещений полков, обходных маневров, дерзких рейдов "легких воевод" наперерез отступавшим ордынцам, упорной обороны приграничных крепостей и "перелазов" через реки, организации разведки. Все это требует инициативности и решительности. Воеводы "от поля" были опытными и искусными полководцами. Другие там не выживали.

Собственно, эти события заставили меня обратить внимание на своих командиров. Не смогут иностранцы научить так, воевать. Только сгубят вверенные полки, хотя польза от наведения порядка и тренировки строя заметна, но как говорил, на должностях консультантов. Тем более, что воеводы "от поля" уловили пользу от этих мероприятий. Вот и командиров где брать нашёл. Да и ходят они не под вотчинными боярами. Столичные порядки, жираф большой, ему видней, им претят. Побольше прав только дать надо, а там и сильные полководцы из их рядов выйдут.

А всё порочная система "родовитости". При ней, не важно, кто ты, главное кем были твои предки. Пускай, ты туп как пробка, но если они как-то отметились, всё, почёт тебе и уважение. Появилось это не на пустом месте и неразрывно завязано на опору Москвы, на военную элиту. Но есть много но. Раньше, когда бояре могли выбирать, кому служить, было всё хорошо. Сейчас выбирать не из кого. Вот и начали они задумываться, о том, чтобы выбирать себе царя, по вкусу. Литва пошла по этому пути, чем это закончилось, известно. Тем более, по их понятиям, выбирать должны родовитые, а не лучшие. Будь ты хоть трижды великим полководцем, а если ты не из знатного рода, иди, как говорится, поспи.

Честно, даже краткое командование воеводами "от поля" сказалось весьма

впечатляюще. Первое, что они начали заставлять делать тех же стрельцов, это совершать длительные изнуряющие марш-броски. По 100 вёрст и более. А в версте 1000 мер или 500 казённых саженой. Быть готовыми принять бой в любой момент. Быстро разворачивать гуляй город и многое другое.

Это, кстати, натолкнуло на мысль о создании размысловых полков, инженерных частей по сути. Форсирование водных преград, осад крепостей никто не отменял, а пока, специально, такими делами никто не занимался. Вот один такой и учредили, и естественно в Подмоскovie.

Пару годков такой подготовки и этим полкам сам чёрт не страшен будет. Я даже на радостях, протолкнул решение о формировании ещё по одному и Стрельцов, и Городовых Казаков. Шесть тысяч таких бойцов, это уже серьёзная сила. А приплюсуйте Охранную стражу. Вот так вокруг Москвы сформировалась весьма внушительная, по нынешним меркам, группировка. И что самое важное, готовая выступить сразу.

Пронск, правда осадили, но преследуемые нашими войсками бросили это занятие быстро. Связи с этим походом всплыла фамилия Воротынский. Что-то смутное мелькнуло. Только где я слышал эту фамилию, убей не помню?! Стоит к нему присмотреться. Так вот, этот князь разбил Царевича Иминя, который было остановился для грабежа в Одоевском уезде.

Я как-то привык, что моя страна большая и на нас не нападают все, кому не лень. Здесь же.... Много слов и только матерные! С этим надо заканчивать. В таких условиях развиваться не возможно! Страна ведёт войны по всему периметру границ. Нет стран в Северном Ледовитом океане. А то и от туда бы лезли.

В первую очередь надо крошить, растирать в порошок, развеивать по ветру и т. д и т. п. Казань. Большую орду разбили предки, спасибо им большое. Навели шороху они и в Сибири. Но по большей части проблемы южных границ не решены. Само существование Казанского и Крымского ханства не совместимо с нами. Ещё и Ногайцев нагибать нужно. Так что покой нам только снится!

— Ну кого принесла нелёгкая? — Пробормотал я сквозь сон.

— "Блин да кто посмеет вообще входить ко мне в опочивальню в это время? Неужели что-то случилось?"

Последняя мысль заставила резко проснуться, открыть глаза и оглядеться. Стояла тишина, и хоть света от маленькой масляной лампадки мало, всё же был не слеп и видел, что никого вокруг не было. Хорошая штука всё-таки, а-то бывало встанешь по нужде, а вокруг хоть глаз выколи, мало что ночь, ещё и ставни закрыты, приходилось кричать, звать слуг со свечами. Да и вообще при посторонних делать это не очень приятно, и ширма не помощник. Вот и пришлось её "изобретать".

Нет, нечто подобное применяют почти во всех домах черносотщев, Но применяют в них в основном твёрдый жир, да и слеplены они из глины. Великим Князьям использовать такое неуместно, чай не нищие и на свечи уж Казна потратиться может, тем более берут их налогом. Не может она гореть всю ночь, это сначала так думал, но мне продемонстрировали как я неправ, однако в конце концов дело принципа: "изобрести"!

Вы думаете всё так просто? Ага счас! То, что для этого дела пригодно растительное масло, конечно не секрет, для меня, одна проблема, есть только дорогущее оливковое, да льняное, по секретной новгородской технологии. Это она такой была, пока мне не понадобилась. Только такое масло само было нарасхват, не так и много его было, а краски,

лаки, олифа нужны были всем. Так что в дело пошли семена конопли. Выяснилось, чем севернее она росла, тем меньше масло коптило. Попробовали её и как замену льняного, но как мне и говорили, получалось значительно хуже, а вот если мешать. Но это не нашло своего применения.

Дешёвая альтернатива свечам, да и как оказалась более удобная, в некоторых случаях, поставила на этом крест. Правда пресс для отжима, штукой оказался дорогой, потому как делался вручную и почти по "ювелирной" технологии. Вот и секрет не распространённости растительного масла. Это вам не оливы, придавил камнями и пойдёт. Опять мне головная боль, наделать их дешёвыми. Тут бы с тем, что есть разобраться.

—! — От неожиданности лёгких постукиваний по телу даже сматерился.

— Так вот кто меня будит! Мурка, ты чего? — Проговорил я вслух, сообразив, это она по мне бьёт легонько передней лапкой.

Поняв, что добилась своего, соскочила с постели и немного пробежав, оглянувшись, с неммым укором в глазах: "Ну ты чего? Пошли. Видишь я тебя зову". Так она делала только в одном случае, если в палатах были чужие. Как она догадалась, что я здесь главный, и если чего, то надо звать меня. Всегда опасалась за своих котят и незнакомые её пугали неизвестностью. В общем, к этому вопросу подходила по принципу: "Лучше перебдеть!".

— Кто бы это мог быть? — Задал вслух самому себе, вопрос.

Вопрос не праздный. Вдруг решили устроить апокалипсический удар. Последняя мысль мне не понравилась и заставила поёжиться.

— Да нет, не может быть, кругом охрана. — Проговорил, успокаивая себя.

Вот лучше бы не вспоминал про них! После рождества прошла всего неделя, но я так и не успел уехать в Тулу, по причине того, что распустил почти всех командиров по домам. Они же тоже люди и тем более у многих поместья в Подмосковье.

— "Точно, Прохор же остался, он сейчас ими командует, князь, какой никакой".

Эта мысль, наконец, позволила успокоиться. Но проверить всё же решил. Одна проблема, не в ночной же рубахе выходить.

— Позвать что ли кого, пусть оденут?

Но Мурка настойчиво звала. Решил, всё же пусть так, кто мне что скажет, лишь бы Таисия не увидела, опять причитать начнёт. И зачем я везде дырок приказал наделать, теперь вот даже кошка спать не даёт, и нет ей дела, что самого Великого Князя Московского и всея Руси гоняет. Только в следующей комнате стало слышно какое-то бурчание за одной из дверей. На совесть всё сделано, не китайские фанерки. Звук шёл из прихожей. Раз он есть, то кто-то его и производит, вот потому решительно направился туда.

— "Писец котёнку! За мной пришли!" — С этой мыслью сердце упало в пятки.

Шум исходил от вооружённых людей, а так называемая охрана старалась вжаться в стену.

— Вы что творите ироды?! Государя разбудили, ещё и напугали железяками! А ну пошли вон!

От вопля Таисии сердце совсем упало в пятки, а в глазах потемнело.

— А вы чего стоите, к стенке жмётесь? Быстро выпроводили "гостей" из великокняжеских палат.

Это уже заорал Прохор на моих трусливых защитничков, прости Господи. Хотя чего я на них так, они из простого люду, а тут явно "дети боярские", вот и струхнули. Не вдолбили им ещё, что только Государь тут главный, а все остальные, даже князья, мои слуги. И это не

шутка или унижение. Это реальность. Такой способ с раннего детства привязать Великого Князя к нужному окружению. Так что сплошь молодые князья и бояре мне прислуживают.

Надо вдалбливать в пустые головы кремлёвцев простую истину, что пока они служат в этом полку, то находятся под защитой государя, а значит выше всяких там князей, "княжат" и тем более "детей боярских". Но эта мысль пришла позже, а пока меня от страха переклинило. Одно дело думать, а другое, вот так столкнуться. Хотя как им объяснить, если сам только от намёка перепугался.

— Это что такое, а ну быстро одеть государя! — Выдала ЦУ Таисия кому-то.

Началась круговерть и суета, а вои действительно ушли. У меня же начался адреналиновый откат.

— Дура! Не видишь, перепугали его! — И с этими словами Прохор подхватил совсем не тяжёлое тело Великого Князя и понёс в опочивальню.

— А ну поставь на пол! — Возмутился я, наконец, отойдя от ступора.

Приказ есть приказ, так что его исполнили, но и одеть толком не одели, только кафтан.

— Это кто был?

— Да, кто? — Продублировал мой вопрос Прохор солдатам.

— Дети боярские, людишки Ивана Шуйского.

— И чего им здесь надо было? — Это уже я встрял.

— Так за Петром Щенятьевым гнались.

— А он-то тут чего забыл?

— Говорил Шуйский Власть взад вертает. Сам вроде тоже в Москве.

— То есть?! Он же во Владимире должен находиться, поход ведь на Казань готовить!

— Заговор, как есть заговор! — Встрял один из моих постельничьих, Сашка Адашев.

Да, на Александра Фёдоровича он не тянул, но умён, немало мы побеседовали. Жаль науками не интересуется, чистый управленец, по складу ума, настоящий, в отличие от всяких рыжих. Да войско его увлекает. Так такое тут у всех, мужского полу. Не удивительно, все дворяне обязаны служить, он же из родственников Захарьина, а это Старо-московские бояре.

Принадлежность к их рядам многого стоит. Именно они сделали Москву тем, чем она стала, не предали, как в других княжествах, до последнего сражались. Потому-то "пришлые" князья, мои родственники в той или иной степени, в своё время разорвавшие на куски Киевскую Русь, так ревностно к ним относятся. Да, серьёзный они противовес, желающим взойти на трон, хотя и сами не лишены амбиций и рвутся к власти. Романовы, кстати, тоже из них вышли. Иначе как так близко к моему телу оказался такой их сродственничек.

— Чего предлагаешь?

— Скрутить их всех! — Единым духом выпалил он, а глаза загорелись.

— "Молод, но дерзок. Может и правда?" — Подумал, а потом вслух спросил, махнув головой в сторону солдат: "С этими что ли?".

— Да! Это они без начальных людей струхнули!

— Ну и где их взять?! — И сам поразился глупости вопроса.

Да вокруг, любого ставь, их всех воспитывали командовать.

— Прохор, ты у нас командир теперь, вот и ставь в начальные люди челядь, и повязать всех кто в Кремль пришёл без моего дозволения. Да высылай гонцов и к Стрельцам и к Городовым казакам, пусть выступают к окраинам, а мы пока разберёмся, что тут происходит и решим, чего дальше делать!

Ночь у катов выдалась тяжёлая. Выяснялись имена всех причастных. Не сразу мне

рассказали в подробностях, о происходящем, но на удивление в Кремле оказалось множество заговорщиков. Совсем оборзели. Кремлёвский полк был даже числом поболее. Так что скрутили их быстро. А сейчас вот Адашев выступал с докладом. Вот ведь ушлый, почуял волну и старался оседлать, когда ещё так удача повернётся.

— В заговоре учувствовали князя Михайла и Иван Кубенские, князь Димитрий Палецкий, казначей Иван Третьяков, с ними княжата, дворяне и дети боярские многие и новгородцы Великого Новгорода — всем городом.

— Прямо таки всем?! — Решил уточнить, не ослышался ли я.

— Истинный крест!

Да, не любят их здесь, ох как не любят, они тоже, конечно, не ангелы. Не думаю что прям все, поголовно, заговорщики, подозреваю, большинство и не в курсе. Но такие мелочи тут никому не интересны, ежели сказали под пытками, значит, так оно и есть!

— Шуйский, находясь с полками во Владимире, чтобы идти на Казань, обещаниями и ласками умножил число своих единомышленников в войске; взял с них тайную присягу, дал знать Московским клевретам, что время приступить к делу, и послал к ним из Владимира с сыном, Князем Петром, триста надежных всадников. — Продолжил Александр Фёдорович.

Это я так его уже мысленно окрестил, а что, заслужил!

— Значит вон, откуда у них людишки. И что, они слушались его сына?

— С ним был Иван Большой Шереметьев.

— "А вот в это больше поверю". — Подумал, но вслух ничего не сказал.

— Московские заговорщики назначали Ивану Шуйскому и его советникам срок — 3 января 1542 года, чтоб прибыть в этот день в Москву из Владимира. Ночью он и приехал к ним без приказанья великокняжеского.

— Кокой же это тогда был бы заговор, ежели с моего позволения!

— Истинно так!

— Сам знаю. Ты давай продолжай.

— Заговорщики схватили Князя Ивана Бельского в его доме и вроде посадили в темницу. Окружили Митрополитовы келии, бросали камнями в окна и едва не умертвили Иоасафа, который бежал от них на Троицкое подворье. Их-то мы и повязали. Некоторые ушли, шустрые сволочи.

— А почему ворота не перекрыли?

— Не успели! Ну чисто волки, опасность почуяли и в бега!

— А сейчас, не хватало нам их тут.

— Мышь не проскочит!

— Значит Шуйский уже в курсе, что не всё ладно. Быстро гонцов к полкам, для начала все улицы очистить, а там мы уж с каждым разберёмся, почему они с оружием по ночам в великокняжеский терем ломаются.

Бельского было немного жаль, но ведь говорил ему, чтобы не лез он на рожон с князем Владимиром Старицким. Кто меня только слушал?! Доигрался. Всё думал, так сторонников наберёт. Правда, пока мне было не до сантиментов.

— Повелеваю, скрутить и тех и тех. Надоели они уже мне со своими заговорами!

Эта ночь Москве запомнится надолго. Первыми в город вошли, вернее, въехали городовые казаки. Собственно, они и разгромили заговорщиков. Тут, очень хорошо показали себя пистолеты, выданные им. В коротких схватках на близкой дистанции, в сабельном бою они давали громадный эффект. Надо сказать, что у некоторых сторонников Шуйского, они

тоже были. Так что потери были с обеих сторон. В пылу схватки не все сразу поняли, что заговор превратился в мятеж.

За казаками вошли стрельцы. Они уже не сражались, а врывались к уже известным и хватали. Страх пришёл во дворы бояр. Под пытками могли ведь и оговорить, или так, из мести, но нагадить. Утро пришло в город необычно поздно. Не сразу городская жизнь вошла в привычное русло, а москвичи поняли, что всё, буря миновала.

Китай-город, как перед этим Кремль, чистил Кремлёвский полк. Эти вообще ни с кем не церемонились. Хоть чёрт хоть ладан. Оторвались они знатно. Тем более, что приказал своим воеводам привести бояр из Думы, не причастных напрямую к событиям. Абсолютно честных, тут не водилось. По тому, какими их втаскивали бледными, понял, что перестарался, не уточнив, как это делать надо. Они-то сердешные уже и к смерти готовились. Ну, ничего активней работать будут.

К утру с заговорщиками и противной им стороной было покончено, вот тут и закипело! Казнили их быстро. Кому-то отрубили голову, а кого посадили в тюрьму. Князей Андрея и Фёдора Шуйских велел казнить. Бельского и его сторонников просто выслали в поместья.

Ивана Шуйского привели ко мне в палаты. Смотрел он на меня угрюмо, исподлобья, явно не ожидая ничего хорошего.

— Князь, князь. Ты чего творишь? Зачем тебя во Владимир направили? Что молчишь? Казань воевать тебя направили, а ты смуту учинил!

В ответ раздавалось, лишь угрюмое сопение.

— Помилую я тебя, но вотчин лишу, пока. Возвращайся во Владимир. Про поход на Казань будем думать с боярами. Проявишь себя, не предашь, награжу.

Пролился целый дождь указов. По ним реформы распространялись на всю Русь. Уделы ликвидировались полностью все и преобразовывались в имения. Более того княжеский титул, теперь наследуется только одним наследником, по выбору самого князя или если таковой не сделан, старший в независимости от пола.

Остальные смогут его получить только в случае, если из основного имения можно выделить не менее 1000 десятин земли, причём остаться должно больше. Титул им переходил с таким наследством. Остальные получают наследуемое дворянство и соответствующее поместье, за службу. Нищие князья нам не нужны!

Кому не пофартило и не хотят тянуть воинскую лямку, станут "княжатами", без права на поместье. Вот так узаконился и этот титул. Вроде и выше обычных дворян, но не шибко-то. Правда была лазейка, за заслуги перед государем им могли вернуть полный титул и соответствующее поместье, как награда.

Ликвидировались и вотчины и так же, как и уделы становились поместьями. С боярами решил поступать аналогично князьям. Официально закрепили и "детей боярских".

Все не имеющие титула, но имеющие поместье, именуются с сего дня дворянами. Дворянство разделяется на два вида, наследуемое и личное. Наследуемое дворянство наследует только один ребёнок в семье, старший, мужского пола. Только он наследует поместье. Дробление поместий допускать нельзя.

Остальные получают личное дворянство. Это было внове. Обычно, это было неразрывно с получением земли, но поскольку появлялись войска нового строя, для них и вводилась эта форма, чтобы всех командиров наделить титулом, вне зависимости от происхождения. Заодно, к ним отнесли и тех, кому не повезло с наследством, но тут тоже, как и с князьями была оговорка. За заслуги перед государем любой, даже не дворянин может получить

наследное дворянство вместе с поместьем.

Все они, по-прежнему обязаны нести службу государю, покуда есть возможность. Есть три причины, когда он может её прекратить, смерть, старость или увечье. Ещё государь может наложить опалу, но обычно это сопровождается смертью отстраняемого.

Местнический счёт отменяется. Правда, решено создать "Книгу родов", чтобы точно знать всех титулованных и простых дворян и их родство. Психологию ещё бы изменить, но пока и так сойдет.

В Думу можно попасть только указам Великого Князя. Если у назначенного не было титула князя или боярина, он становился окольничим, что было, в принципе, как и прежде, просто закрепили теперь это на бумаге. Работой Думы управляет Думский Голова, выбираемый только теми, кто в неё назначен, однако государь может отклонить кандидата или вовсе снять.

Нынешнего митрополита решил отстранить, от греха подальше, но пока замену ему не нашёл. Ничего с церковью не случится. Поживут без главы, а я пока определяюсь. Помнится, "Грозный" какого-то там прибил, за расхождения с политикой партии, так что нужно подобрать с умом.

Как же переменилось отношение к особе Великого Князя. Буквально вчера на меня не обращали внимания, хотя, формально, не придраться, все положенные знаки внимания были, а уже сегодня, буквально лебезят. Почуяли, что на Руси государь появился. Вот и Шуйский выходил с поклонами и благодарствовал.

С утра с вестями из столицы, поскакали гонцы. Повезли они и новые указы и списки, теперь, дворян, попавших в опалу. Поместья у заговорщиков отбирались. Реакцию на все новости и перестановки оставалось только ждать.

Я же честно попытался управлять, но меня хватило от силы на три дня. Тяжело в одиннадцать лет взять всю полноту власти. Думаю, здесь без бояр тоже не обошлось. Оказалось, со стольким надо разбираться. К такому просто не готов оказался. Решение нашёл быстро. В Думе подготовили указ, с моей подачи, об образовании Приказов. Глав приказов они же и выбирали, а я назначал или отклонял. Приказы должны были заниматься государевыми делами. Мыслью, думцы тихо ликовали.

Понемногу стали стекаться вести. Сильных волнений от смены у кормила власти пока не наблюдалось. Ну, поскольку было тихо, я решил, наконец, съездить в Тулу, но получилось это только ближе к концу января.

— М-да.... И это всё?

— Да государь.

Вот тебе и вести из Тулы. На месте картина оказалась удручающей. Резьбу сделали только на один диаметр. Хотя чего это я, для неё были и привычные метчики и плашки. Для меня конечно, не для остальных. Хотя первые и не совсем правильные, но всё же могут делать то, что и должны. Для размера, в один ноготь, можно было изготавливать и болты и гайки. Опять же, его стали мерять по наибольшему диаметру, просто как там делали с метрической не помнил, да и заморачиваться не стал.

— А на другие диаметры, с иным шагом, а формой.

— Таперича, как енти получили, то всякие можем!

— Погоди, а почему не сделали?!

— Так дюже дорого, денег не хватило.

— Прохор! Почему?! Тебя спрашиваю!

— Виноват!

— Да мне-то, какое дело до этого! Ты вот скажи, почто нет человечка тут от приказа Делов великокняжеских, кто денно и ночно блюдёт здесь мои интересы и каждый день грамотку отсылает, чего сделано, что требуется? Почему я лично узнаю причину остановки?!

— Не вели казнить, всё исправим!

— Исправит он! Ты, ТЫ, как глава приказа должен был это мне предложить! С кораблями, небось, также? Не отвечай, и так ясно! Надеюсь, понимаешь, за всем, что делается по моему указу, нужен глаз и ежели его не будет, то с некоего Прохора Мышецкого шкуру спущу.

Охрана среагировала быстро, но остановилась по взмаху моей руки. Впервые, видел его таким растерянным.

— Мне дело нужно, а не виновные! Приказ делали не для того чтобы несколько дьяков и мастеров пристроить. Подбирай людей, сам видишь, дел у меня много и чтобы больше такое не повторилось!

Захотелось сплюнуть! Но пересилил. А что я хотел?! Все враз проникнуться моими мыслями и бегом ломануться строить коммунизм?! Любая система имеет инерцию и ох как не скоро всё сдвинется, да не равён час мне в обратку прилетит.

— Ладно, с этим разобрались. А теперь разьясните, чего вы такое придумали, что теперь проточить любую резьбу можете.

— Так резец особый с несколькими пупырышками, как нужная резьба, хоть п-образная, хоть треугольником, или со скруглёнными вершинами. Но режет только первая, а следующие, навроде гайки, толкают на нужный шаг, вот и получаются она на загляденье. Только делать такой инструмент дюже сложно и дорого.

— "Это что же, они до фасонного резца додумались? И плевать хотели на точность станка? Хотя не совсем, просто их придумка заменила ходовой винт." Молодцы! — Похвалил их уже вслух.

Здание разделялось повдоль кирпичной стенкой, но рёв домен был хорошо слышен, и хотелось и туда заглянуть, но это после, сам решил сначала с резьбой разобраться.

Из станков хорошо работал только строгальный. Не удивительно, кинематика простейшая. Обычный кривошипно-шатунный механизм. Весь секрет в устройстве отскока резца, но и тут секрет небольшой, в подвижном клине. Токарные надёжностью похвастать не могли. Проблему люфтов шпинделя решили оригинально. С помощью молотка. Бронзовые втулки просто сплющивали. И вопрос не в том, что так плохо их сделали, как раз наоборот, а вот вал точили напильниками.

Бить его перестало, но как он там устанавливался относительно направляющих, по которым двигался суппорт, загадка. Хотя, при местной точности, просто идеально. С учетом достижений, следующий станок будет значительно совершенней. Правда, не скоро.

А вот с шестернями засада. Нет, что-то сделали, и даже похоже, но как выглядят эти чёртовы эвольвенты я не помнил, да ещё и забыл. А ведь чертил когда-то, но толку, сдал и прощай заморочки, всё как у умного оружия. Вот теперь размыслы голову ломают и придумывают, как сие действо повернуть и в железе получить, ведь самое главное каким-то образом не выветрилось из башки, зубья друг относительно друга, катаются, а не трутся.

Для всего уже давно не хватало водяного колеса и его оставили только за чугунным производством. Остальное работало от паровых машин, однако помещений и мощностей не

хватало. Летом будет возводиться новый цех для карабинов и пищалей. Пока их вообще не делали. Негде и не на чем, да и нечем. Тоже будет строиться в Устюжне.

Вы не ослышались, с инструментом беда. Мало того, что толком, пока, непонятно как делать канавки и всякие углы затыловки на свёрлах, из доступных инструментальных сталей только та, что в будущем идёт только на напильники. Материал хрупкий, а потому абсолютно неподходящий. В итоге, есть только пушечные, благо простые и не требовательные к материалам. Всего и надо к сырому железу резец бронзой припаять. Так он махонький, потому и изготавливают его из лучших оружейных сталей.

Но есть страшный минус, малопроизводительные, а цех всего один, вот и делают только пистолеты. И как мне не нравится экстенсивный путь, но выбора нет. Других вариантов получить желаемое, в нужных объёмах, не наблюдается.

Половина с домнами встретила нас шумом, гарью и удушьем.

— "Как они тут работают?!" — Мелькнула первая мысль.

Крутящийся вал, приводивший в движение огромные сложные меха, приделанные к свинцовым трубам, по которым, с шумом шёл воздух, раздувая рукотворный ад, рождавший железо, производили неизгладимое впечатление. Работало уже 4 печи и чугун получали уверенно и, по местным меркам, огромное количество.

— Чего это там людишки по полу собирают?

— Одни формы ставят, другие разбирают, третьи осколки убирают.

— Не понял! Тебе их занять нечем?!

— Почему же, все при деле.

— Ты же сам говоришь, одни собирают, другие ломают....

— Так первые у той домны, где скоро сливать будут, вторые, где отливки застыли, и чугунные, и железные, третьи убирают мусор, место заново готовят. Вон и ковш уже подлатан, железо варить.

Про себя хмыкнул. Чего пристал, видно же работают, но как-то его объяснение картинку из будущего напомнило. Сегодня закатывают новый асфальт, по любому, завтра рыть будут.

— Государь, дозвошь слово молвить?

— Ты чего, вроде сейчас говорил, а тут нате?

— У одного розмысла мысль родилась.

— Так это же хорошо, не всё шапку носить, думать тоже надо. Ты продолжай, не стесняйся, ежели дельное что и на пользу, так осуществим.

— Понимаете, он заметил, зимой, что ежели тёплый воздух изнутри брать, а не уличный, то домна жарче горит.

— Так в чём проблема, берите, у вас тут чище станет.

— Так мы того....

— Что-то не заметно, но ты продолжай, мнится мне, что это не сама мысль.

— В самый корень зрите. Хотим попробовать нагревать его ещё сильнее.

— Ага, печки хотите поставить и совсем работников заморить?

— Ни в коем разе!

— Тогда как?

— Поставить кирпичную колонну решетчатую изнутри.

— Ещё её топить?

— Была такая мысля, но потом подумали, ежели на трубу колпак одеть, то горячим

дымом и прогреется. Только их две или три на домну надо.

— Мысль интересная, но от меня, что надо?

— Разрешение на постройку.

— Фёдор, не тебе ли я давал наказ получить железо?

— Так уже....

— Тыфу! Ты уверен, что домны дольше не могут работать не развалившись? Что его лучше нельзя делать? Весь ли чугун можно переделать? Или больше получать?

— А ежели не получится?

— И что? Будто все это сразу заработало! Пробуй, ищи, ежели что, грамотку Прохору отписывай, а не разрешение выпрашивай, тем более у меня. Нужен результат, пусть и неудачный, так мы знать будем, что эдак нельзя, запишем, чтобы будущие мастера наших ошибок не повторяли. Ты здесь главный и пока справляешься, но меру тоже соблюдай. Кстати, по поводу денег, ведь продажа чугунной утвари и железа доход приносит. Так куда всё девается?

— В казну государь — Встрял Прохор.

— Вот почему у тебя денег нет! Ежели всё забирается, тем более пригляд нужен, чтобы дело не стояло из-за этого! — И со значением посмотрел на своего няньку.

Дальше нас повели смотреть железоделательный ковш. Долго ходил вокруг, рассматривая сие чудо. Попортил он нам крови, в своё время. Возле каждой домны есть тчан (яма) куда устанавливается для заполнения этот агрегат, по стенке и дну которого проложена глиняная труба. Через неё, мехами, продувают воздух. После каждой продувки всё приходится переделывать. Если с расплавленным чугуном ещё как-то справляемся, то температура такого же железа сильно выше, вот и выгорает отделка беспощадно.

Поначалу, всё равно выходила почти одна ржа, но сейчас чего-то там добавляют. Я сильно не лезу, но железо стало сильно лучше. Фёдор Савин оказался на своём месте. Это именно он всё и вытащил по моим, порой, маловразумительным идеям. Одно дело нахвататься по верхам, а другое, знать точно. С последним у меня было туго. Однако радоваться успехам это не мешало.

Дальше пошли смотреть железные пушки. Когда увидел первые образцы, сразу понял, что погорячился, желая избежать этапа отливки из чугуна. Не помогло и развитие литейного дела. Изготовили на пробу одну двухладонную и мортиру, из стали с толстенными стенками, по всей длине одинаковыми. Помнится в кино, у орудий к концу они утончались. Я не удержался вставить свои пять копеек. Опять нужны пробы. С такими темпами пушек может и не появиться. Ко всему железа не хватает. Оно на всё идёт.

Хотелось всего и сразу, а в итоге пришлось возвращаться к проверенным методам. Двухладонки и мортиры станут лить из стали, когда проведут все опыты. Одноладонки и осадные орудия будем делать проверенным способом, из бронзы. Первые с утончением ствола. Осадные, так как есть, тем более опыт в наличии. Для начала 100 пятнадцатипудовок. В смысле, ядро для пушки будет весом в пятнадцать пуд.

Пушку, даже выкатывать не стали, а мортиру поехали смотреть. Установили её на берегу реки и зарядили дробом, из бомб для одноладонок. Не знаю, изобрели их уже в других странах или мы первыми стали, но эффектный, скажу, выстрел был, особенно, когда взрываться начали. Их производство тоже наладили. Смекалистые ребята. Резьбу сделали крупную и просто отливали. Чугун это позволял.

С сельхоз агрегатами совсем беда. Не кому их делать и не из чего. Обещали всего

тридцать комплектов. Порешили производство их налаживать в Нижнем, благо железо и там делать можно. В Туле меня и застало известие, что Новгород взбунтовался. Некоторые бояре сбежали в Литву. Ничего, придёт время, достанем.

Вот так, с противоречивыми чувствами я и уезжал с Тулы. Вроде, что и делается, уже и сдвиги заметны, но когда всё это будет и в нужном количестве, даже гадалка говорить не будет. Что делать, сам напросился.

Чем заниматься, кроме как думать, по дороге в Москву? Вот и пользовался моментом, перебирая, в голове, известные мне факты. Легко было рассуждать в своё время, как бы на месте "Грозного" делов наделал. Тут был ворох проблем, пока никак не решаемых. Первое, деньги. Не в смысле начеканить новых, а просто их ограниченное количество. Любые реформы упирались в их отсутствие.

У нас не было ни серебряных, ни тем более золотых рудников. Все деньги поступали от торговли. В Европе уже случилась революция цен, от наплыва драгоценных металлов из Нового света. Драгоценные металлы на глазах обесценивались, а товары дорожали. Мы от этого праздника почти ничего не получили, всё оседало в карманах посредников.

В северную Европу, через нас, лежал пока единственный маршрут доставки товаров с Востока. Но и это мало помогало. Не отличался он надёжностью. Это не изменится, пока не будет установлен контроль по всему протяжению Волги.

Почти 60 процентов всей Балтийской торговли приходилось на Русь. Ганза скорее умрёт, чем упустит такой пирог. Это, пока, серьёзная сила. При их содействии были сменены короли Дании и Швеции. Контроль портов на Балтике, через которые идёт торговля с нами, серьёзный повод для войн прибрежных государств. Поэтому, рассуждать о выходе на рынки Англии, Франции и Испании через них не приходится. Это мгновенно объединит все враждующие сейчас вокруг этого моря страны на борьбу с нами. Собственно, будет Ливонская война на новый лад.

Также, казна наживалась на переделе различных ефимок в русские копейки, скупленных по заниженному курсу у заезжих купцов. На этом зарабатывалось примерно 15 процентов. Иностранцы особо не роптали, они-то получали куда больше. Сами монеты, на взгляд жителя двадцать первого века, тоже были убогие.

Куда ни кинь, всюду клин. Но решать этот вопрос надо. Развитие металлургии уже создаёт проблемы. Понятно, что на первых порах появление своего железа на рынке в достатке скажется положительно. Многие изделия подешевеют и мы прекратим закупать его в Швеции. Одна беда, денег под увеличивающийся товар нет. В результате деньги вздорожают. Тоже ничего хорошего.

Одна надежда на постепенное наращивание денежной массы, за счёт снижения импорта. В результате страна станет богаче, ведь у людей станет больше средств. Опять же, увеличится казна, но мы же будем закупать сукно, строить крепости, может, часть жалования деньгой давать. Но и тут надо осторожно. Купцов забижать, конечно, не надо, но и организовывать закуп всего лучше у заводчиков или в районах распространения таких промыслов, казённые деньги не бесконечны. Чтобы деньга оседала в карманах тех, кто делает, а не возит, а доставку возложить на Ямскую службу, которую тоже создать надо.

Вообще, надо стимулировать появление производств, а то ведь сейчас землю купить нельзя, а только получить за службу. Ну и откуда, в итоге, своим товарам браться, вот и покупаем всё за рубежом. Поместья надо будет закреплять за нынешними владельцами, но и кончать с крепостным правом в зародыше. Оно ещё только появляется.

Будем богаче, появятся деньги и на реформу армии и создание флота. Делать его надо,

но не на Балтике, а на Белом море и в первую очередь торговый. Сейчас, иначе счастья не видеть. Чтобы не воевать со всем светом, нужно развивать северный маршрут, в обход Норвегии. Напрямую выходить на богатые рынки Европы, а не довольствоваться крошками, как получилось в реальности, когда Англичане первыми к нам пришли и организовали торговлю на своих условиях.

Нам надо раньше туда добраться. Вот тогда и сможем получить все выгоды. Правда, это означает, со временем, войну с Данией. Не думаю, что так легко они смирятся с падением доходов. Правда, можно договориться со Шведами о союзе. Они давно алчут порты в Ливонии. Вот и пускай подавятся, тем более они, в итоге, особо и не нужны будут.

Пока же, Дания сверхдержава. Не обломали их чередой войн, вот и приходится учитывать такой фактор. Нам, между прочим, они тоже гадят. На картах периода Ивана III Киркенес русский, а сейчас с них налоги собирают мытари из Копенгагена. Дурни, остались бы под нами, вообще ничего не платили, только купцы!

Но тут уж скорее мы виноваты. Сами устранились, а эти деятели тут как тут, с пушками и солдатами. Такое отношение к Северу надо пересматривать и возвращать города, ведь контроль над ними сейчас формальный. Нет там ни у одной державы ничего серьёзного, а нам хочешь, не хочешь, придётся наращивать своё силовое присутствие. Иначе, контроль за новым торговым маршрутом попадёт к другим, вот потому и возможна война с Данией.

В Москву въехали во второй половине одного из дней середины февраля месяца. Можно сказать, влетели и не просто, а с мигалками. Их конечно ещё не изобрели, что нам совсем не помешало, обошлись несколькими всадниками, которые исполняли эту роль ничуть не хуже. Собственно, это ещё не считалось городом. Граница столицы была до деревянных стен Белого города, стоящих на земляном валу.

До Желтого моста доехали, почти не снижая скорости, но перед ним встали. С этой стороны в первопрестольную попасть иной возможности не было. Говорят ещё московские пробки это современное изобретение. Ничуть не бывало. Середина 16 века, а даже Великий князь проехать не может. Я даже вылез из саней. Вокруг меня сразу образовалась группа охраны и свита. Эх, хорошо вдохнуть свежего морозного воздуха, не загаженного дымом машин и заводов. Ну, не совсем. Конским навозом потянуло хорошо.

Причиной остановки было местное ДТП. Два купца не поделили дорогу, чуть ли не у самого въезда на мост. Куда только смотрит ГАИ, в смысле, охрана Водяных ворот Китай-города.

— Какого черта этих купцов ещё не разогнали. — С этим риторическим вопросом устремился в гущу событий.

Там уже за грудки начали хвататься. Мой передовой отряд попытался приказать им убираться с дороги. Не тут-то было. Они только разборки начали друг перед другом, а нате зарости, третья сторона. Вот и послали непрошенных гостей и на три буквы и на четыре и на пять и уже собирались ещё дальше, но в этот момент наша группа приблизилась.

— Великий Князь! — Раздалось из небольшой толпы.

Резко наступила тишина, лишь снег поскрипывал под ногами людей. Все начали падать на колени и кланяться. Недавно ругавшиеся купцы умудрялись и это делать и помогать возникшим, растаскивать обозы. В считанные минуты образовался коридор, с абсолютно свободной дорогой.

— Совсем зазнались, уже Государю дорогу не уступают. Хватайте их. Кат быстро порядку научит!

— Стойте, пускай едут себе дальше, нам они уже не мешают. — Раз сам Великий князь приказал, кто же не исполнит.

Наконец, наша небольшая кавалькада продолжила путь. Я залез в подъехавшие сани. В Москву мы попали через Водяные ворота Китай-города, а дальше по открытому пространству, тому, на котором будет построен храм Василия Блаженного и Красная площадь. Не названа пока даже "Пожаром" и был это скорее пустырь перед рвом, отделявшим Кремль. Свернув направо, на Никольскую улицу, заскользили вдоль неё. Снег скрипел под полозьями.

Решил первым делом наведаться на Пушечный двор, расположенный на реке Неглинной. Вот туда-то мы и двигались, но сначала заедем в другое место. Неподалёку располагался, около Успенского оврага, "Алевизовский двор", крупнейший в стране центр "зелейного" (порохового) производства. Распорядиться изготавливать его по новому-то успел, но не был здесь пока ни разу. Вот и решил проверить, что делается.

Первое, что поразило, это количество народа работающего здесь. Второе, от чего меня прямо в пот бросило, это то, как там же варили кальциевый ямчуг (селитру) с золой, состоящей практически из одного поташа. Японский городской!

— Вы, что тут совсем сбрендили?! Тут же зелье кругом! Давно пожара не было?!

— Не гневайтесь, Государь.

— Ты не отговаривайся, а отвечай как на духу!

— Мелкие, постоянно бывают, а крупный, почитай только при вашем батюшке.

— Это когда же?

— В 1531 году было. Больше двухсот душ сгинули в том пожаре. Погибли не только работники, но и мастера.

— Хотите повтора?

— Упаси господи! — Ответили мне и все окружающие стали креститься.

Вот как им объяснять, что огонь разводить в помещениях с огромным, по здешним меркам, содержанием зелья нельзя. Никакие бочки не помогут и даже близкое расположение Неглинной. Все здания деревянные. Сами же рассказывают о прошлой трагедии, а что делают!

— Трофим, напомни мне про них, когда будем в Кремле.

Но на всякий случай немного отошёл, однако, ну его от греха подальше. Правда, поможет это или нет, в случае чего, уверен не был.

— Кстати, а почто ямчуг с золой варите, а не с поташом?

— Государь, так деньгу меньшую надо. Последний, он дорогой. А так, тоже выходит, как вы приказывали.

— А вы проверяли, сколько частей того и того надо, чтобы новый, был самый ядрёный.

— Сделали в лучшем виде.

— Вы на мякине пытали или как иначе.

— Конечно на ней. Зелейные камни перед засыпкой в пушку обязательно перетирают.

— Это ещё что такое?! И зачем вы их измельчаете?

— А как иначе-то? Такими булыжниками не стрельнёшь. Он они лежат. — Проговорил провожатый и указал на горку каких-то валунов серьёзного размера.

— Это что, зелье? — Удивлённо спросил я.

— Оно самое и есть. Лучшее не бывает!

— Верю! Но зачем таких размеров. Приказывал же делать зерно, навроде яри

(пшеницы). А вы что наворотили?

— Признаемся, как на духу, не поняли мы, всё одно мякину делать! А каменья мы делаем уже давно. Опосля того пожара, токмо так. Безопаснее это!

— В каком смысле?

— Чтобы взрыву не было. Ямчуг, тёртые уголь и серу смешивают и смачивают и так перетирают. Опосля вот в такие камни и высушивают.

Влез, значит со своим зерном, не узнав, чего тут делают.

— А чем вы это всё поливаете?

— Очищенным хлебным вином, но некоторые мастера говорят лучше мочой выпимшего. Сами выжрут вино, а опосля зелье забрызгают своей. Мы, конечно, с этим боремся, но всё бестолку.

— Не пробовали спиртом, ну тем, что для зажигалок?

— Дорого государь.

— Я распоряжусь, чтобы для пробы, за так привезли. А чего сколько в зелье кладёте?

— Для пушек помельче на 56 частей ямчуга по 22 части серы и угля. Ежели орудия посерьёзней, на 57 долей первого, второго кладём 14, а третьего 29. Для ручниц порох попроще, на 6 мер по 2 последних.

Чего-то не понимаю. Всегда считал, что порох, вроде, одинаковым должен быть. Может это как раз из-за кальциевой селитры. Приказывал же пересмотреть состав. Только об этом никто и не слышал. Одно слово, бардак!

— Так на каком зелье новый-то спытывали? — Стал вновь допытываться.

По тому, как стали мастера переглядываться, понял, ничего-то тут толком не делалось. С учётом того что о приезде начальства предупреждают заранее и варку могли затеять только для отвода глаз, вот видите, не сидим, указы сполняем! Я почувствовал, как нахлынула ярость. Кое-как сдержался. Ну не понимали мастера, зачем всё это. Решили, что это просто блажь детская.

— Так вы что.....!

По тому, как на меня вытаращились и стали креститься, отступая, таких матов от меня никто не ожидал.

— Головы всем порублю! Ката сюда!

— Государь, смилостивитесь! Всё сделаем.

По поднявшейся суете, можно было в это поверить.

— Это последнее предупреждение. Повторять не буду! Сначала спытаете новый ямчуг на той смеси, как есть. Узнаете сколько золы надобно для самого лучшего, опосля будете пытаться другие, и чтоб одна она была, для всего!

И здесь разброд и шатание. Как они тут воюют, при таком бардаке во всём. Понятно, для трёх разных составов были свои причины, но ведь им приказали. Вот ведь каналы!

— Опосля, как получите самую лучшую мякину, вместо этих камней станете делать зерно. Как, придумаете, на то вы и мастера! Полученное, будете шлифовать в бочках. Вот в таких!

Я нарисовал палочкой на земле простейшую галтовку.

— Только их катать надо так, чтоб поплотней получались, но как уж получится. Там чего придумаем. Его нужно не крупным сделать, лучше в четверть яри. После просеете от полученной мякины. Её вновь в дело пустите.

На некоторое время остановился, соображая, что ещё сделать нужно.

— Вот зерно надо будет уже вновь испытать, сколько потребно куда засыпать. Токмо сразу ложите поменьше, зелье шибко мощней выйти должно. Сколько сейчас-то идёт?

— Чтоб выстрелить 47-фунтовое ядро потребно почитай 60 зелья.

— Интересно.... Хотя, какая разница. В общем спытаете всё, а потом мне грамотку в Кремль пришлёте, что да как. Сам приеду, проверю, и не дай бог чего опять не сделаете!

Уезжал в Пушечный двор в расстроенных чувствах. Узнал, конечно, много всего для меня нового, про порох, но каковы пройдохи. Государевы указы им побоку, сами де с усами, а малец побалуется, да забудет.

Вообще, сам бог велел искать среди зелейщиков, будущих химиков. Их профессия располагает к поиску разных составов. Мозги им только вправить, и думаю, делом займутся, а не только хлебное вино будут на полезную смесь переводить.

На Пушечном дворе уже знали о появлении Государя поблизости и видимо готовились. Встретила нас весьма внушительная делегация. Только флагов и транспарантов не хватало, а так, даже дорога подметена.

Повели меня знакомить с чудесами. Они действительно были. Одни ядра чего стоят. Были каменные, свинцовые, каменные, облитые свинцом, кованные железные, медные, железная усечка облитая свинцом или оловом, также чугуны. С Тулы сюда таких не присылали. Однако, вот они, факт. Оказывается, их льют ещё с начала века.

Какое позорище. Я изобретал велосипед с этими домницами, а просто надо было спросить! Хотя нет, почти сразу выяснилось, что тульские превосходят всё известное. Слухами, как известно, земля полнится. И как им не быть, когда железо и всякая чугунная утварь по стране расползаться с купцами стала. Даже от сердца отлегло. Всё же не зря мучились!

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Были двойчатые на чепех (цепях), ей богу, настоящие книппеля! Зачем только?! Также, огненные кули, зажигалки по простому.

— А калеными не стреляете?

— Это какие?

— Железное или чугунное, нагревают на огне до красна и такими стреляют.

— Не слыхивали про такое, но попробовать стоит.

— Обязательно спытайте, а мне грамотку в Кремль. Трофим, записывай уже, что мне напомнить должен. — Говоря это, сам смотрел на Прохора, чтобы и он понял, и здесь пригляд от возглавляемого им приказа нужен.

— Чем ещё супостатов гоняете?

— Дробом, каменным аль железным. Но чаще всего кричным шлаком.

Посмотрел я на него. Вот откуда, наверное, шрапнель и пошла! Единственно, что разномыслие.

— Из чего же вы этим стреляете?

— Из пушек по вражьи войскам, из Можжир по крепостям, аль из Гафуниц.

— Так, последние два, это что?

Можжирой, после долгих выяснений, оказалось то, что я мортирой называю. Хоть бы кто сказал! Поддакивали все. Позор-то, какой! Как мало о своей стране знаю! Куда всё это делось потом. Ведь через какую-то сотню лет Голландцы у нас колонии на Новой Земле делать будут. Потом всему заново учиться пришлось. Костями лягу, не дам всему этому пропасть.

Но потрясла меня конечно гафунница. Это была самая настоящая гаубица. Когда уяснил, что это именно орудие для стрельбы с закрытых позиций на большие расстояния, просто обалдел. Даже это умели. Всё больше креп в мысли о сохранении всего этого.

— Кто из литцов такие льёт?

— Здесь он. Игнатий, тебя Государь кличет. Расскаж про гафуницы.

Вышел вполне солидный мужик, но явно не знатного роду, но мне это без разницы. Если это он такое тут льёт, ему же цены нет! Да мы же с этими...уух, таких делов наделаем!

— Вот скажи Игнатий, а на сколь такая гафунница стрельнёт.

— На 3 версты, как не больше. Только так далеко стрелять надо дробом.

— Почто так?

— Ядро улетит, куда только господь знает. В врага надо попасть, а не в небо как в копеечку.

— А ежели по-новому отлить их, да ствол новыми свёрлами проточить лучше не станет?

— Может и станет, попробовать надо, а так говорить не буду.

— Кстати, вы грамотку по новому литью не получали?

Казалось бы, всего недавно вопрос возник, но здесь с такими вещами не тянули и новые требования уже по стране с гонцами разбежались.

— Получали, как нет. Токмо не понятно, чего надобно.

Возникла небольшая дискуссия о новых пушках с утонением ствола. Мысль мастера поняли. Ко всему распорядился послать в Тулу литца с опытом работы по чугуну, для обмена хитростями и посмотреть железное литьё. Да и опыт плавки металлов и получения сплавов передать надо. Может ещё чего удумают.

Честно говоря, про себя матюгался. Где я был, почто сразу сюда не приехал, столько изобретать не пришлось бы. Может, лучше чего сделать удалось, а теперь только локти кусать!

Пошли смотреть дальше. На территории Пушечного двора был один деревянный анбар, в котором были тчаны (литейные ямы) и векши (подъёмные блоки). Рассверливались пушки на открытом воздухе. В деревянной конструкции ствол закреплялся отверстием вниз и мог двигаться только вдоль своей оси. Сверло закреплялось снизу и приводилось в движение двумя работниками, крутившими его посредством длинных рычагов. Ствол надвигался на сверло. Периодически его поднимали, чтобы удалить стружку. Пока канавок для её удаления не изобрели и потому, это надо делать вручную и довольно часто.

А вообще могли и без таких изысков обойтись и получить канал ствола, хоть квадратным сечением, с помощью пил (напильников), что гораздо чаще и делали. С инструментом, как говорил, засада, и не только у меня, а у всех, так что сверлили только кованые, а сейчас таких не делают. Бронза же, материал достаточно мягкий, вот и обходятся. Но с другой стороны, это привело к дикому разброду калибров.

Сейчас ничего не работало. Я же хотел всё делать в Туле и из железа. Как говорится, погорячился! Всего двор мог делать около ста орудий в год. Это было мало. Придётся расширять и строить всё из плинфы. Вот тут-то и всплыл цемес. Выяснилось, когда кирпич пережгут, он спекается. Тогда его на куски разбивают и перемалывают. Полученная мука есть Цемянка. Ежели её смешать с гашеной известью, то получится именно он. Самое то для кладки кирпича, навроде глинитного.

Думал, новое слово принёс в строительство, а здесь и без меня раствор делали, разве что

дороже. Осторожнее надо быть, а то на смех не поднимут, но репутацию себе испорчу.

Отливка орудий массой свыше тонны была событием не исключительным, но требующим особой подготовки. Кроме изготовления собственно отливки много времени занимали подготовительные операции и чистовая отделка орудий: чистка пилами, снятие наплывов, отделка канала ствола, чеканка украшений и надписей. Помимо кузнечных мастеров на Пушечном дворе работали кузнецы, резчики, паяльщики, плотники, изготавливавшие лафеты, чертёжники и другие специалисты. В целом производство орудий было организовано по методу простой кооперации: изделие последовательно проходило обработку в руках каждого мастера.

Главными были, конечно, литцы. Их оказывается, на Пушечном дворе было три вида. Одни отливали колокола, вторые, паникадила, третьи пушки.

— А почто разные?

— Так изделия тоже не одинаковые и бронза у них своя. Навык тоже каждому особый нужен.

Получается, Петр перелил колокола на пушки от отчаяния. Припёрло его видать сильно. Из колокольной бронзы хороших не отлить. На безрыбье и рак рыба.

— А зачем вы их украшаете?

— А то, как же. Развеж можно. Красота она во всём и в орудие тож.

Ну как им объяснить, что это всего лишь лишние затраты. Придётся просто приказать. Рационализм тут отсутствует как класс.

В Кремль возвращались, когда уже за вечерело. В Китай-город въехали через Сретенские ворота, а в сам, через Фроловские. Часов на башне не было. Я-то помнил, какие они были. Надо будет про них не забыть и тут сделать.

В походной сумке лежали, не у меня самого, но всё же, самое дорогое, что могло мне тут попасться. То, что увидел на Пушечном дворе у одного из мастеров. Гляделка, подозрная труба по-нашему. Плохонькая мутноватая, но всё же она, купленная у какого-то купца с востока. Увеличение где-то между двумя и тремя, но вот он образец. Для гафуниц самое оно. И ещё Лупа. Именно так он её и назвал. Довольно приличного размера, но увеличивает раза в два, не больше. Стекольщиков озадачивать надо такими вот штуками.

По глазам видел, что мастер со всем этим богатством расстанется с неохотой, но Великий Князь, куда же тут деваться. Я лично пообещал вернуть, хоть меня и отговаривали, но долг платежом красен. Отдам уже изготовленные нами и ещё лучше прежних. Не верю, что наши мастера не сделают, коль такое творят. Куда Европа попала со своими пушками. Им ещё столетия идти до того, что у нас уже есть!

На следующий день, после заутренней, ко мне подошёл Сильвестр, священник Благовещенского собора в Московском Кремле, в котором я и находился. Всем чего-то от меня было надо. Нет, чтобы так просто. Одиночество на меня навалилось в то утро с удвоенной силой. Детство для меня уже закончилось, и вернуться к сверстникам уже не мог, но для окружения всё ещё был мальцом, хоть и Великим Князем.

— Государь, дозволь слово молвить?

Мои кремлёвцы уже начали его вязать и оттаскивать в сторону.

— Стоять! Оставьте его, пусть говорит, коль начал.

— Государь, к вам архиепископ новгородский Макарий, с другими священниками, попасть с челобитной хочет.

— Чего же сам не пришёл, а тебя вот просит. Земляки поди?

— Так к вам тепереча не попасть. Стрельцы никого в Московский Кремль не пускают.

— Тогда ты как тут очутился, бояре сюда проходят?

— Так нас они знают, а кого нет, ни за что

Так, проблема, однако. Когда закрывал Кремль от праздношатающихся и так на всякий случай, про челобитников-то и не подумал. Надо как-то организовать запись, что ли. Вот ведь проблема, где не ждали.

— Ладно, пускай приходят, после обедни, в Грановитую палату на Думу. Там их и выслушаю.

Дума, по случаю моего приезда собралась вся, что осталась. Немного же их теперь. Надо кого-то нового приглашать. Ладно, не всё сразу. Послушаем, чего там надумали про приказы.

— Прежде, чем слово молвить будете, объявляю, все Думы теперь будут проходить "без мест". Начинайте Иван Васильевич.

Последняя фраза у меня вызвала улыбку, а вот у Головы отразилось недоумение, как это. Ведь местничество определяло порядок всего. Ничего, я вам тут малину-то поломаю.

М-да, ожидал куда большего. Придумали только один, приказ Большого Двора. Похоже, проругались деля места в нём.

— Раз вы ничего не измыслили толком, то повелеваю, отныне бояре могут становиться главою только приказа Большого Двора. Остальными, сколько бы их не было, будут управлять Окольничьи.

Судя по выражениям лиц бояр, такого подвоха они не ожидали. Макарий, с сопровождающими его лицами, недоумевал. Он, похоже, не мог понять, что тут происходит. С корабля на бал, что называется, попал.

— Записываем, какие приказы надобны. Посольский приказ, Пушкарный, Стрелецкий, Тайный, Торговый, Судебный и Ямской.

— Государь, дозволю слово молвить. — Проговорил Шеин.

— Ты говори, говори Юрий Дмитриевич.

Похоже, его это очень заинтересовало. Он сам Окольничий. Это должность пониже боярской была, а теперь появился шанс на доступ к власти. Ишь как подобрался.

— Нас ведь всего двое, как же мы со столькими-то справимся?

— Так я ещё назначу. Вот тебя Юрий Дмитриевич на Стрелецкий поставим. Сдюжишь?

— На всё воля божья!

— Для Федор Семёновича Воронцова тоже чего подыщем.

— Кого же, государь, ты ещё возведёшь в Окольничие?

— Да хоть братьев Адашевых. Алексея и Даниила. Алексей у нас возглавит Посольский приказ, а Даниил Судебный. На тайный приказ я тоже своего человека поставлю, а вот других Окольничих вы предлагайте сами. Надобно кого ещё пригласить в Думу. Вот и размышляйте, кто достоин сего.

На лицах всех присутствующих проступила задумчивость. Чувствую, за будущие должности, разгорится битва. А я продолжаю.

— Построим в Кремле особое здание, специально для вас. Из видных деятелей и глав приказов сделаем Ближнюю Раду, которая будет править от моего имени в мои отлучки и, не дай бог смерти государя, до совершеннолетия наследника. Но смотрите у меня. Удумаете чего, быстро укорочу.

Никогда не думал увидеть такое обалдение на лицах. Где это видано, властью делятся.

— Вернёмся к делам ближним. Чего там с Новгородом удумали?

— А чего тут думать?! Закрыли волоки и куды они денутся, без хлебушка. Вот животы к спинам прирастут сами прибегут. Вон уже и Макария прислали. Ответил мне Шемяка.

Все взоры обратились на группу священников.

— Это так? — Спросил я его.

— Нет, государь. Наговор это на Новгород. Было забузили, но быстро одумались, да поздно стало, гонец ускакал. Меня послали повиниться и бить челом перед тобой. Нету крамолы у нас.

— Ага значит всё-таки бузили. Пошлём мы к вам воеводу с разбирательством. Зачинщиков найдём и накажем, чтобы другим неповадно было. Неповинных, трогать не будем.

— "Заодно поуменьшу ряды знати в Новгороде". — Подумал злорадно.

Вообще, с этим городом надо чего-то делать. Всё это временное решение. Нужен конкурент им. Ивангород не тянет на него. Блин, придётся строить в устье Невы, новый город порт. Только этого не хватало! Других надёжных решений нет. Нужно оттянуть часть денежных потоков, чтобы почувляли, что и без них обойдёмся.

— Ты только с этим к нам пришёл?

— Нет, государь.

— Так говори, не томи.

— Государь, почто землю у церкви отобрали? Теперь вот за неё же платить требуете. Монастырские так уже в поместья раздаёте. А ведь нам ещё и вспомоществование раздавать надо.

— Стоп. Иван Васильевич, ну-ка объясни нам, как такое возможно.

— Они же на государевых землях находятся. Вот и пушай плотют. Деньга у них есть, из казны же им и идёт.

И здесь бардак. Да когда же это кончится. Вот на кой им портить отношение с церковью. Может это под меня так копают. И не скажешь особо ничего, сам ведь и начал.

— Так пиши указ. С сего дня 18 февраля 7050(1542) от сотворения мира освободить от всяких податей церкви и монастыри, находящиеся на государевой земле, а всякую землю, на которой они находятся в пределах Руси считать таковой. Земли, ранее бывшие воладениями митрополита и монастырей, раздаваться в поместья не могут. Ежели, кто успел получить такие, пусть вернут. Взамен выдать другие. Казённые земли, которыми владеет Великое Княжество Московское более 50 лет, раздаваться в поместья с сего дня не могут. Отсчет владения Россией землёй в Диком Поле начать с сего дня.

Да на лицах бояр полное недоумение. Не поняли ещё, что за новые поместья надо воевать, отбирать их у нынешних владельцев. Заелись. А нужны вы мне голодными волками. Чтобы дети ваши, за землю, ворогов наших на части рвали.

— Ладно, чего застыл. Ожидал, что всё верну? Запомни Макарий, обратной дороги нет. Ты кстати митрополитом не хочешь стать? Чего молчишь? Хочешь, да не можешь такого сказать. Так вот ты им и будешь!

На бедного Макария смотреть больно было. Побледнел, того и гляди сознание потеряет, от радости наверно.

— Ты не думай, это тебе наказание, за дерзость. Выделим мы тебе ещё восьмую часть из казны хлебом, чтоб создали в монастырях Земскую хлебную казну. Помогать хотел, вот и будешь. Зерно из неё выдавать будете черносошцам на посев опосля неурожаев, а что

оставаться будет на спасение голодающих. Смотри мне, не дай бог на другие нужды пойдет, не сносить тебе головы. Деньги в рост давать запрещаю, только без прибытка и только простому люду.

Ну всё, не выдержит Макарий! Нет, смотри, розоветь начал, взбодрился. Однако решил, что справится.

— Да и последнее, на церковь возлагается отныне открывать приходские школы повсеместно, где все, повторяю все, будут обучаться грамоте и счёту.

При слове счету я заметил, как один из монахов встрепенулся.

— Макарий, а кто это там с тобой. Да, да, вон тот.

— Это инок Варлаам.

— Я заметил, он счетом интересуется?

— Да государь. Русскую цифирь вот хочет ввести, для того и со мной напросился.

— Что за диковинка такая? Иди суда, объясни, чего там удумал.

— Великий Князь, читал я монастырские летописи разные и нашёл, что была у нас своя.

— Какая такая и чем она лучше нынешней?

— Понимаете государь, греческая конечно хороша, но на ней считать можно только до тысячи, а ныне приходится и более, вот и вынуждены придумывать всякие хитрости.

— Справились же, вон уже и до миллиона ведут.

— А ежели более надобно будет, что делать? Русская, это позволяет.

— Это как же?

— Греческая цифирь полупозиционная, а русская полностью позиционная, потому ей можно записать любое значение.

— Чего-то я перестал тебя понимать. Подойди сюда и покажи, что за зверь такой.

— Понимаете, государь русские цифры составлялись из пары знаков руницы в лигатуру. Руница давала название, а лигатура обозначение цифири. Потом последнюю упростили для записи. Всего, таких знаков, десять. Они были только в рунах Макоши, а в рунах Рода их не было. Первыми писать могли не все, потому и взяли греческую цифирь. — Говорил Варлаам, доставая какой-то свиток.

Так бы и сказал, что ими только жрецы пользовались, а то наводит тень на плетень. Наконец, я взял, протянутый мне документ и развернул его.

На какое-то время выпал из реальности. Когда слегка пришёл в себя, то заметил, что послушника уже оттаскивают.

— Оставьте его.

Инока отпустили, и он вновь подошёл ко мне.

— Так сколько ты говоришь, эта цифирь существует.

— От сотворения мира, а может и ранее.

Слегка ущипнул себя. Ничего не изменилось. Ощущение полного сюрра не пропало. Я куда попал? Вроде все, так как и было в прошлом, насколько хватает знаний. Или может, нам чего не говорили, и на самом деле всё не так. Получается, они более 7000 лет существуют. Куда Арабы и Индийцы со всеми Майями попали!

На меня глядели с листка вполне узнаваемые цифры от 0 до 9, те, что мы называем арабскими.

Смотри не смотри, а решать чего-то надо.

— Подь сюда. — Подозвал я дьяка и помахал призывно ладонью.

Он же, быстро подбежав, грохнулся на пол и уткнулся лбом в него.

— Слушаюсь Государь!

Вот как тут работать. Эх!

— Да встань ты и возьми свиток. Вот, бери покажи боярам, думу думать будем.

На лавках вдоль стен прошло некоторое оживление, когда подносили свиток к очередному боярину. Но быстро возвращалась маска умного мыслителя. Прямо-таки о России думают!

— Кто у нас против русской цифири?

Такая постановка вопроса зарезала начинавшуюся дискуссию на корню. Кто же будет? Особенностью, буквально всего населения страны, была чуть ли не показная русскость. Это была не показуха, а скорее состояние души. Так здесь во всём. Не русское вызывало отторжение, и считалось скверным. Даже церковь была скорее Русской, чем Православной. Да взять ту же библию, была она своеобразна, отличавшейся в мелочах, от общеупотребительной, но кардинальных мелочах. Собственно, скорее именно это делило страну на две части, Великое Княжество Московское и Великое Княжество Литовское. Сохранение самоидентификации нам дорого обошлось, потому подобное ценили высоко.

— Значит никого против нет? Пиши указ. Ну что Варлаам, доволен? Всё будем русскую цифирь пользоваться. Ты лучше расскажи, много ли чего в летописях ещё интересного?

— Не вели казнить! Запомнил я. Летописей немало, не все кириллицей писаны, надобно переводить. — Проговорил скороговоркой он, пав на пол.

— Заварил ты кашу, вот будешь и расхлёбывать. Станут теперь монастыри архивами. Соберёте все и перепишите во множестве и чтобы во всех были копии чего только не найдёте, а оригиналы, вернёте туда, где взяли. По одной копии и для Кремля сделаете, и тут архив сделаем. Вот печатный двор построим, мы их ещё и напечатаем. Библию напечатаем во множестве и другие книги.

На меня уставились не понимающие лица. Есть ведь летописи, зачем их ещё размножать, а вот при упоминании библии, была видна положительная реакция.

— Теперь Макарий, вернёмся к тебе. Строить будем церковь, чтоб лепоты была неопикуемой. Напротив стен Кремля Московского, аккуратно промежду Фроловской и Тимофеевской башнями. Двор же Митрополичий с Кремля уберём и поставим в Китай-городе на берегу кремлёвского рва от новой церкви в сторону Водяных ворот. Подберёшь подходящие места и для кремлёвских монастырей.

Пора было заканчивать с нагромождением в Кремле различных дворцов и просто дворов разных князей и бояр. В конце концов, он уже не единственная крепость в городе.

— Будем строить здесь дома для приказов. Дворец для Думы построим около Тимофеевских ворот, вдоль Москвы-реки. Селиться князьям и боярам в Кремле и Китай-городе запрещаю.

Бояре на такое зароптали. Ещё бы, их же от моего тела отрывали. Ничего привыкнут.

— Стены Белого города пора менять. Будем делать из плинфы.

Это предложение в свете новых веяний прошло на ура.

— Ров, вдоль Кремля, оденем в камень, и Пожар покроем им же. Не очень как-то звучит, нужно другое название, не так ли?

На это моё обращение не сразу отреагировали. И в самом деле, какая особо разница.

— Приказов надобно больше. Нужны ещё Челобитный, Морской, Розмысловый и Приказ Великокняжеской Казны. В этих приказах головами будут пока бояре, как и в приказе Большого двора. Пиши указ о создании всех приказов скопом, нечего бумагу марать.

Эта новость вновь оживила бояр. Опять пошли пряники.

Всё это конечно хорошо, но это решения на перспективу. С Казанью же решать нужно было сейчас.

— Отошлите приказ явиться в Москву воеводе князю Воротынскому.

Посмотрим, кто таков и почто его фамилия меня заинтересовала. Потом родилась запоздалая мысль.

— Сколько ему лет-то?

— В возрасте Иван Михайлович уже, — ответил мне мой тезка.

— А у него сыновей случаем нет?

— Есть, как не быть.

— Их тоже вызывайте.

— В Новгород пошлём мы Ивана Михайловича Шуйского. Посмотрим, за кого у него душа болит.

— ...суров государь-то. Ему же теперь, чтоб опалу снять стольких примучить нужно, — донеслось до меня.

— С Шуйским пошлём Охранную стражу. Пусть только попробует Русь матушку не любить.

— Собираем войско. Казань воевать будем. Побить, может и не побьем, но пограбить их нужно. С этого года зорить казанцев будем каждую зиму. Они к нам летом, а мы к ним зимой. Холопить их без разбору. Всё, хватит, откормились они там, нам в самый раз. Чтоб до самых Ногайцев ни одной живой души не осталось. Только не так, что недавно, хватит уже заговоров!

На этом Дума закончилась, и я решил малость отдохнуть, но не тут-то было! Борьба за власть начала разгораться. А что вы хотите? Приходится признать, что произошла революция, только об этом никто не догадывается. Да и ругательства такого ещё не придумали. Вроде в своём праве, но пятнадцати лет мне ещё нет, а значит, по завещанию, править должны опекуны. Но те, кто по нему был им уж далече, а иные и вовсе отошли в мир иной. В новые.... Особо желающих не находилось. Вот и наступила парадоксальная ситуация.

Ох и нажились бы юристы, всякие адвокаты и иные сволочи на чем-то подобном, там, в будущем, однако в настоящем этих достижений цивилизации ещё ни одна свинья не родила, и пока, беззакония творили без их помощи. Здесь, все тонкости в прочтении прав решались словом Великого князя. Иногда хватало даже недоумённого взгляда. Нет, закон, конечно, был, однако Президиум Верховного Суда, а так же Конституционный отсутствовали как класс, да и в голову бред об их создании никому не приходил. Так что время ещё моё как бы не наступило, но протестовать вроде уже и не кому.

Пока суд да дело, вот и решил приступить к "небольшой" трапезе. Кто бы мне раньше сказал, что когда стол, и не маленький стол, всего лишь заставлен едой, а не ломится от неё, это так, лёгкий перекус, в глаз бы ему плюнул.

Начнём с самого простого, с чёрной икры. Ладно бы я её ещё ел, или хоть немного в ней ковырялся, так нет, каждый раз по чашке. А логика простая, вдруг государь ножкой взбрыкнёт, а её нет, всё амба! Таисия со свету сживет!

Ей богу, вроде всем рулят мужики, а боятся пуще чёрта её. Бедные беззащитные забытые существа. Как они тут без феминизма то живут, что даже однажды на Думе зашёл разговор, что пора бы со всеми этими женскими безобразиями закончить. Они те без всяких могли и в глаз заехать, да ещё чем потяжелей догнать. Одно слово, правовой беспредел! Не..., ошибся, два!

Кстати, по мне так всё европейское воспитание "моей" матери и заключалось в одном, что властвовала она в открытую. Тяжко боярам пришлось, на работе она, домой придёшь там ещё опасней, жена встречает. Эх, где ж вы кроткие безмолвные существа. Точно, в этом времени таких найти непросто. Да и как иначе, мужики постоянно в войнушку играют, а хозяйство кому вести. Тут особо не помычишь! Натё здрасте, муж на пару дней заскочит, а попробуй, перестройся сразу, вот и перепадает.

Ладно, вернёмся к икре, да к чёрту её, тьфу. Ни там, в будущем её не любил, ни здесь. Гадость, одним словом и чего в ней находят? Однако продолжим. В обязательном джентельменском наборе, солёные грибочки с лучком и под сметанкой, квашеная капуста, солёные огурчики и яблочки мочёные. Прелесть, однако, не всегда до этого дохожу, но бывает в прикуску с птицей или мясом, очень даже оно. Правда, здесь это едой не считается и стоит вместе со специями, соответственно не чувствует в перемене блюд.

К баловству относят и всякую солёную рыбу. Ой, лучше бы и не вспоминал. Стерляди живопросольные, осетрина просольная, леши рассольные, стерляди вислые, осетрина косячная, белужина ветряная в рассоле, стерляди бочечные, ухабы белужьи, тегли осетровые.

И это только что упомянул, хотя и не всегда понимаю, чего они под этим подразумевают, а спрашивать оно как-то не с руки. Сказать-то скажут, из чего нашинковали, а, поди, проверь. Ведь ещё и копчёная. Пара трёшка видов всегда в блюдах, наструганная соломкой. Так что даже увидь я, как каждая из них выглядит целиком, вряд ли признал.

Ах да забыл уточнить, всё сразу не принято выставлять на стол и то, что он завален едой, так то одна перемена, и таких может быть много, так что на пиру этот процесс часов на 8-10 затягивается, однако, всё это считается тем же начатым давно обедом. Более того, блюда не смешивают, так что в одну перемену похлёбки и мясо не бывает, не смотря на это, никакого разделения на первые и вторые блюда. Так что гущи, они же каши, могут быть и раньше крошки, а посреди обеда подадут и кисели и взвары.

Кстати, окрошка не салат. Тут вообще ещё не додумались до такой ерунды. Всё это относится к похлёбкам и про супы здесь никто не слышал. И да, уха вполне тут готовится и из свинины, не закрепилось ещё это название исключительно за рыбными. Фокус в том, что из осетрины она не готовится, и навар получают из рыбы попроще, а кусочки добавляют для пущего эффекту. А вот щи, они и тут родимые и борщ, только картошки нигде нет, а так, один в один.

Ладно, вернёмся на грешную землю. Потчевать меня собрались пирогами, да не теми что в руку и вперёд, а такими что человек двадцать, одним наедятся. Лотерея однако! Всегда пробую угадать с чем, редко получается.

— "Ну, допустим, сегодня рыбные".

Вроде что там такого особенного может быть, а поди ж ты! Начинка не рубилась, ни клалась кусками, а пластовалась. Если японцы всё сырым жрут, чтобы вкус сохранить, то здесь это умудрились сделать приготовив в Русской печи. Тонкие пласты добавили начинке нежности, а тесто запечатало всё внутри не дав вырваться и улетучиться при томлении.

Более того, подозреваю, что оно само играет не последнюю роль во вкусовых качествах. Помнится, поленился идти в магазин купить замороженных дрожжей, а решил использовать для приготовления закваски сухие из пакетика, жутко шустрые. Через неделю понял, как ошибался, когда квас упорно получался ядовито горьким, а вовсе не кислым. Вот капиталюги, они этот штамм создали, чтобы тесто быстро поднималось, а не чтобы хлеб получался вкусным.

А тут даже не на дрожжах, потому только заводят больше 12 часов. Специально выпытывал, м-да там в будущем, никто, конечно, так делать уже не будет. Вот и весь секрет утери русской кухни, быстрее-быстрее. Эти пироги даже выпечкой, язык не поворачивается назвать. Эффект такой же, если сравнивать фуагра с утиной печенью.

— Пироги с колбасой! — Объявили громко, когда блюда с ними уже расставили по столу.

— "Вот те раз!" — И чуть не заржал, но быстро понял неуместность такой реакции.

Получилось чуть ли не из "Ивана Васильевича": "Икра красна, икра черная, и с пиететом, икра заморская баклажанная". Это там, в будущем это ерунда, а здесь продукт новый, модный, да и не из дешёвых, по большей части. Хотя, торгаши они во все времена одинаковые, появляться стали предложения и нижней ценовой категории, для более полного удовлетворения спросу. А то, что химии ещё нет и ничем не замаскировать изменение вкуса, так это ерунда.

Естественно вопросительно стрельнул взглядом на один пирог.

— Это государь, с варёной колбасой, чесночком и сыром!

— А этот? — Не удержавшись, спросил в слух и ткнул в его сторону пальцем.

— С копчёной, а также солёными огурчиками и грибочками!

Перст неумолимо переместился к следующему.

— С запечённой, облитой сметаной, и посыпанной хреном!

Но этот увлекательный процесс был бесцеремонно прерван. Ну не то что бы, но в приоткрывшуюся дверь просунулась голова Прохора, что естественно сбило настрой.

— "Господи, что там произошло?!!!"

Не просто так эта мысль мелькнула. Там бы в будущем, его явление в момент государственной трапезы, это минимум ядерная война началась, и срочно нужно бежать к чемоданчику.

— "Его же жена убьёт! Видать что-то действительно серьёзное!!!"

— Говори. — Обратился к своему няньке, наконец, остановив бешеный бег мыслей.

И правда, чего гадать, проще узнать.

— К вам, государь, ваши дядюшки.

— Тфу, и ты из-за этого.... — Но на полуслове остановился.

— "Стоп, это же Князя Юрий и Михайло Васильевичи, но им-то чего надо?!" — Удивился я мысленно.

Мне они оба не нравились. Первый был думским боярином, не плохо он на той истории с выходом Бельского поднялся. Второй, оказал куда ловчей и получил знатный сан Конюшего. Припал, что называется, к колодцу. Великокняжеские конюшни были огромны, и потому мимо конюшего проходили огромные материальные и денежные средства. По их величине уступали лишь казне, а по бесконтрольности невозможности всё точно учесть, оставляли далеко позади всех. Мир, как говорится, не без добрых людей. Мне уже рассказали, как ручеек и не маленький, прилипают к его загребушим ручонкам.

Эта парочка напоминала голодных мух и никак от этой ассоциации отделаться не мог. Послал же бог родственников. Может это и наветы завистников, но зачем тогда такая ожесточённая борьба вокруг этой должности. Видать, вкусна в том колодце водица, вот и рвутся. Да и доступ к моему телу получают прямой, а там, глядишь, и ещё каких плюшек перепадёт, даже возможность пристроить детей и родственников поближе к власти не малого стоит.

— Пропусти. — Прозвучала просьба к Прохору.

Дверь-то была открытой, вот и услышал. Судя по голосу Михайло.

— "Хм. Не захотел ссориться, понимает, что тот куда ближе ко мне и за него могу, кого хочешь в элитную тюрьму направить, для вправления мозгов". — Успела сформироваться мысль.

Он же, пользуясь своим положением и родственными отношениями, затащил ко мне в трапезную и своего брата Юрия, без моего дозволения, оттеснив таки моего няньку. От такой наглости аж прям опешил. Он что, забыл кто он?! "Царский слуга" и не более! Взрослые люди, сами имеющие огромную власть, сопротивлялись тому, что должны прислуживать, тем более мне, ребёнку. Только вот дети имеют странное свойство взрослеть, и почему-то они помнят все детские обиды.

Шуйский был изначально обречён, я всего лишь ускорил процесс. Вот и эти на его место рвутся. Наглость конечно второе счастье, но надо и честь знать. Ох. Чувствую быть им обоим думскими боярами, с традициями и мне приходится считаться, а то и этого бы им не светило. Но даже намёка на влияние лишу, не будь самим собой. Такие вещи никому не

прошу, а-то сядут на шею и капец всем планам.

— "А мухи-то отъелись, залоснились!" — Пробилась сквозь возмущение мысль.

— Ты кушай, кушай дорогой племянничек. Мы зашли переговорить о малости, сущей безделице. — Слащаво начал разговор Михайло.

— "Они, что меня совсем за дебила держат?! Они бы ещё сюсюкаться начали". — Подумал, и поморщился, от пришедшего на ум.

Видимо, всё-таки он приглядывался к моей реакции и потому начал говорить скороговоркой.

— Понимаешь, Иван, большая власть будет у Головы "Ближней Рады". Им должен стать верный тебе слуга. Юрий, вот нужный тебе человек!

Какая же тоска меня охватила в тот момент. Как же обрыдли мне эти властолюбцы. Вот и эти не имеют своих сил, так решили как настоящие герои, в обход и с использованием тяжёлой артиллерии, в моём лице, поучаствовать в дележе должностей.

Новгородцы, только и могут, что обирать своих же, зато гордятся умением торговать, а что они сами-то сделали. Редкие исключения погоды не делают. Обычные посредники, которые и разбоем не гнушаются. Московские, только и знают, как отираться вокруг двора. Глядишь, чего и скомуниздишь с великокняжеской казны.

Нет, все они чего-то для страны делают, но это вынужденная мера, такой способ нагадить соперникам. Хотя смутное время доказало, что только фигура Великого Князя и заставляет их совершать хоть что-то на благо отечества. Безсеребрянников мочат первыми, чтобы не мешались. Как вообще в той обстановке Минин и Пожарский чего-то смогли организовать и уцелеть при этом?

— Трофим. Трофим мать твою! — Крикнул я.

В трапезную ввалился растрепанный дьяк, с сонными глазами и вопросительно уставился на меня.

— "От скотина, дрыхнет! Тут государя отвлекают, можно сказать голодом морят, а он...".

— Спишь, ноги в руки и бегом к кремлёвцам! Скажи, чтоб прислали сюда парочку и собрали сюда же бояр и всех окольничих, нового митрополита прихватят пусть.

Но видимо к яви он ещё не перешёл и потому, рванув из трапезной, врезался в косяк.

— Бездельник, выгнал бы, да вот беда, полезный.

Дядья мои заволновались и стали переглядываться.

— Государь, погодь, такие дела решаются среди ближников. Не надоть никого. — Взял слово Юрий.

— "Опа! Вспомнили, наконец!"

— А вот это мне решать! — Резко высказал я и решил уже чего зажевать, пока всех приведут, но не тут-то было.

Такое чувство, что все они только за дверью и дожидались, когда их позовут. Трапезная не "Грановитая палата" и здесь вмиг стало тесновато, не то что бы очень, но как-то привык уже к пустоте. Даже заказанная парочка кремлёвцев явилась позже. Оказалось, что про места для сидения на такое количество народу не подумали, и сейчас в комнату затаскивали лавки. Наконец, все расселись и уставились на меня.

— Сладко ли тебе елось и хорошо ли спалось? — Спросил своего дядю Михайло Васильевича.

— Благодарствую. — Ответил он мне и недоумённо уставился на меня.

Оно же отразилось и на лицах всех здесь присутствующих.

— Так зачем же ты крал у меня? Что молчишь, аль не думал, что узнаю?! В темницу его!

В этот раз охрана тушеваться не стала.

— Государь! Племяш! Наветы это всё завистников, да я за тебя....

Я же спокойно продолжал смотреть на него, пока его не вытащили из трапезной. Ох, чего мне это стоило, сколько же пены хотело вырваться наружу. На лицах присутствующих мелькали совсем разные эмоции.

— Теперь займусь вами. — Переведя взгляд на собравшихся, угрожающе произнёс в пространство.

Этим заявлением вызвал не шуточное волнение у присутствующих.

— Не в темницу вас садить собрался, успокойтесь. Не терпится вам, погляжу. Неужто без меня решить не могли?!

— Да как же тут решишь-то, коли дядьки твои к вам же и побежали. — Встав, проговорил Алексей Адашев.

Ох, как на него за это посмотрели. Если бы взгляды убивали....

— Без мест я сказал! — Решил вмешаться в набиравшую силу молчаливую бурю.

— Кому говорил, что вы сами себе его выберете? — Обратился к своему протезе.

— Так ежели он вам не приглянется, не быть ему никогда им!

— Что он, красна девица, что бы мне нравится! Если не замечен в измене, то почему против быть?

На некоторое время установилось молчание. На такую постановку вопроса ответить было нечего.

— Тут небось каждый бы желал стать Головою Ближней Рады, да понимаете, что не у всякого силёнок хватит. Так кто, по-вашему, должен им стать?

— Самый уважаемый и достойный. — Пробасил Иван Васильевич Шемяка, степенно встав с лавки.

— Значит ты?

— Нешто не смогу?

— А не много ли на себя взять хочешь? Мало тебе Головой Думы быть? — Прищурившись, решил прояснить я.

— Так это, для примеру! Кого укажешь нам, тому и быть первым!

Ловок, оказался, ишь как лихо выкрутился из щекотливой ситуации. А все остальные молча уставились на меня, будто действительно всю жизнь так считали. Да...Вопросец.

— Вот моё решение. Головою Ближней Рады станет Алексей Адашев.

Только что челюсти по полу не загремели! У некоторых и правду рты приоткрылись от удивления, а глаза-то глаза какие круглые у людей бывают!

— Я человек конечно новый, но не молод ли он для такого высокого поста? — Наконец, разродился, после целой минуты мёртвой тишины и переглядываний, Макарий.

— Значит, защищать Великого Князя от людишек Шуйского, в самый раз, а здесь, пусть подрастёт?! Пока одни заговор учиняли, а другие по своим дворам спали, он делом доказал, что достоин и большего. Всё, надеюсь, с этим вопрос решён?!

В ответ была лишь тишина. Только новы й митрополит смутился, а остальные вроде и не причём.

— Тогда дальше. Нехорошо конечно, когда сын впереди отца, но выше него пока только я! Однако отец его, Фёдор Адашев станет боярином, меньшему не бывать.

Тут никого против не нашлось, более того данный пункт, судя по выражениям лиц одобрили все.

— Головами приказов, тех, что я разрешил возглавлять боярам, поставите сыновей, да не тех, что вам любы, а тех, что умней будут. Покажут себя, станут боярами. Ежели нет, то не обессудьте, в опалу попадёте вы!

— Государь, дозволю узнать, за что же обоих наказывать-то? — Опять решил высказаться Шемяка.

— Всё просто, вы же будете у них советниками и наставниками, а значит и неудача будет у вас двоих. А наказание, за то, что нерадивых хотели протолкнуть! Так что думайте, кого приведёте!

Такая задумчивость на бояр тут напала, один Макарий старается незаметно оглядываться. Чувствуется что пока он лишний на этом празднике жизни.

— Ещё, решил дать выбор для княжеских и боярских родов. Ежели отслужили они мне не меньше трёх колен, причём последние 10 и более лет, то могут они тогда отказаться от службы и перейти в податное сословие, вместе с землями и иной собственностью, которую получили за службу. Такое можно сделать только один раз, больше в служивые люди они и их дети так просто не попадут, только на общем основании.

Немой вопрос: "Да какой же дурак на такое согласится?" — повис в воздухе.

— Однако за ними собственность закрепится навсегда и даже Великий князь, то есть я, не смогут её отобрать, только за долги. Даже за измену, только казнь, а ежели наследники продолжат жить здесь, а не сбегут за рубежи нашего государства, то всё останется за ними. Вот если никого из них не останется на Руси, только тогда всё перейдёт к казне. Также на них не будет распространяться правило по передаче титула, все их дети его получают.

Всё одно, продолжали молчать. Но по глазам было видно, мысль заработала. Кнут был, а теперь пряник появился, но понять к чему это, ещё не успели. Да всё просто, чтобы сами отреклись от местнического счёта. Хочешь всё сохранить, пожалуйста, однако всё с чистого листа, в ином случае, терпи. Никто не виноват, сам согласился.

— На принятие решения, всем будет дан год!

Напряжение от моих слов стало спадать.

— Смотрю, пока вас не толкнёшь, вы не сдвинетесь, но на сегодня пока всё, завтра продолжим на Думе. К концу дня, чтобы знал всех глав приказов. Не исполните, назначу сам.

Уже за вечерело и в трапезной стало темновато.

Народ, степенно, без суеты стал покидать комнату. Я же устоял на остывшие пироги, к которым так и не прикоснулся. Раз Великий Князь не ел, никто не посмел к ней и притронуться. От охватившей тоски грустно вздохнул. Горячую свежую еду быстро выставляли на стол расторопные слуги. Вот и просвистел, как пуля, этот день, когда только успел?

За дверью же бояре, окольничие и митрополит не спешили расходиться.

— Как тебе Великий князь? — Спросил Шемяка у Макария.

— Чудны твои дела, Господи! Не уж-то он сам Шуйского сместил?

— Не совсем, вон Андрей Фёдорович расстарался. Но что не говори, не в отца пошёл, и деда! Дела.... Недаром того "Грозным" называли. Им никакая Елена не покрутит. Ежели найдёт своих Холмского и Щеня, тогда, вообще, держись.

— Да уж.

— А ты Андрей смотри не зазнайся. Найдется и на тебя укорот. Сейчас-то ты в любимчиках, а жизнь она длинная. Никогда не знаешь, как обернется. Вот опять своими игрушками в Туле займется государь, и чего делать тогда будешь? — Продолжил Иван Васильевич.

— А ты не стращай, пуганые.

— Ишь молодёжь, какая борзая растет. Им палец в рот не клади, по самый локоть откусит. — Рассмеявшись, сказал Голова думы.

— Чего делать-то будем? — Задал вопрос один из Морозовых.

— Чего, чего, исполнять! На всё воля божья. Видать наверху виднее было, когда не получилось возвести Старицкого на престол. Завернул тогда Телепнев- Оболенский. Елена всё-таки стерва! Прости меня господи, за слова ругательные. — Сказал Шемяка и перекрестился.

Понемногу видные люди Великого Княжества Московского стали расходиться. И понеслись гонцы, во все стороны от Москвы, на ночь глядя. Быстрее гонцов полетели слухи один диковиннее другого о предстоящей войне с Казанью, об опалах и взлётах и много ещё о чем, но все сходились в одном. На Руси появился один хозяин!

Всего этого я не знал и, отужинав и отстояв вечерню, пошёл спать. Иногда годы пролетают как мгновения, иногда мгновения растягиваются на годы. В эти дни решалась судьба государства, каким ему быть.

На следующий день спозаранку опять собралась Дума. Кота за хвост тянуть не стал, а потому, полетели вопросы. Первым огрел по голове тёзку.

— Вот подскажи мне, уважаемый Иван Васильевич, кто у нас занимается пушками?

— Так пушкарни, целая слобода есть в Москве.

— Это и так знаю, а кто из бояр ими занимается?

— Если надо, то все решаем, а так, никто.

— Выходит, сколько каких пушек лить и куда их ставить загодя не планируют, а тогда откуда цифры берутся?

— Так воеводы прошения пишут, а козна выделяет деньги, ежели будут.

— Выходит, если спрошу, сколько и где каких пушек у нас есть ответить некому?

— Почему же, у дьяков в книгах все до единой записаны.

— И они сразу ответят?

— Не смогут государь. Только куда какие отправляли, надо будет у воевод грамотки спрашивать, где они находится.

— Вот потому и требую, Приказы создать. Чтобы было кого спросить, и они могли всё рассказать! Ну-ка Тихон, подскажи, где у нас пушки льют?

— Великий Княже, делают их во многих городах. В Москве, Туле, Твери, Новгороде, Пскове, Копорье, Ямах, Кореле и Устюжене-Железнопольской, но на станы ставят только в столице.

— Изрядно! Это что выходит, мы за год полтысячи пушек отлить можем, если не более?! Мне кто-нибудь объяснит, зачем так много мест их производства?

— Так где мастерские есть, там и льют. — После установившейся тишины, ответил Прохор, решивший спасти коллег.

Теперь он официально участвует Думе, как глава Приказа дел Великокняжеских. Хотя

от должности няньки его тоже никто не отстранял.

— Вот мое повеление, его главой станет Андрей Михайлович Курбский. Если рядом со двором нельзя поставить плотину под водяное колесо, подобрать для такого двора новое место. И новые и те, что есть, переделать в кирпич. Московский расширить. Но общее количество уменьшить до 5—6. Также ему заниматься и Зелейными дворами. Где они кстати?

— В Пскове, Вороноче, Острове, Костроме, Коломне, Серпухове, Муроме, Боровске, Туле, Переяславле-Рязанском, ныне Рязани Великий Княже. — Не растерялся и быстро отчитался, на этот раз Тихон.

— И тут та же история. Значит и с ними поступим так как и с пушкарными. Ты Александр Фёдорович запоминай, тебе следить. При тех и тех будем строить соответствующие Воспитальные дома. Сии заведения будут в ведение Розмыслового приказа, а также одноимённые и стрелецкие, где будут учиться командиры и воеводы для всего войска. Дело сие важное и потому отлагать назначение главы не буду. Им станет Воронцов Фёдор Семёнович.

Смотри, как засиял, ну чисто рубль юбилейный. Вот и второй благодетельствованный сегодня. Бояре явно оказались не готовы к такой скорости принятия мной решений и соответствующих назначений.

— Так, Теперь перейдём к Морскому приказу. Так вот тут заниматься не только теми кораблями, что я заложил, но и обеспечением судовой рати. Да, кстати, войско это будет подчиняться только ему и воеводам согласовывать их участие в походах придётся. Только организовывать его будем иначе, вы, кстати, обдумайте как, также сделаем и для моря. Флот будем строить на Белом. Мастера у нас есть, даже вот одного розмысла подыскали, но нужно больше.

На некоторое время прервался в раздумьях.

— Зачем государь там флот-то? Там, окромя, медведей белых никого и нету. — Решил уточнить Голова Думы.

— Это сейчас. Когда проложим торговый путь в обход Ливонии, Швеции и Дании, будут. Токмо кораблики и крепости там должны быть уже наши. Пока же лес начнём для них готовить.

— Северное лето короткое, что увезём-то за него?

— "Вот ведь пристал!" — Мелькнула раздражённая мысль.

— Не ваша забота, что надо будет. Это ещё не всё. Заводы, что за мной записаны, передам в казну. Ими займётся Торговый приказ, он же в ответе за сбор налогов и пошлин. Мои конюшни отходят под него. Будем делать конезаводы. Места подберёте. Негоже их из-за пределов Руси ввозить, своих надо иметь и самых лучших. Его возглавит Иван Иванович. — Ответил вслух и опять задумался.

— Это какой же? — Всё никак не унимался Шемяка, будто ему больше всех надо.

Хотя, ему по должности положено. Третье лицо в государстве сейчас.

— "Кстати, а Адашев чего такой сегодня вялый?"

— Рудак-Колычев. Приказ Большого Двора займётся и стройкой и укреплением крепостей. Ставить будем новые крепости по Волге и Дону до их схождения, а также по Северному Донцу. Места, где они надобны подберёте. Дороги на Русь от татар и ногайцев закрывать надобно. С этих крепостей к ним в гости сподручней дружине ходить будет.

Работы много для всех намечалось. Хватило бы средств.

— Извини за дерзость Государь, но там же сейчас казанцы и другие бусурмане. Как

ставить-то крепости?

— А вы думайте. Даже наверно ты лично Иван Васильевич. Быть тебе головою этого приказа. Тем более, мы нынче же собрались Казань зорить. Значит, думайте, как это сделать так, чтобы некому мешать было!

На лицах присутствующих обозначилось серьёзная задумчивость. А они что думали, власть получить за так?!

— Теперь вернёмся к текущим делам. Забыл я спросить, чего там насчет мира с Литвою.

— Упираются Королевские Паны. Не хотят размена пленных. Требуют за них Чернигова и других шести городов поменее, — ответил Шемяка.

— "А машинку им губозавертательную не надо?!" Ишь, чего удумали. Порешим так, ежели к лету насчёт мира не урядимся, пойдём на них войною.

— Господь с тобой! Мы с Казанью воевать будем, ещё и Литвою! — воскликнул Макарий.

— Так мы серьёзно воевать и не станем, попугаем немного, чтоб сговорчивей стали, да на этом и всё. Хотя, пусть послы намекнут на возможность моего брака.... С кем там у них?

— Больше всего подходит Екатерина Ягеллонка, — неожиданно вставил Голова Рады.

— Пусть с ней, без разницы, всё одно пока рано. Если и тогда будут упираться, вот только в этом случае пригрозить. Хотя нет, скорее намекнуть, воевать действительно не с руки. Кстати, Александр Фёдорович, вот ты и организуй посольство, заодно займёшься и этим приказом.

Облегчение на лицах никто не скрывал. Казалось бы, чего там пообсуждали, но неожиданно наступил обед. После него у Великого Князя Всея Руси были намечены иные мероприятия, так что Дума на этом закрылась.

— Прохор, это что за ворох бумаг?

— Так жалобы челобитников, государь. С утра посадили писарей и записываем, а также кто податель сего и как его сыскать.

— А зачем? Ну да.... Невместно мне с ними встречаться. Постой, так это столько людей сюда приехало за защитой.

— Далеко не все, многое передано через священников. Не многие могут сами приехать, а ежели добрались, то долго ждать приёма, вот и постарались хоть через настоятелей.

— "Ёшкин кот, сколько же их скопилось!" Ну, что же Тихон читай.

Были, конечно, и курьёзные жалобы, но подавляющее большинство на беззаконие наместников. Когда люди не находили правды на местах, оставался один заступник, государь. Чем больше их зачитывалось, тем сильнее темнел лицом. Необходимость реформ просто вопила. Начатых, тут было недостаточно, но столько сразу проводить, тоже не дело. Реформировать всю систему власти надо. Вот и толкаю Приказы вперёд.

Только одному это не под силу. Единомышленники нужны! Потому и настаиваю, чтобы главами стали молодые.

Найдутся. По глазам Адашевых видел их жажду деятельности, да и бояре тоже хотели перемен. Чем-то они напоминали людей в нашу Перестройку. Не утробить бы их энергию и не обмануть.

Пока же понял, что это не дело, ну прочитают мне всё это, а толку-то. По моему указу, уже к вечеру будет Глава Приказа и ему заново всё разбирать. Бесполезно пытаться делать

всё самому, но и тянуть тоже, да и чего конца дня ждать, сейчас надо кого-то подобрать. Вот только с бояр требовать кандидатуру, нет уж, тут нужна как бы не их противника. На ум никто не приходил.

— "Хм, а может Александра Фёдоровича напрямь, у него голова большая." Трофим, ну-ка позови мне сюда Главу Рады.

Прохор тут же заменил убывшего и попытался продолжить.

— И ты постой, сейчас разберёмся с одним вопросом, а там будет видно.

Но чего-то посыльный пропал, на самом деле ненадолго, но для меня, чуть ли не подпрыгивающего от нетерпения, показалось, что за смертью ушёл.

— Прибыл по вашему повелению. — Начал с поклоном Адашев.

— Начали мы сегодня читать челобитные, и понял я, что Глава сего Приказа нужен уже сейчас и вечера ждать не с руки. Вот и хочу услышать твою кандидатуру на этот пост.

— Василий Михайлович Захарьин!

— "И ведь ни на секунду не задумывался! Хотя чего ожидать, его отец, в своё время, проталкивал во дворец ко мне в постельничие стоявшего передо мной, а кабы не это, не взлететь ему так высоко. Долг платежом красен. Уважаю! Да и кандидатура, сам бог велел. Всем противникам противник почти для любой боярской группировки. Только не дать ему через-чур уж усилиться, а то Романовы могут и с другой фамилией оказаться, но всё равно из его рода." Хм.... Было бы конечно неплохо, если бы он согласился, но не думаю, что быстро удастся его призвать. Может, кого помоложе, да поближе? — После раздумий, проговорил я с ноткой сомнения в голосе.

— Так в Кремле он уже, вмиг предстанет перед вами.

— "От ё.... Получается все стороны подтянули уже силы, один я вечно не в курсе." И давно он тут?

— С утра!

— Что за нужда его привела сюда?

По тому, как он замялся, стало ясно, что на ходу причину придумать не успел.

— Понятно. И давно ты его вызвал?

— Вчера вечером.

— Так понимаю и не одного его. И много вас таких, быстрых?

— Так почитай все. Только вот большинство далече от Москвы и не все успеют к вечеру. Сговариваются просить вас погодить с назначениями, чтобы все прибыли.

— А зачем?

— Что бы представить вам, для выбора.

— Они что девки, на них глядеть? Вот! Вы сами их назначите и ответите, если не покажут себя, но Приказы в любом случае начнут работать завтра, даже если их главы не приехали.

— Так как это?!

— Просто, кто кого проталкивает, тот за того и будет работать, пока его дождётся, а спрашивать начну сразу, так что думайте! И зови уже Василия Михайловича.

Действительно, долго ждать не пришлось. На этот раз всё по протоколу, формально, приглашённый, пока просто боярин, а этого зверья у нас хватает. Были и положенные поклоны, не с моей стороны, естественно. Правда, "сурдоперводчики" никуда не делись. Хотя, хотел, поначалу, ликвидировать эту прослойку между мной и собеседником. Здравомысляя, решил оставить. Обломно мне было орать, да и голос детский, не солидно

выходило. А вот этих ухарей, как раз за громкость и звучность подбирали. Эдакий, мегафон при государе. Только запретил повторять сказанное мне и появился такой новый пункт в правилах, посетители должны чётко и внятно говорить, и так, чтобы государь, не напрягаясь, расслышал.

Положенные слова сказаны и вот установилась тишина. Им говорить не положено, пока ничего не спросили, я же молчу, с любопытством рассматривая кандидата.

— Сказал ли тебе Александр... Фёдорович, что за должность хочу предложить тебе? Довольно тихо проговорил, с заминкой перед отчеством своего протеже.

Как бы намекая, что молод тот, а вон, куда уже забрался.

— — Повторили уже громко, но без всяких заминок перед отчеством.

Пришлось морщиться, корчить страшную рожу и коситься на этого дубину. Толку-то. Попытка убить взглядом Прохора ни к чему не привела!

— "Твою же...! Как бездарно провалилась попытка поиграть словами!"

— Да Государь... Всея Руси. — Степенно ответил Захарьин.

Ещё бы, боярское достоинство тоже ронять не стоит, да и поклониться не забыл, всё же Великий Князь, а вот заминка меня рассмешила, явно "батюшка" должно было быть продолжением, хотя, как бы рановато, но выкрутился. Хоть немного отвлекло.

Наконец, Голова Приказа Делов Великокняжеских отреагировал и приблизился ко мне.

— Ты где этого дебила нашёл?! — Яростно прошипел шёпотом ему в лицо.

— — Начал повторять этот кретин.

— Заткнись! — Уже во весь голос заорали мы оба на него.

— А ну пшёл вон! — Дал ценные указания, шёпотом, князь Мышецкий.

— Оставь.

— Стой, вертайся взад.

— Чтобы в ближайшее время с этим архаровцем ко мне.

Со стороны смотрелось это, похоже, странно. А и злиться особо не на кого, сам не озаботился, чтобы мои слова передавали не только громко и звучно, но и правильно.

— "Так о чем я там? А...!" Так вот! Должность эта особая, и от того как ты радеть на ней будешь, так обо мне и будут думать. Не только жалобы принять, но и подготовить решения и проконтролировать исполнение, да так, чтобы до меня доходили только те, что решиться иначе не могут. А за остальными следить тебе. В некотором смысле четвертым человеком станешь в Великом Княжестве Московском. А вот чтобы даже мыслей мошенничать не возникло, каждая челобитная записывать будет вон, в его приказе.

Последнее проговорил указав на Прохора.

— А вот ежели отметится она во второй раз, спрос будет особый, с тебя! Значит, плохо работаешь, не тех людей озаботил, плохо проследил. Нет, не думай, огульно обвинять не будем, подробно рассмотрим каждую такую челобитную. Со временем наживёшь ты немало врагов, могут и специально палки в колёса ставить, так тут у нас застеночки-то недалече, а потому и разговор с такими людишками будет особый. Сам понимаешь, ежели не оправдаешь столь высокого доверия, уж не обессудь.

Потом последовали уверения. Но вот то, что я его тут же схватил за хобот и потащил к вороху записанных челобитных, выбило его несколько из колеи. Не привыкли тут сразу и под танки. А ведь я предупреждал Адашева, а вот он смолчал, похоже, шельмец. Ну и ладно!

Василий Михайлович быстро стал гонять дяков и в хвост и в гриву. Да, у меня так пока не получится. Видно, как человек иной раз сдерживался, Великий Князь рядом, но чувствую,

крепкие словца под этими сводами прозвучат.

Последующие дни были заняты всякими утрясаниями. Станный был хаос, степенный и никуда не спешащий, но идущий к своей цели с упорством танка. Оставалось только с умным видом ходить, и давать советы, надеюсь к месту. Вот за такими делами меня и нашёл Трофим.

— Чего тебе?

— Тут купчина какой-то на встречу к вам простится. Де мол привёз ваш заказ.

— Кто таков?

— Да бес его знает, немчина какой-то, вроде германский.

— Точно?!

— Говорит с какого-то городу, но толмачь уверяет что оттуда.

— "Блин, не помню я что-то ничего такого. Вроде и не старый!". Так, будем считать приём мелким, не посол поди, так что бояр не беспокой, только Прохора кликни. Пойду взгляну, что за птица и чего ей на самом деле надо. "А заодно время убью".

Купец завёл речь, через толмача, о каких-то семенах, которые, де у него заказал.

— "Какие семена, чего он несёт?!" Чего-то не припомню.

Тот стал пояснять, что было это почти шесть лет назад.

— "Мать моя женщина, это же когда было! Я и забыл совсем! Так чего-то смутно помнил и то не уверен, что не напридумывал!" Так показывай.

Честно, опознать смог только кукурузу и семечки. Остальные, темный лес. "Царица полей", тоже какая-то странная. В одном мешочке нормальная, хотя, скорее мешке, килограмм на несколько, а в другом зернышки разноцветные, наверно испортились. Подсолнечник, в не меньших количествах, полосатый, кстати, как в деревне у бабушки был.

Остальных было поменьше, так, по несколько горстей. Долбануться, я столько сразу отродясь не видел. В магазине в пакетиках поштучно, а тут столько! Решил всё-таки уточнить, чего это за такое.

В трёх мешочках были семена ядовитых томатов.

— "Помидоры что ли? Точно, сок ведь с них томатный!"

Ещё в двух, далеко не полных, кстати, перцев из Нового Света, но купец выразил сильные сомнения, что они будут расти в Московии.

— "Зажал скотина! Хотя его понять можно, товар дорогой, ходовой. Вот насчёт последнего посмотрим."

Это становилось интересно. В последних семи, семена каких-то земляных плодов, которые едят глупые индейцы.

— "Картоха, что ли?! Но почему такие длинненькие. Интересно, а как выглядят семена картофеля? Я не знал, и спросить не у кого. У воображения тоже силы не хватила их затолкать в те кругленькие шишечки, что на месте цветов появлялись."

Честно говоря у самого от предвкушения, того что смогу наконец поесть картошечки жареной, аж слюни потекли. Разнообразие продуктов на Руси было велико. Растили почти всё. Была даже спаржа. Единственно напрягали огурцы. Ну что за дурацкая мания солить их здоровенными. Хотя в кадке наверно другие и не посолишь. И вот на фоне этого изобилия такая реакция, на простое, в общем-то, блюдо.

— Прохор, выясни чего там с ценой.

Когда же она была названа....

— "Может удавить его по-тихому! Хрен с ним! Вдруг еще, когда сгодится."

В общем, рассчитались с купцом сполна, но окружающие на меня недоумённо смотрели. Да и ладно, мы не гордые, но хорошо смеётся, лишь тот, кто смеётся последним. Блин, ведь уже конец февраля, перец нужно высевать на рассаду. После того как удалился этот деятель торговли, приказал всё тащить к себе, сам же рванул вперёд.

Первым делом затребовал плотников, ящики для рассады делать. Суета моя оказалась напрасной. Быстро их не сделают, только к завтраму. Ну и ладно! Землицы, зато надолбили, пусть размерзается. А вот жажда деятельности никуда не пропала. Пришло, значит, время напомнить про историю с приёмом.

Что могу сказать в итоге. Солнце абсолютно точно встаёт на востоке, а садится на западе. А всё к тому, что дело оказалось гиблым. Никак биологический заменитель громкоговорителя не мог в точности передать интонации и задержки, чтобы сохранить смысл сказанного. Проще надо быть, ближе к народу. А ларчик открывался просто. Сам попробовал сначала тихо сказать, а потом проорать, почувствовать так-сказать разницу. Была.... Ещё какая!

— Иван Васильевич.

— "Опять Таисия, только она так ко мне обращается, да на приёмах всяких, но там с кучей титулов". Что опять обед?

— Да. Совсем вас в трапезной заждались.

Блин ну вот как она умудряется так потупить взор, что остаётся ощущение будто напакостил чего и теперь вовек не отмыться.

— Туда не пойду, сюда несите. Кстати, Прохор выпроводи глашатого.

— Но здесь совсем места нет!

— Отрежьте кусочков, нечего блюда размером по полсажени таскать, всё одно столько не съем.

— Так нельзя!

— Мне что, указ написать? Трофим!

— Как скажете....

— Вот именно! Прохор, вот ты мне скажи, почто со своей женой не можешь справиться.

— Извини государь за вопрос мой дерзкий. А кто сможет?

— Особливо после того, как я её из монастыря вернул. Правильно, кому охота из-за всякой ерунды в опалу попасть, но ты-то!

— Люба она мне.

— М-да. Таисия, не понял, а ты что подсушивала?

— Нечаянно.

— А чего плачешь?

— От счастья.

— А ну прекрати. "Блин мне эти беременные женщины, всё-то у них не как у людей." Тебе же скоро рожать, а ты всё на ногах, в конце-то концов, подбери себе замену.

— Иван Васильевич, вы меня выгоняете?

— "Тьфу, женская логика непобедима!" Нет, конечно!

— Значит, я пока побуду во дворце.

На некоторое время установилась тишина разрываемая звуками сервировки стола. Похоже, здесь решили устроить трапезную в миниатюре. Однако выглядывающий из-за косяка Трофим выбивался из общей картины.

— Точно!

— Что случилось государь? — Отреагировал, на мой восклицание, Прохор.

— Трофим, подь сюда, да для письма всё захвати. Слушайте сюда няньки мои добрые. А сотворим мы сейчас указ, по которому, в особом порядке, по именному моему дозволению, написавшим прошение разрешать переводиться в податное сословие, из тех, кто по главному указу на это права не имеет. И первыми будете вы.

— За что?! Не виноватые мы! — Завопили они хором.

— Вы что, с государем спорить вздумали?!

— Нет!

А сами уже на коленях на полу.

— А ну встаньте, не опала это вовсе и ничего после не поменяется.

— Как это? — Сорвался вопрос с уст Таисии, после чего она зажала рот ладошкой в испуге.

— Просто, вы-то мне и нужны, как самые близкие и верные мне люди, чтобы показать всем, что ничего от этого не поменяется. Мне ведь это надо, если кто не справится, чтобы его можно было просто отправить в поместье или имение и чтобы никто тут про старину уже не вякал! Не в опалу же садить, и тем более головы рубить!

Ожидание сборов затянулось. А пока суд да дело насиловал Воронцова. Не самого конечно, мозг ему выносил. Не вечно же надеяться за заграничных медикусов. Лечение надо как-то систематизировать и желательно, чтобы это сделали наши. Потому ему и досталось, как главе Розмыслового Приказа. Пускай, значит, знахарок и знахарей собирают, будем Знахарный Воспитальный Дом делать. До кучи не повезло Фёдор Семёновичу ещё и от того что про горчичники вспомнил, и банки. Последние, можно ведь и из глины лепить, главное поливой покрыть. А вот в связи с первыми всплыло и про поиски горчицы, и почувствовал Воронцов, что Приказом этим его отнюдь не облагодетельствовали.

— Фёдор Семёнович, неужто нельзя ничего сделать? Самим-то её выращивать никак?

— Не знаю, Государь.

— Так узнай, поспросай. Ежели никто не пробовал, то спытайте. И ещё. Послать бы кого на юг, к Ногайцам. Должна она там сама где-то расти. Не обязательно такая же, но похожая. В общем, семян её добыть тоже надо и также попробовать, будет расти или нет.

— Всё исполним, в точности. Не сомневайтесь!

— Ладно, Фёдор Семёнович, задерживать мне тебя не с руки. Тебе вот дьяков озадачить надо.

Заодно порешали, что же считать государевой службой. Признали таковой не только воинскую, но и в Думе, в Ближней Раде и Приказах, во дворцах великокняжеских, а тако же на должностях в Губах. А вот обсуждение, кого принудительно переписывать в податное сословие, вылилось в ожесточенные споры.

— Великий княже, да как же это, хворых и так сразу.

— Если больные, почто прошение не написали? Или может, решили переболеть неудачное для себя время, ведь после грамотки обратно не вернуться. Либо сами выбывают, либо весь род в податное сословие выпинаваем! Нам хитрожопые на службе не нужны! Вы что же думаете, будто мне не ведомо, большая часть таких больных, только сказывается таковыми?! Лишь бы не служить под более худородными, по их мнению. Вы у меня узнаете, кто выше, Великий Князь или счёт местнический!

— Государь, это же поправление устоев! Ведь ежели они согласятся, то убыток всему роду, кто их тогда простит!

— А в ином разе я точно никогда! Это что ещё за безобразие, хочу иду на войну, хочу дома на лавке валяюсь, и это воеводы! И вот из-за таких постоянно сборы проводить приходится. Земля им дадена за службу, а не за прихоти! Указ есть, нет уже сил, пускай прошение пишут, а там хоть с кем родовитостью меряются. Сами не смогли, под зад мешалкой. С обычными воями вон всё просто, не можешь сам, кого другого выстави, но чтобы боец был, а тут, развели, понимаешь болото! С вами посоветоваться решил и вы туда же, значит, так напишем! Запомните, хотите вы или нет, но порядок в Великом Княжестве Московском будет!

Опять установилась тишина. Вот ведь, до чего разозлили, прямо не знал как дальше речь вести. Со скрипом тот указ продвигался, а потом это перестало иметь значение, поскольку в податное сословие, через несколько лет, формально перешли почти все. А кто нет, тому

было наказание такое.

Наконец-то прибыли Воротынские. Войско уже всю собирает. Отродясь не думал, что мы способны столько выставить. Желавших идти зорить Казань, было хоть отбавляй. Под это дело подтянулись и ушкунники и другой разбойный люд. Одних Казаков, набралось больше 15 тысяч. Откуда столько? Никогда ведь такой ордой не собирались. Несмотря на прямые запреты, всё одно шли и некоторые утверждали, будто там уже около 200 тысяч. Какое зорить, они же, как саранча всё постригут! Ожидать, что поход получится легким, конечно, не приходится, но и остановить такую силищу там некому.

Воротынских принимали на Думе. Кроме Ивана Михайловича прибыли два его сына: Михаил и Александр Ивановичи. Но бояре упорно таращились на моих нянек, будто от них зависела судьба мира. Да, теперь они в даточном сословии, но почему-то от этого их от моего тела не удалили, более того, они по-прежнему в фаворе. Мысли "высоких людей московских" бились над неразрешимостью сей загадки. Не верю я, что слухи, вырвавшиеся из той комнаты с Трофимом и остальной челядью, до них не дошли. Но взоры такие, как будто какой заговор нашли. Так что пока массового, да никакого, вообще, наплыва с прошениями не наблюдалось.

Чего хотел добиться, вызвав троих этих князей, так и не понял. Никого они мне не напомнили, но отступать уже нельзя. Посидели, порядились и назначили Ивана Михайловича Большим воеводой в поход на Казань. Сыновей записали обычными. Посмотрим, чего с этого всего выйдет. Посоветовал на прощание заехать на Пушечный Двор и взглянуть на новые пушки. Несколько уже было готово.

Вот и всё, больше от меня в этот момент ничего не зависело, и засобирались на стекольный завод и бумагоделательный. Войны, здесь не такое и спешное дело, да и Ближняя Рада накой тогда?! Помидоры вроде неплохо взошли, а вот перцы чахлые и их не так и много. Догляд за ними возложили на человечка из садоводческой слободы. Немало бесед провел с ним о возможности получения яблочного уксуса, нечего виноградный из-за тридцати земель завозить, ежели свой получим. Обязательно и ещё в этом году. Остальное сеять будем неподалёку от Коломенского.

По Никольской улице ехала тройца всадников. Китай-город бойкое место, потому князя здесь никого не удивляли. И повыше птицы пролетали. Жизнь кипела и бурлила. Торговых рядов было много. То и дело пробегали мальчишки, продающие пироги в разнос.

— Как тебе Михайло, Великий князь наш? — Обратился старший из них к другому.

Эта тройца была семейством Воротынских, ехавшим на Пушечный Двор.

— Малец совсем.

— Ты на годы та не смотри! Вот погиб бы я, пока вы ещё в возраст не вошли, что не стали бы опорой матери вашей?

— Почему же?

— Вот! И ему деваться некуда. Ты от вопроса-то не уходи, говори, что думаешь.

— Не знаю отче. Не верю я, что он сам правит.

— Послушал тут, что говорят. Он и никто иной, бояр притесняет, молодёжь вперёд ставит. Вот и выходит, ему говорить спасибо надо, что из темницы нас выпустили.

— Отчего? Бельский нас выпустил!

— А его кто самого ослабонил? То-то же! Смотри, что он первое сделал. Казань воевать пошёл. Да не так как прежде, то хорошие они, то плохие, а на Русь грабить и те и другие

ходят. Как он там сказал. Кто не с нами тот против нас. Ежели там кто не из нашего войска, значит враг и нечего там.

— Что правда, то правда! — Согласился Михайло, не став спорить.

Вот так они и продвигались дальше.

На пушечном дворе их встретил Кондратий Михайлов.

— Вы что ли Воротынскими будете?

— Ты как аспид к князьям обращаешься! — Побагровев, заорал Иван Михайлович.

— Как велено, так и обращаюсь. Мне сам Великий Князь приказал вас встретить и показать новые пушки.

— Чего ты мелешь! Какой Великий Князь? Мы его сейчас видели, как тебя. Да ты смутьян, однако. В темницу захотел, это мы мигом.

— Сегодня, с утреца, спозаранку приезжал, обсказал, как и чего. — Сбавив тон, и видимо, желая уступить, от греха подальше, проговорил мастер.

— Ты язык-то попридержи! Знай своё место! Показывай, чего там велел Великий Князь.

Только после этого они пошли-таки на Пушечный Двор. Он совсем не походил на тот, каким был в первый визит Ивана 4. Кругом кипела работа.

Во дворе стояло несколько пушек. Небольших, но и не мелких, по здешним меркам. В углу сустились плотники. Не удивительно, станы и колеса для пушек делали только в Москве. В других местах производства, делали лишь стволы и готовыми их доставляли сюда, где их превращали уже в пушки. Раньше они делались под каждую свой, а ноне с появлением единых образцов, их стали готовить впрок. Получившиеся орудия, Великому Князю понравились, потому с них сняли мерки и рассылали на другие Дворы.

— Эти что ли нам смотреть велено? — Спросил старший Воротынский у мастера, указывая на те, что блестели свежей бронзой.

— Они самые! — С гордостью произнёс Кондратий.

— На чё тут смотреть-то? Мелочь какая-то. Я думал, какие новые Великие ещё удумали, а тут. — Расстроившись, высказал Иван Михайлович.

— Так и такие удумываем, токмо первая не по нраву Государю пришлась, теперь вот ломать надо. Ругался он нынче сильно. Досталось сегодня Каспару.

— Что за пушка такая?

— Под ядро пятнадцати пуд! Великий Князь хотели сначала сто штук таких отлить! Передумали, жаль. Покамест токмо десять отливать будем. Когда, правда, это будет?! Первую надо отлить вначале, да такую, чтоб лучше прежних была. Всё утро государь чего втолковывал Каспару, авось теперь всё получится. А энти пушки тоже хороши!

— Так и что в них такого, что сам Великий Князь нам велел их смотреть? — Несмотря на расстройство отца, стал допытывать Михаил.

— Не поверите, зверство это лютное. Калёными ядрами стреляют. Жуть. Тут ещё зелейщики для них нового зелья, по великокняжескому наказу сделали. Вообще страсть стала. Они посильней куда больших, что до этого лили, будут.

— Чего за зелье такое?

— Не в камнях оно теперь, а зерном мелким глаженным.

— Так какая разница-то. Всё равно растирать.

— Так это толочь не надо, а прямо так и засыпать. От этого благо великое.

— Что ещё за благо?

— Зелье-то не простое, а по великокняжескому рецепту. Для него ямчуг переваривают с

золой. Диво дивное становится. Ямчуг опосля мокнуть перестаёт и зелье тоже. Сушить такое почем зря не надо, лишь бы под дождь не попало, и в слякоти не валялось. Потому его теперь в бочонки малые засыпают.

— Ну ты и брехать, говори чего спрашивали, а не то худо тебе будет!

— Так я и рассказываю! Сделали зелье из нового ямчуга по старинке и засыпали столько же, так чуть стан не поломали. Зело сильнее вышло-то. Стали пытаться, сколько чего туда класть, всё согласно государевой воли. Таперича будет зелье одно для всего. Взамен 60 фунтов старого зелья, для 47-фунтового ядра, нового нужно только 34 фунта. Каково!

— Я уж думал, не дослушаю тебя!

— Так ещё не всё! Опять же, по великокняжескому указу, стали зелье это в зёрна катать. Спробовали значит. На этот раз стан таки сломали. Хотя и меньше засыпали его, а всё равно много. Кто же знал, что сильным таким будет. Оказалось, его всего надо-то теперь 18 фунтов, а глаженого и того меньше! Так-то вот. Великий Князь это оно вот!!!

— Точно?

— Вот те крест! Мы сами пушки по его указу лили. Говорю же, жуть!

— Много ли наделали?

— Пока только пять, но скоро ещё столько же готово будет, но больше лить не станем. По нашим меркам по другим дворам готовить будут. Нам же Гафуницы и Великие пушки мастерить приказано.

— Хотя отцу и не по нраву они пришлись, я их заберу все, а там посмотрим, что за зверство лютое эти пушки.

— Бросил бы ты Михаил, дурью маяться с ними. Передадут их в Великий Наряд, и дел с концом. — Вмешался Воротынский старший.

— Нет, отче, раз Великий Князь велел нам на них заехать посмотреть, значит, хотел, чтоб мы их в рати испытали. Вот посмотрю, так ли они хороши, как некоторые брешут.

— Не было такого, истинную правду говорю!

— Ладно, ладно. Когда все будут готовы, пришлѐшь в войско, для воеводы князя Михаила Воротынского.

Сходили они ещё, по настоянию Ивана Михайловича, посмотреть на новую Великую Пушку. Поохали, поохали, и чего Великому Князю она не приглянулась, да и поехали в войска.

Это надо же так облажаться. Сто штук пятнадцатипудовок сделать хотел. Половина войска только Великие пушки бы таскала. Как узнал, сколько людей для доставки подобной, только восемнадцатипудовки, надобно, в осадок выпал сразу. Нужно 600 человек и 200 лошадей, не считая обслуги. На пятнашки не намного меньше, если делать также.

Пришлось наорать на мастера, не государь же виноватым должен быть, а орудие на слом. Каспар мастер-то отличный, но стрелочник должен быть. После по душам потолковали, думаю, отольёт то, что нужно.

Нынешние Великие пушки, это скорее мажжиры, только длинные и стреляющие по настильной траектории. Диаметр ствола чуть не вдвое больше ядра. О прицельной стрельбе говорить можно только с допущениями, с дико сильными. Ядро летит, куда-то туда, в сторону врагов. Попасть, это просто удача. Потому и лупят, почти исключительно, дробом, если в обороне, а при осаде, ну, в такую мишень как город, промахнуться трудно, а вот в стену ещё пристреляться надо.

Скорострельность меня раздавила. Два три выстрела в день, так что порой пару надо, для более менее уверенных попаданий. Энергия порохового заряда не теряется только потому, что между порохом и ядром находится своеобразная пробка. Деревянную чурку забивают. Выстрел происходит по принципу катапультного старта МБР. Как же всё сложно.

Новые одноладонки лили уже по моим требованиям. Порох прижимают обыкновенной ветошью. Каленым ядром выстрел получается мощнее, потому что отверстие под запал заклёпывается свинцом, вот и нет потерь пороховых газов, да и запал происходит не точно.

Забавно, но в кино всегда запаливали раскалённым прутком, а тут кругом фитили. Поэтому, как там гибли при Петре пушкари на испытаниях, загадка сия великая. Стрелять новым порохом стало безопаснее. Мякоть размазывалась по стволу и выгорала плохо, потому чистить его надо очень часто, иначе чревато. Можно подорваться. Это тоже снижает скорострельность, потом ещё чурку забей.

Не успел поход начаться, а доброхотов хоть отбавляй. Перед Воротынскими на Думе обсуждали, а надо ли вообще идти. Видимо при этих словах в лице я сильно переменялся, что тему быстро замяли. А из-за чего? У нас, оказывается, ошивается Шиг-Алей. Это один из претендентов на казанский престол. Сейчас там царём Сафа-Гирей. Им он обязан был Булату, но стал вести жесткую прокрымскую политику, и чего-то не возрадовались казанцы, а вот недовольны стали многие.

Деятель сей, что возвёл его на вершину, теперь стал в челе недовольных, только взад не так просто всё вернуть. Потому и начались кружения у нас, типа приперлись послы от имени всей Казанской земли в Москву с просьбою, чтоб Великий Князь простил их и прислал под Казань воевод своих: "А мы великому князю послужим, царя убьем или схватим да выдадим воеводам; от него теперь казанским людям очень тяжко: у многих князей ясаки отнимал да крымцам отдал; земских людей грабит; копит казну да в Крым посылает"

Так сматериться охота. Запахло жареным, так придите, спасите, а то, что сам его и возвёл на престол, так чего старое вспоминать. Послал всех вместе с идеями замирения. Только добавил, что надо бы старую траву в крымских укрainaх пожечь, чтоб крымцев задержать, пока Казанью заниматься будем. Авось два снаряда в одну воронку не падают. Надеюсь, что в этом году у Саип-Гирея повторить прошлогодний неудачный большой поход идей не появится.

Шиг-Алей же дали ответ, что все кто присоединится к нашему походу, урона не понесут. Выбирать нужно сейчас. Или с нами или против нас. Вторых шансов не будет. Война с Крымом дело серьёзное, а Казань сама встала на их сторону, поздно метаться.

Когда все эти шатания закончились, распорядился собрать не только Думу, но Ближнюю Раду. В Грановитой палате стоял небольшой гул разговоров, пока все рассаживались по лавкам вдоль стен. Не было среди этих людей врагов государства, но понимание её интересов отличалось сильно. Ещё присутствовало смешение личных и государственных интересов. Это, при той структуре управления, бывшей до сих пор, было закономерно. Была одна проблема, последние события вокруг казанского похода, показали, всё хватит миндальничать, пора трясти всех как груши, чтобы заняты были делом, а не интригами.

— Собрал я вас здесь, Высоких Людей Московских не просто так.

— — Продублировал глашатай.

— Спрашиваю вас, это что такое, кому было сказано, походу на Казань быть?

— ...?

— Кто вытащил из сундука те письма?

— ...?

— Откуда столько глухих доброхотов сыскалась?

— ...?

Али слова Велико Князя Московского вам не указ?!

— ...?

— Крамолу учинить удумали?!

— ...?

— Славы Шуйского вам подавай?!

— ...?

— Чего молчим, будто не про вас это?

— ...?

— Вот объясни ты нам Иван Васильевич, кто привёл на ту Думу столько пришлых?

— ...?

— Так.... — Начал он говорить, встав с лавки.

— Лично мне не интересно!

— ...!

— Но объясни, ты голова, или погулять вышел и почему у тебя, всяк себе хозяин?

— ...?

— Доколе у вас там будет разброд и шатание, при том, что вас там всего-то?!

— ...?

— Неужели нельзя договориться меж собой, пока обсуждаете, привлекать, кого угодно, приняли же решение, будьте добры выступать за него все.

— ...?

— Да как же?! — Наконец опять прорезался у Шемяки голос.

— А так! Договаривайтесь как хотите, не сможете, поступлю как с Шуйским и Бельским. Мне вражда в Думе не нужна! Но не надейтесь всех соперников под это извести!

—

— Теперь ты Адашев. Это что за самоволия у тебя в Приказах. Кто посмел извлечь на свет то письмо от Булата?! Мало того, из твоего Посольского, принесли. Молчи лучше, сам думай, как и кого будешь наказывать.

—

— Запомните, это первая ваша, общая для всех ошибка. А есть у вас их только три, на четвёртую вылетите из Москвы быстрее птиц небесных.

—

— Хотел я возложить тяжкую ношу управления страной на Ближнюю Раду, от имени моего, а на Думу подготовку и обсуждение всех законов, но вижу, не готовы вы!

— ...!

— Потому, первое, все главы Приказов напишут мне план, что и как они хотят воплотить в них на ближайшее время, через год и более. Сроку вам на то месяц!

— ...

— По выходу его, с каждым будем говорить в отдельности. Толи это, что я от вас жду. Если не любо мне будет, либо переделаете как мне надобно и выполнять будете. А в ином

случае судить вас будут, как изменников. Если не по нраву придётся, сможете покинуть пост, без урона.

—

— Через полгода, год, посмотрим, может ещё и вернёмся к моей задумке!

— ...!

— Пока же сделайте себе зарубку на носу, больше такого повторяться не должно!

Наконец, появилось время заняться всякостями.

— Что привело тебя ко мне сын мой.

— Вот не ври, у меня куча видоков найдётся которые подтвердят, что это не так!

— Иоанн Васильевич, да что же вы такое говорите, все мы чада божьи!

— Кто же с этим спорит, но не твои же. Слушай Макарий, хватит мне уже тут по ушам ездить, в общем так, ты идёшь со мной библию печатать или ну её и лучше Коран?

— Это происки дьявола, кто тебя надоумил на такое?! — Взревел он в ответ.

— Ты.

— К-хм, э....

— К тебе по делу пришли, а он в отцы мне лезет, в блудницы матушку записывать!

— Да я....

— Вот именно, думать сначала надо, а потом говорить. Так что, идёшь?

— А куда?! Не уж-то к нам от папистов печатник прибыл, и почто о нём ничего не известно?

— Да нет у нас пока ничего, вот с тобой и поедem, как самым заинтересованным лицом на Пушечный двор, буковки заказывать.

— Так чего....

— Лучше поругайся, легче станет.

— Вы всегда такой?

— Ага. А некоторые Прохору ещё завидуют, лучше б пожалели.

— Знаете, вот в этом с вами соглашусь, но нельзя же так.

— А как можно? Объясните? Чтобы делаться всё началось? Вот даже вы завели сначала никому не нужный разговор, а теперь, смотрите, как взбодрились.

— Коли так.

— Именно! Будет нужно поговорить, пришло кого и побеседуем, а коли пришёл без предупреждения, значит, по делу или нужда великая и нечего тут кружева словесные плести.

В тот день мы только заказали у литцов по паникадилам буковок множество и цифирик "русских" размеров разных. Как ещё определиться с размером будущего шрифта? Тут же озаботились и чернилами, но розмыслов у меня и до этого не особо было, а в монастырях много люду грамотного, вот Макарию и перепал жребий и этим заняться, да место под Печатный монастырь подыскать, чтобы летом строительство начать. Пока всё делать лучше под эгидой церкви, когда же чего получится, можно и себе будет построить.

Всё это хорошо, но без своей бумаги, это так, разговоры ни о чём. Вот потому, не откладывая всё в долгий ящик, собрал целый поход на бумагоделательный завод. В поездку взял нынешнего главу Розмыслового приказа Федор Семёновича и его подчинённых, а так же Макария.

Дело шло к концу марта, но снег пока держался, а потому дороги были ещё проходимы. Расстояние, даже для этого века было невелико. Долетели на санях без происшествий. Стоял

он на берегу Яузы, рядом с Андрониевым монастырём, а потому добирались туда по Владимирской дороге.

Завод производил неизгладимое впечатление своими размерами. Эх его как громко называли. Никак не могу избавиться от стереотипов восприятия. Избушка, она избушка и есть. Ну, хорошо, не одна, а целых три. Побродил, если можно сказать так, по этому промышленному предприятию и только грустно вздохнул. Никакой механизации. Рассчитывать на массовое книгопечатание не приходится. Тут столько бумаги не сделают.

Опять придётся подключать розмыслов, где же их только взять-то. Мало их было на Руси. Посовещались на эту тему с Воронцовым и местным итальянцем, который и рулил на этом заводе. Запланировали на лето строительство плотины и больших каменных зданий. Заводчик же должен был объяснить, как тут что работает.

— Сначала тряпьё размачивают в воде.

— Постой, она же вперемешку, льняная и посконная. Вроде из пеньки воду не сильно боится?

— Так нам немного смягчить.

— А почему напрямую не делать?

— Так-то денег стоит, а так даром.

— Хорошо, а вот скажу, в сто раз больше бумаги делать, где столько тряпья наберёте?

В ответ молчание, наверно думают, куда тут столько бумаги.

— Так вот Федор Семёнович, передашь Иван Ивановичу, чтобы посчитали вариант и ильна и пеньки, желательно отдельно. Тряпьё, однако, надо собирать повсюду в городах. Что там дальше?

— Дальше всё это разбивают молотами.

И правда, здоровыми такими деревянными кувалдами, на каменной плите, у которой они и сложены.

— Есть и другой способ, и бумага будет лучше.

— Так почему его не используете?

— Зола у нас столько нет, чистой.

— Это какой?

— Чтобы без угольков. Но то просеять можно.

— И что сильно лучше будет?

— Заметно, её и белить легче.

— Трофим, ну-ка запиши, чтобы указ о сборе её по всем городам не забыть составить. Отметь, чтобы запретить её спрашивать за пределами оных, черносошцам ямчуг сдавать. Да и зелейщикам, если что пригодится. Вот это уже интересней. Чего же ты даже письма не написал, а то твоей бумагой прямо иностранцев пугать. Ладно, дело прошлое, пойдём дальше.

— Дальше сначала промываем, а потом полученную массу размешиваем в воде, до получения пульпы, вроде жидкой сметаны. Вот если бы с золой варили, пришлось бы ещё немного постучать, но это только на пользу.

— Как-то не могу представить, чтобы тряпка до такой степени размягчилась.

— Так в том и секрет, а-то её делали бы все кому не лень.

— Интересно.

— Если хотим осветлить, надо подмешать молотого мела, но это не обязательно. А вот дальше, всё зависит от мастера. Как он правильно отчерпнёт массы, такой толщины и будет

лист. Дальше сушка, а вот отделки мы не делаем.

Боюсь, не приехал сюда Великий Князь Московский, собственной персоной и не привлеки к этому делу главу Приказа, то загнулось бы это производство, хотя и была эта бумага дешевле заводной, но качество оставляло желать лучшего. Единственно, приказал розмыслу, который займётся этим, чтобы прежде чем что-то начинать делать, посоветовался со мной. С формулировочкой пролёт вышел. Замучили меня впоследствии по всяким мелочам, но зато стал умнее и конкретнее в приказах.

Остановились на ночёвку мы в монастыре, м-да.

— Отче, вот у меня вопрос, не по делу.... Тьфу, то есть.... Аааа...! Это нормально, что монахи с монашками в одном месте живут просто в разных кельях? — Обратился, к наблюдавшему за моими потугами подобрать обращение и от этого заулыбавшемуся Макарию.

Потрясло меня такое устройство Монастыря. Хоть и были они в Кремле, но их бытом как-то не интересовался. По простоте своей душевной думал, что они отдельные были всегда.

— Зависит от того как взглянуть, да и кто посмотрит, государь.

— А если вы? Что-то мне сомнительно, есть ли польза от такого.

— Называется это купножитие и в новгородской земле с этим борются.

— Ваш приемник тоже?

— Возможно. Во всяком случае, при мне, такое почти прекратили.

— Ага, значит, и вы сомневаетесь, в пользе сией практики. А на всю Русь ваш опыт с Новгорода можно распространить?

— Не всё так просто, власть Митрополита не абсолютна, но сила слова в том и состоит, чтобы убедить Архиепископов в своей правоте.

— А поддержка со стороны Великого Князя не добавит силы аргументам?

— Всё может быть....

Вернулись в Москву на следующий день. С похода на Казанское ханство шли победные реляции. Такое чувство, что там себя хотели убедить, что всё путём. По некоторым признакам можно было предположить, что всё не так гладко, но узнать точно не представлялось возможным. Погода была ещё зимней, но уже пахло весной.

Меня же опять прибило воспоминаниями. Вот сколько тут государя "пытали" мёдом, но ни разу меня не озарила мысль, а как его получают. А пришло оно, когда выпрашивал про свечи. Ладно, накрыло, однако ничего толком про это не знал, даже там, в своём прошлом. Только что существуют ульи и рамки, для них, ещё про магазины, а вот какие там размеры, опять кому-то пробовать, а вощина. Есть же обычная и трутнёвка, каждая со своими сотами, ладно, это промерить можно и сделать пресс, для каждой. Точно, ещё дымовушка, чего там сложного. А вот центробежную медогонку очень даже и то потому, что это было единственным мне интересным устройством у деда, но она никому тут не нужна, пока всё не будет внедрено.

Здесь, это скорее охота, на пчёл. По сути, выгребают из дупл, природных ульев, всё что можно. При таком подходе мёдом страну не зальёшь. Зашибись, опять внедрять то, о чем хоть и имею представление, но весьма слабое и по большей части теоритическое.

Свечи же при такой добыче мёда стоили просто сумасшедших денег, это казне всё в

натуральном исчислении налогами поступало. Помнится, была какая-то ерунда, из которой их делали, побочный продукт получения нитроглицерина, вернее сначала просто, а уж потом нужного продукта. Но там серная кислота нужна, по местному купоросное масло, а с этим тут напряжёнка особенно в количественном плане. Не сильно-то и разбежишься. Надо будет повспоминать, что-то такое на лабораторных по химии было, но давно и неправда.

Дальше собирался ехать проверять стекольное производство, как перед этим бумажное. В конце концов, чего там происходит и почему нашинское стекло воды боится? Выяснить надо, а-то оптику отдавать время пришло, а что-то не видно собственных успехов. Но сразу ехать не получилось.

Про Новгород, признаться, и забыл, но Шуйский упорно оттягивал свою поездку туда, тем более с карательными целями, вот мне и напомнили. Чуть было не отдал приказ отрубить ему голову, сгоряча. Подумавши, приказал отряду Охранной стражи ехать до него и силком, если потребуется везти в этот город. Отвертеться удумал. Нет, мил человек, не выйдет. Воеводе же, Михайло Венюкову, особо добавил, что бы глаз с него не спускал и накрутил своих, насчёт поиска измены, особенно среди новгородской знати. Пока убедился что всё, выехали, вот и Апрель настал, а с ним потянуло и на весну.

Весенняя капель радовала взгляд, но слава богу снег ещё держался. В целом, настроение было не ахти. Помидоры почти загнулись, перцев вообще слёзы, бумаги своей, не смотря на все надежды, считай, и нет вовсе. Типография условно в плюсе, но там делать и делать ещё. Хорошо хоть пушки, одналадонки, получились практически сразу. Порох вот тоже ничего. Постепенно позитив в мыслях начал преобладать. Москва не сразу строилась. И с остальными проблемами справимся.

— "Черт, я же со стекольным производством хотел поближе познакомиться, чуть совсем из головы не вылетело, что б этого Шуйского бессоница замучила!" Трофим, язви тебя наружу! Почто не подсказал про стекольщиков? Да не суетись, сам уже вспомнил. Вели разыскать Фёдор Семёновича.

Ничего не поделаешь, попал Воронцов под раздачу, а что он думал попасть ко мне в любимчики, это так. Теперь крутись. Ведь за всё спрошу. К другим у меня тоже вопросы копят, но пока терпят, а он на острие моего внимания. Время было утреннее.

Конечно, нашу церковь уважаю, но количество и продолжительность ежедневных служб утомляет. Понятно, что делать тут большинству нечего, ни тебе театра, и уж тем более кино. Так, вроде досуг. Я же, честно говоря, всё равно отлынивал, за что стали меня попрекать Макарий, и даже Сильвестр приходил, политпросвет проводил. Отбиваюсь, как могу. Надеюсь, со временем привыкнут, но чувствую придётся, разговоры пока пресекают, но всем рот не заткнёшь.

Искали Воронцова долго. Только после обеда и нашли. Вот его очередной поездкой и обрадовал. Радости, правда, на его лице не заметно.

— Как прикажешь Государь. — Расстроено проговорил он.

Ничего, перетопчется. Будто не знаю, что и бояре, и окольниковы заняты подбором мест под новые усадьбы. Успеет. Строить им их теперь из камня. Это ещё полбеды, каждый думает, как перещеголять остальных. Реально дворцы заворачивают, тем более новое печное отопление позволяет теперь развернуться. Город только красивее станет.

Ехать нам надо было в сторону Коломны, соответственно, по одноимённой дороге в деревню Лукьяново. Это, почитай на самой границе московского уезда. На санях далековато, потому решили ехать верхом. Иначе за день не доберёмся. И это только завтра с утра.

Вот и день прошёл. Мда...Время диктует свои скорости.

На следующий день собралась небольшая группа, из Великого Князя и сопровождающих его лиц. Время было раннее, но жизнь на торжище в Китай-городе не замирает ни на минуту. Москва больше походила на какой-нибудь восточный город. Торжище не сильно-то отличался от их базара. Множество караван-сараев. Вместо мечетей, церкви, но видом они больше похожи не на храмы Европы, а Востока. Луковиц, покрытых шведской жестью, на них пока не много, всё больше купола, под изразцовой плиткой. В Кремле Благовещенский, Архангельский и Успенский соборы покрыты золотом, не в смысле чистым, а позолотой, и красиво блестят на утреннем солнце.

О том, что отъезжаю, пусть ненадолго, прознал Сильвестр, и вышел на Соборную площадь нас благословить. Тепло уже кралось вместе с лучами утреннего солнца, но морозец ещё не собирался отступать и бодрил. Сопровождало меня в этой поездке немного народа, так, человек семьдесят. Проехать мимо никак не можно было, и вся наша кавалькада остановилась и послазила с лошадей.

Боялся, что это всё затянется, но всё обернулось несколькими ободряющими словами и освещением крестным знаменем, на что все среагировали одинаково и перекрестились, после чего засобирались. Правду мне говорили про "нестяжателей", что не склонны они к церемониям. Сильвестр принадлежал к ним. Да и рассуждал разумно и всячески меня поддерживал, когда я порой зацеплялся с ним языками.

Тоже не стал затягивать и взобрался на лошадь. Не вышел Великий Князь пока ростом, чтобы на неё вскакивать, а взбираться мне помогает специальный человек. Вот так, по утреннему морозцу, мы все выехали из Кремля через Фроловские ворота. А затем, увеличив темп, поскакали по Красной площади, вдоль главного московского торжища, по которому ходили толи припозднившиеся посетители с вечера, толи ранние его утренние посетители. Уже заметны были мелькания юрких мальчишек, бежавших по своим, возможно важным, делам. От заманивания к товарам спасало большое количество воев.

Устремились по Варварке прочь из Китай-города, но и в Белом городе надолго не задержались. Слава богу, никого не затоптали. Перебравшись через Яузу, по засыпанному ещё снегом мосту, и устремились к своей цели вдоль Москвы-реки. Постепенно, то, что называлось дорогой, стало от неё отклоняться. Ума не приложу, как тут местные ориентировались, что она тут вообще есть. Собственно, постройка дороги заключалась в возведении мостов через реки, а там где она была большой, организации переправ. В привычном мне понимании, да и в непривычном, их не было. Основными транспортными артериями были реки. Летом вплавь, зимой по льду, именно так происходил основной грузопоток товаров. Берег реки прекрасный ориентир, особенно если прошёл снег. Здесь же, как определялись, терялся в догадках. Вот на одной из остановок и стал расспрашивать.

— Фёдор Семенович, а как тут выяснить, что тут дорога?

— Просто. Проторена и наезжена она.

— То летом, а зимой вот снег прошёл, а потом метель?

— Ну, тут малость посложней. Вдоль дороги деревеньки стоят, ежели сам путь не знаешь, то всегда подскажут.

— А если стемнело?

— Так не ездят по ночам! Ночью надо быть на постое, спать и сладкие сны видеть.

— А ежели не рассчитал?

— Так не надо рассчитывать, спроси у местных, далеко ли до следующей деревни.

— Ну, это здесь в центре Руси, а как на окраинах.

— Так там торных почитай и нет, одни направления. Только вдоль шляхов или рек.

— Так всё-таки, а может, как дороги улучшить, чтобы не гадать постоянно. Указатели там, где поставить. Деревья посадить вдоль дорог, чтоб с пути не сбиваться.

— Мысли, Государь, у тебя дельные, только определиться, кто этим займётся.

— Думаю Ямскому Приказу в самый раз. Они же по ним ездить станут.

— Иван Иванович. Тоже верно, кто же ежели не он. Умеешь ты находить людям работу. Беззубцев не обрадуется.

— Так и нечего ему, работать пора уже, а-то уже сколько прошло. Хотя чего возмущаюсь. Всё ещё строить надо, да и людей подбирать. Годика через два три только чего путное будет, а пока и так сойдёт, к тому же времени и дорогами займёмся.

Деревни действительно попадались часто. Первые две были на разных берегах речки Гравороньки, да и дальше они встречались постоянно. Гнать никто нас не гнал, мы и не спешили. Потому приехали в Лукьяново ближе к вечеру. Стояла эта деревня на берегу речки Ситовки. Оценить реку не представлялось возможным, но это, пожалуй, было всё, что было сделано в первый день. Занялись организацией на постой. Возникла чудовищная проблема. Некуда поселить Великого Князя. Местный помещик, не располагал обширными усадьбами. Пришлось подселиться к нему, вернее практически выжить. Ничего, это ненадолго.

Утро началось с неожиданностей. Для меня, местные вроде ничего такого и не заметили. Как-то десонировали последние слова в молитве священника.

— Чего он сказал? — Обратился, к стоящему неподалёку, опять же Фёдор Семёновичу.

— Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного и Иисуса Духа Божия. Аллах велик.

— Эээ... Как Аллах велик? Мы же вроде православные?

— Государь, так это же святой, и не из последних! Хотя, конечно, и не во всех приходах почитают.

Похоже, мой сосед старовер и не представляет, насколько наша церковь была русской, нежели православной. Он-то главным аргументом приводил, слова из старой библии про то, что Иисус царь славян, а не иудеев, как сейчас, или типа того. Сколько же на самом деле было реформаций, прежде чем здешнюю превратили в знакомую мне, и в чью угоду? Столько вопросов. То-то у нас никогда не было религиозных войн в те времена. Просто у нас их Аллаха тоже почитали, обалдеть!

На этом чудеса не кончились. Пошли смотреть стекольный завод. Это заводом назвать можно разве что в бреду! Даже в сравнении с бумагоделательным. Работало это только летом. Печь для получения стекла представляла собой небольшой помост из глины с воздушными каналами, накрытый большим глиняным горшком. Внутри его разводился огонь и вносился другой маленький со смесью. Затем, брались ручные меха, и через специальные отверстия раздувался огонь. Получалась неоднородная масса, из которой проволочкой выбирались небольшие кусочки получившегося стекла.

Было и прозрачное, но очень, очень мало, и всё цветное. Не удивительно, что при такой технологии оно так дорого. В основном же непрозрачное и шло на украшения. Неудачи не выбрасывались, а толклись и истирались на глазурь. Сколько потребовалось времени, при таком способе производства, чтобы набрать нужное количество для изготовления шаблонов плоскостей, страшно представить. Особенно удручало, что такие усилия оказались бессмысленными.

Простого, прозрачного, в моем понимании, оконного, не было вообще. Чего тут делать,

даже не догадывался. Я был в растерянности и не знал, что же тут сказать. Стекло делали в таких кустарных условиях, что даже представить себе этого не мог. А поди ж ты! Всё что сподобился, это вопросительно посмотреть на главу Розмыслового Приказа.

— Государь, разберёмся. — Ответил он и как-то горестно вздохнул.

— Мало разобратся, нужно завод создавать сырьё подбирать и стекло мне нужно, прозрачное! Лучше слюды, сильно лучше. Видел же диковинки восточные. Вот! Без такого их не сделать.

Здесь было грустнее нежели даже чем с бумагой. Там хоть видно куда двигаться, а тут, разве что вместо дров уголь использовать и поставить водное колесо на меха. И пробовать, и пробовать, и пробовать, пока не получится, что надо. Глина тут тоже для огнеупоров нужна, а пока нет. И искать подходящее сырьё. И составы тоже искать, но не забывать и про цветное стекло, в конце концов, витражи можно делать. Глазури тоже нужны. Ладно, будем думать.

На этой грустной ноте ко мне подбежал взмыленный гонец.

— Не вели казнить, вели миловать. — Скороговоркой протараторил он.

— Чего?

— Государь, Казань взяли!

— Как взяли?! Ты чего, белены объелся?!

Вроде туда даже идти не собирались и тем более брать. Что же там произошло-то?

Прошло две недели со дня приёма в Кремле, а поход на пограбить Казань всё не начинался. Воеводы спорили и ругались, кто главнее. Плевать, что "мест" больше нет. Указ об их отмене слишком многим не нравился, а у нас, как оно испокон веку повелось. Закон, конечно, суров, но на него кое-что и положить не зазорно с высокой горки. Великокняжеский, не оказался исключением. Действительно, а чего это вдруг сразу его исполнять. Можно и потянуть, глядишь, и отменят, как было не раз. Потому-то битва за них шла полным ходом и с таким остервенением и интригами, ахнуть. Эту бы энергию, да в дело....

Местничество было удобно, в первую очередь князьям, из родовитых, особенно для перешедших на сторону Москвы. В своё время это сыграло свою положительную роль, перетянув потенциальных противников на нашу сторону. Надо признать, система была придумана гением интриг того времени. Ведь, что выходило, земли объединялись без особых потрясений во властных верхах. Хотя были и пострадавшие. Иные великие князья, остальным же, и разница-то до и после была не видна. Только однажды машина поглощения соседей дала сбой, на Новгороде, так то не её вина.

Сейчас же всё это крайне мешало. Фактически при такой ситуации несколько родов узурпировало власть и все более или менее значимые должности в Княжестве. И это была проблема и не просто, а с большой буквы. Новых лиц во власти стало мало. Те же что были, не блистали талантами. Только Великий Князь мог кого-то возвысить напрямую, помимо местного счёта, но такому всячески противились. Да какое там, со свету порой сживали претендентов, чтобы счёт сохранить. Отмена существующего порядка грозила потерей должностей и власти многим. Вот и спорили и ругались, как будто ничего и не изменилось.

— Отче, мы тут с Александром подумали и просим твоего дозволения.

— Что опять удумал Михайло.

Воротынский старший хорошо знал сыновей. Александр конечно дураком не был, но талантами не блистал. Если чего и удумывал кто, так это старший, Михайло.

— Похоже, споры не скоро закончатся, дозвожь взять легких воевод и пойти горной стороной зорить казанцев.

— Эк загнул, они тебе не яблоки в корзине. Без великокняжеского указа пошлют куда подальше и будут правы. Эх, если бы не князь Щенятев, давно бы уговорились.

— Так надоело уже сиденье, некоторые, самые оборзевшие, потихоньку и по домам стали разбредаться. Так я и не про всех, в основном про тех, что под нами, вотчинников. А ежели кто ещё захочет, так противиться не станем.

— Много ли воинов хочешь взять.

— Сколько выйдет, но думаю, тысяч по двадцать сможем собрать Александру и мне.

— В своём ли ты уме. Столько воев от Поля хочешь увести.

— Да что им под Мокшаном делать-то, штаны только просиживать, тем более такое войско собрали. Да и не сразу надобно столько. Сначала Александру. Он пойдёт к Вятке, а я опосля. Надобно ещё пушки государевы дождаться.

— И чего вы там таким войском-то наделаете. Разобьют вас, как пить дать разобьют.

— Много чего. Уговоримся о дне, когда вместе к Казани подойдём, да пограбим там всё, что можно и по быстрому уйдём.

— Эх шустрый. Порешили они.... А кто на юг пойдёт, через Темников на Мокшан? Этим годом Мордву под руку Иванову подведём, да и ладно.

— Так войск же всё равно хватит.

— Хватит то, хватит, только, как его в узде держать? Пропади оно пропадом это сидение. Разбойный люд уже зорить окрестности начал, наместник жалуется. Казачки гулеванить стали от безделья. Даточное войско, так вообще разор для округи. Ведь снабдить их города должны, а они как водится, выпихнули неудачников и голытьбу и кормитесь, как хотите. Разорение помещикам местным. А вы костяк увести хотите.

— Так для дела!

— Ладно.... Ежели сговоритесь с кем, езжайте!

Он ещё не знал, что тем самым не только спихнул, хоть немного головной боли на сторону. Сколько же другим её наделал. Большинство исторических решений так на свет и появляется, а только потом придумываются красивые истории и оправдания.

Надоело сидеть уже многим, потому с количеством проблем не было. Наоборот, даже отбирать начали. Отряд Александра Воротынского составил почти 23 тысячи воинов. Сила хоть и не великая, но это смотря с чем сравнивать. С нынешним русским войском, так ерунда, а вот если с казанским, так вполне серьёзная сила. Отдельные их князья и мурзы сделать с ним ничего не смогут, а войско собирать время нужно, тем более русских в другом месте ждут. Доброхотов всегда полно находилось, подсказать казанцам, чегой-то русские опять задумали.

У Михайло получилось даже больше, двадцать четыре тысячи, с хвостиком, но он пока сидел. Великокняжеский наказ держал прочнее привязи, даже уже пожалел, что взялся его исполнять, но как говорится, за язык его никто не тянул. Пушки же всё не шли. Под такое дело и лёгкие воеводы, с которыми уговорился, роптать начали. Так прошла неделя. В конце концов, споры закончились и назначили выступление войска, через три дня, прямо спозаранку. Ситуация для него стала складываться совсем неудачно. Не удивительно, отчего он захотел плюнуть на всё и так ехать, но наконец, они прибыли. Явились, не запылились. Да так, что хрен сотрёшь!

На пушки смотреть сбежалось чуть не всё войско. Причём не из-за них самих. А вот из-за чего и разгорелся весь сыр бор, так то были лошади. Тянулись каждая четвёркой отборных коней, из великокняжеской конюшни.

— Видать не простые пушки-то! — Рассуждали зеваки.

Но, как на грех ничего особенного в них видно не было. Не походили они совсем, на привычные, из Великого наряда. Совсем без украшений, чем вызвали неодобрительный ропот. Вот на что в таком разе там смотреть-то?! Катились на своих колёсах и ещё, на кой-то ляд прицеплены были к специальной тележке, названной зарядной, вместо того чтобы аккуратно быть уложенными в сани, как повелось испокон веков. Нет, конечно, были и те, что сами катались, так то не пушки, а пищали, не сильно-то ушедшие калибром и от ручных своих собратьев. Так тем столько лошадей за раз и не требовалось, ну и уж ни в коем разе таких!

Толком так никто, ничего не понял, и потому, поползли слухи, один нелепее другого.

Михайло видя такое дело, быстренько подсобрался и двинулся вдоль Волги. С ним, было, хотел ещё поехать и Шиг-Алей, но Большие воеводы его непустили.

О внезапности нападения говорить даже в теории не приходилось. Будь в Казани совсем дураки, которым совсем не интересно, чего это там, в Московии делается, то всё равно о таком медленном нападении узнали бы и собрали войско. Было только одно но, разброд в самом царстве. Казанский царь не доверял своим князьям и более того пытался их нейтрализовать, если говорить откровенно, попросту убивал. Популярности это ему, мягко говоря, не прибавляло. Потому, со сбором войска, тоже были свои трудности, и пока сопротивления почти не возникало.

У семи нянек дитё всегда без пригляду, так получалось и с войском. Одно спасало, размеры его самого. Бардак, порядку не было почти совсем. Некоторую организованность имели только поместные полки и великий наряд. Даточные войска же растекались по округе подобно саранче и подвергали её разграблению. Периодически, возникали стычки с местными. Одним словом, хуже Татар, были только свои. Не сказать, чтобы с этим совсем не боролись, но даточные войска в снабжении не учитывались, и добывали прокорм, как могли. А если учесть, что кого там только не было, то разбой процветал. Может, если бы выход так не затянулся, такого бы не было, но получилось, как получилось.

На кой ляд потащили с собой Великий наряд, ответить толком никто не мог. Ладно бы он был без великих пушек, но нет. Не было крепостей, намеченных для взятия в походе, где нужны были бы пушки, стреляющие ядрами от 15 до 18 пуд. Только он один вытянулся в караван, а ведь его ещё охранять. В людях же это почти двадцать тысяч.

То, как тянулись великие пушки, отдельная история. Станы, колеса и стволы везлись отдельно. Непосредственно перед использованием всё это собиралось и устанавливалось на неподвижной позиции. На кой ляд к ним приделывались колёса, было не совсем понятно. Всё равно на них эти пушки никуда не укатаешь. Когда ставили на стены, правда, обходились без них.

В данном случае все это тащилось по раздельности, хорошо ещё, что снег не сошел, и везлось все на санях. Стан и колеса великих пушек доставить на место ещё полбеды, основные трудности возникали при перемещении ствола. Масса-то несколько тонн. Столько усилий, ради совсем неясных целей. Всё это снижало скорость передвижение армии до крайности.

Организованного сопротивления не было. Мелкие стычки не в счёт. Поход выходил скучный. Сафа-Гирей всё не появлялся со своим войском, на что так надеялись воеводы. Одному богу было известно, с чего они решили, будто он полезет на такую уйму народа. Разброд начал возрастать. В такой обстановке войско и подошло к Мокшану.

Укреплён он был откровенно слабо, но штурмовать его, после целого дня споров, решили по всем правилам. Несколько дней заготавливали брёвна и хворост, затем начали осадные работы по всем канонам военной науки. Возвели линии туров и бревенчатых полисадов, под прикрытием которых установили пушки. Панику в городе это навело изрядную. Город готов был сдаться и так, попроси только! Но русские не просили.

Среди воевод начались брожения. Дураков ведь среди них особо не было. Поход превращался в откровенный фарс. В результате, князь Василий Серебряный и поддержавший его воевода Львов разругавшись с Большими воеводами и собрав остатки тех, кто не ушёл с Воротынскими, покинули лагерь, и пошли делать то, зачем их сюда и посылали. Грабить

Казанское ханство. Войско похудело ещё почти на сорок тысяч.

Не нужно думать, что управляли сим действием совсем уж дураки. Делалось это не просто так, а по задумке. Так хотели татар выманить. Чтобы не гоняться за ними по степи, а с чувством, толком, расстановкой, встретить их на укреплённых позициях. Во всяком случае, именно это стали бы говорить молодому государю. И никогда бы они не признались, что война сия им совсем нигде не стучалась. Одна проблема, Мокшан совсем не Казань и никто особо не бросался его защищать со всем войском. Стрельнули-то всего пару раз, правда, из Великих пушек, а из города уже прибежали в панике уговаривать, чтобы их, наконец, захватили.

Дальше же начались сложности. Окрестные князья упорно не хотели идти под руку Великого Князя. Даже чьё-то творческое осмысление, что к присяге принимают только крещённых, не отпугивало знать так, как то, что служить в таком разе они будут обязаны, иначе землю отберут. Соппротивление стало возрастать, но так и не приобрело силу организованного.

Поскольку, врагами приказали считать всех, началось разграбление местности. Войска стали растекаться по округе. Численность больше не защищала и потому пошли потери и разгромы небольших групп. Отряды, а попросту ватаги появились в войске просто. В даточную её часть попало много разбойного люда. Или иди, воюй, или голова с плеч. Почти все выбирали первое, тем более нынешние войны, в основном, мало отличались от их привычного ремесла. В каком-то смысле, Казанцы послужили даже добрую службу Москве.

Благо, гвозди были очень дороги, и потому ничего не прибавали к полу, а следовательно, всё лежало плохо, и было обязательно подобрано, чтобы увезено и положено хорошо. Русские в данном случае от Татар отличались мало, и полонили всех на землях, заподозренных в симпатиях к Крыму. А поскольку князьки верноподданнических чувств не изъевляли, то подозревали поголовно.

Урон Руси в период боярского правления был нанесён не малый. Тут и наместничий произвол. Уехало много иностранцев, даже тех, кто получил русское дворянство и поместья. Это уже сейчас сказывалось. Предстоящие перестройки крепостей, столкнулись с почти полным отсутствием архитекторов, своих-то не воспитывали. Да и международный авторитет подпортился. В некоторых областях, в результате царило запустение, ощущалась острая нехватка черносопенцев и других податных сословий.

Если при Василии 3, Московия, считалась, чуть ли не землёй обетованной, для грамотных и целеустремлённых, то сейчас этого не было. Не ехали больше иностранцы на Русь. Как легко всё испортить, и как трудно потом всё восстанавливать. Потому-то и полонили почти без разбора. А уж ежели был пленник, в чём мастер, так, вообще, хорошо. В итоге, помещики, в первую очередь, старались нахолопить побольше.

Земли на десятки верст стали пустеть, и в великое княжество Московское потянулись караваны свежих невольников. Правда, будут они в таком состоянии недолго. Проще выставить тем невысокие выкупные, а пока они собирают средства, помочь обустроится на земле. Глядишь и пообвыкнутся, и никуда уходить с обжитого места не станут. Крепостного права-то позаимствовать у культурной Европы ещё не успели, а холопов содержать дело хлопотное, вот и крутились, как могли.

Мокшану в некотором смысле повезло, сами сдались, и причислить просто так к сторонникам Крыма их уже не получалось. Потому город отделался только слабой форме разграбления. И только тех, кто попробовал сопротивляться, убили, а семьи полонили. В

общем, легко отделались. Всё это прорусских настроений не прибавляло, а как раз наоборот. Ожесточённость сопротивления со стороны Казанцев увеличивалась.

Поскольку Большие воеводы были всё ещё здесь, сюда же пришло известие, что воеводу Львова разбили войска Сафа-Гирей, а его самого полонили и казнили. Князь Серебряный устремился было на подмогу, но Казанцы по какому-то им понятному случаю, вдруг собрались и ушли в сторону Столицы. В грамотке, князь так и написал, что продолжит преследование поганых и при возможности, кого и побьет.

По весенней степи тянулось Войско. Это были русские, ушедших от Мокшана воевод. В нем, в отличие от основного войска, пушек и пещев не было, что заметно сказалось на скорости их передвижения. Костяк составили поместные полки, но не только. Большая часть казаков, тоже ушла с ними, также касимовские татары во главе с Шиг-Алей.

Это войско было уже внушительным, но к великим по этим временам, уже не причислишь. На совете Шиг-Алей настаивал на походе на Казань. Он вполне надеялся, освободить престол и стать Казанским царём, хотя и понимал, что силы его сторонников довольно не велики, другие же князья и мурзы, вполне могли занять и враждебную позицию. Но было одно но, он уже видел сколько эта война могла принести на эту землю и надеялся так её остановить. Молодой Великий князь был полон решимости покончить с Казанью, и упорства у него на это хватит, да и военной силы у Москвы с каждым годом прибавлялось. Мутное времечко боярского правления кончалось. Однако воеводы упёрлись.

Их тоже понять можно, столица была довольно сильной крепостью, хоть и деревянной, и защищать её было кому. Пушек же не было, да и осадными работами заниматься было не кому. Даточники-то остались позади. Потому, как не убеждал Шиг-Алей, что его сторонники откроют ворота при их приближении, вверх взяли другие доводы. Так и порешили идти к Волге. Жили там, в основном осёдло, и можно было пожить гораздо лучше.

Чтобы передвигаться не просто так, пошли большим фронтом в несколько отрядов. Заодно можно прочесать местность на предмет зимовок и враждебных князьков. Затягивать с этим не стоило, и потому быстро устремились в глубь казанских земель, надеясь быстро вернуться на Русь.

Здесь уже Шиг-Алей упёрся и повернул свои войска вниз по Суре, и пошёл в Алатырь. Позднее, за эти его выкрутасы, его и сняли с воевод. Стал он первым князем, попавшим в податное сословие. На военном поприще он себя не проявил вообще никак, да и наместник из него был некудышний, даром, что звал себя царём. Ладно бы он вёл свои войска, было бы наплевать, но войска были поместные, а не его личные. Это не много не мало, а почти восемь тысяч. Потом с ним были трудности с уплатой податей. Помещик из него тоже вышел откровенно слабый, но это было его проблемой. И его хотели сделать казанским Царём!

Собственно, решение разделить на отряды, для большего охвата, как выяснилось позднее, было ошибкой, но той, которая поставила всё с ног на голову. Так уж получилось, что воевода Львов оказался на самом крае левого фланга. Если смотреть по сторонам света, то это был самый север построения. Какого ляда Сафа-Гирей пошёл сюда, до сих пор не понятно? Вполне мог пойти и севернее, тогда не повезло бы Шиг-Алей. Чего сейчас гадать, получилось, как получилось.

Не смотря на все противоречия в верхушке Казани, Сафа-Гирей всё же собрал войско.

Общая угроза, со стороны Московитов заставила забыть, на некоторое время, амбиции. Всё равно этих войск было мало. Князья выставили немногим менее двадцати тысяч. По нынешним временам это было практически ничего. Потому-то и пришлось ему взять с собой почти весь гарнизон Казани. В итоге царское войско достигло сорока восьми тысяч.

Это было уже что-то. Расчёт он делал на подвижность своих войск. Примерную численность русских уже донесли до его ушей. Дураком он не был и не рассчитывал на победу в прямом столкновении. Ставку делали на быстрые удары и разгром отделившихся отрядов. Главным было нанесение максимального урона русским и сбережение своих сил. Гонца к Саип-Гирей он отправил и надеялся, что Крымцы нападут на Московию и русским станет не до них.

Планы планами, но всё это уже шло прахом у обеих сторон, хотя об этом пока никто их заинтересованных сторон даже не догадывался. Наперекосьяк пошло всё! Подозревая, что русские его уже поджидают, Саип-Гирей решил продвинуться южнее и уже оттуда беспокоить русское войско. И вот, посреди приволжской степи, там, где никого не должно было быть, его передовой отряд столкнулся с русскими.

Поначалу с обеих сторон имела место недооценка противника. Русские решили, что это войско какого-то местного князька и сломя голову ринулись в атаку. Казанцы же решили, что это небольшой отряд, по какой-то причине отбившийся от войска. Действительно, откуда они могли знать, что у Московитов такой разброд в войсках, и все там подались, кто в лес, кто по дрова.

Ну, никак пятьсот человек передового отряда казанцев не могли справиться с почти четырёхтысячным отрядом воеводы Львова. Да и вооружены они и бронированы были хуже русских. Потому, их буквально смяли, но именно это же и позволило уцелевшим оторваться и направиться к основному войску. Русские же решив, что враг пытается сбежать, стали его преследовать. Очень скоро они осознали свою ошибку, увидев вдалеке цель отступающих.

Естественно, они развернулись и попытались уйти, но казанцы были совсем не заинтересованы в том, чтобы об их передвижении узнали, и начали погоню. Теперь уже лучшее бронирование сыграло злую шутку. Русские всадники были тяжелее, да и кони уже подуставшие от предыдущей погони. Львова с отрядом догнали и окружили.

Хотя с русской стороны это выглядело не совсем так. Львов, видя, что уйти не удастся, решил принять бой, лишь отослав нескольких гонцов, с предупреждениями. Собственно, в этом у него и была вся задумка. Выйти из стычки живым, он хоть и надеялся, но особо не рассчитывал.

В этой схватке обе стороны не праздновали труса, но перевес был на стороне казанцев и они одержали закономерную победу. В плен, воеводу, захватили уже раненым. Сафа-Гирей жутко разозлился от потерь, в этой, казалось бы, незначительной сшибке. Безграмотность командиров спасла лишь храбрость рядовых бойцов. Но потеря почти четырёх с половиной тысяч в этой незначительной стычке злила непомерно, и он, в отместку, распорядился казнить Львова.

Дальше гнать уже не имело смысла. Даже не являясь провидцем, можно было догадаться, что русские отправили гонцов. Казанцы стали вставать лагерем, но ближе к вечеру прискакал гонец, из самой Казани, с вестью, что близ столицы замечены русские. Ох, как ругался в тот момент Сафа-Гирей. И за что Аллах так его наказал, что поселил рядом с ними русских. Нет, конечно, грабить их хорошо, и невольники из них хорошие и приносящие неплохие барыши. Однако воевать же с ними, с этими детьми шайтана, просто мука какая-

то.

Казань защищать было некому и нужно срочно возвращаться обратно. Эти русские наверняка разделились на два войска и одним пошли на Мокшан, а второе ждало, пока царь соберет войска и пойдет на него войною. Пока его не будет, легко и захватить город, тем более он подозревал, что в городе полно предателей. Всё это не прибавляло спокойствия Сафа-Гирей. Наутро казанцы спешно собрались и поспешили к столице.

Зачистка степи шла вполне удачно. Казачки были довольны. Ох, не зря они в этот поход пошли. Сколько уже добра захватили и коней добрых и полоняников. Последние, особо казакам были не нужны, но всё равно, чего за них можно будет, по дороге домой, выменять. Войско стало понемногу тяжелеть. В этот столь удачный момент прискакали посыльные от Львова, что севернее идёт казанское войско.

— Нет, ну кой ляд они приперлись?! Всю малину обломали! — Первое, что решили лихие людишки Придонья.

Казачки стали собираться вновь в некое подобие войска, да и не забыли послать гонцов к князю Серебряному. Порешили так, идти на басурман всем вместе, но допреж дожидаться князя.

Он же, со своим отрядом, грабежом особо не увлекался, собирали всё, что поценнее, лошадей естественно, пленников, если только было к чему его привязать, чтобы не задерживал войско. Остальное добро старались сжечь или испортить как ещё. Убивали только тех, кто сопротивлялся. Остальных отпускали. Что поделать, если с гуманизмом ещё не знакомы были не только на Руси, но и в Европе, и естественно, пока такой ерундой не увлекалась. Уж лучше бы они их убивали! Оставшихся ждала либо суровая смерть, либо участь невольников, если повезёт. В степи царили довольно жёсткие нравы. Так что отпущенные, сильно завидовали тем, кто попал в полон. У них шансы выжить были гораздо выше. Поэтому, дурные вести с севера, хоть и были встречены без энтузиазма, но отряд собрался довольно быстро и выступил на помощь.

Как не спешил Князь, как не материл потяжелевшее казачье войско, к месту боя Львова и казанцев, пришли они только ближе полудню следующего дня. Картина их встретила безрадостная. Разведчики, высланные вперёд, уже смогли оценить примерную численность противника и направление их отхода. Войск под командованием князя было немногим более двадцати пяти тысяч. Этого было явно недостаточно, чтобы нападать на более многочисленное вражеское войско, но и просто так их отпускать не хотелось. Выяснилась и судьба воеводы. Всё это было отписано в той самой грамотке и отослано в Мокшан.

Наших погибших воинов разграбили тщательно, а тела побросали. Пришлось задержаться, чтобы похоронить павших. Хоть степь и была весенней, но промерзшей знатно. Не помогали и проталины. Могилы давались с трудом, но и это было сделано. Не хорошо бросать своих, пусть и погибших. Никуда поганные не убегут и за всё ответят. Преследование продолжили только ближе к вечеру. Несмотря на образовавшуюся фору, князю удалось нагнать войско Сафа-Гирей, вернее его растянувшийся хвост, на полпути к Казани.

Сафа-Гирей, мягко говоря, удивила, начавшая распространяться паника среди войск и известие, что на них напало всё русское войско с тыла. Немалых трудов стоило восстановить дисциплину и построение. Русские почему-то не нападали.

— Что за шайтан!

Но ведь были же раненые и почти двух тысяч не досчитались! Так и простояли до вечера.

Утром вновь продолжили движение, но опять произошло нападение. На этот раз это не вызвало паники, и стало понятно, что на них нападают казаки.

— О, эти выродки гиены!

Их даже русские недолгобливают, а уж как они не нравятся их соседям и не передать! Царь всея казанцев подумал и решил, что они специально этих шайтанов посылают, чтобы заманить на русскую засаду, и продолжил движение к Казани.

Правда, приходилось соблюдать осторожность, что не замедлило сказаться на скорости передвижения. Нехорошие предчувствия терзали Сафа-Гирей. На следующий день показали стены Казани.

Александр Воротынский со своим войском двинулся к Вятке по большой дуге. Из Владимира он пошёл в Суздаль, а уже оттуда в Юрьевец. Дальше пошла далеко не наезженный путь, но всё же имевший место быть, дорога на Хлынов. Поначалу хотел на максимальной скорости добраться до Вятки, но по здравому размышлению решил, сильно раньше основной армии входить в Казанское ханство не стоит. Потому, колонна двигалась неспешно, останавливаясь близ городов, попадавшихся на пути.

Всё равно оставалось много до назначенного дня встречи возле Казани. Даже если не очень спешить, всё равно приходили раньше. В итоге, встали лагерем возле Хлынова. Проблема была в том, что войска ушли именно от этой же тягомотины. Народ требовал начала боевых действий и уже заняться, наконец, тем что и должны. В конце концов, ведь обещали дать пограбить, а это одна из любимых национальных забав, особенно ежели с разрешения. Великий Князь дозволение дал, а он в Москве, первый после бога.

Войско, в конце концов, все же вступило в пределы в Казани. Двигалось оно далеко не вдоль Вятки. Двинулись они к Каме. В итоге, поход получился не из лёгких, но, пожалуй, самый удачный в плане зорения. Со стороны верховий Камы прихода русских никто не ждал. От слова, совсем! Добыча была богата, и нагрузились изрядно уже к впадению Вятки в Каму. Честно говоря, Александр даже думал повернуть на Русь вдоль неё. Только договорённость с Михаилом заставила его двигаться вперёд.

Возникали серьёзные опасения за боеспособность. Потому перестали двигаться вдоль реки, и пошли напрямую к вражеской столице. Но добыча всё росла. Не сказать, что прямо само всё это валилось в руки. Постоянно шли стычки с разными отрядами, и иногда весьма крупными. Так уж случилось, что был в ту пору раздрай среди них и сколько-нибудь серьёзного сопротивления не возникало.

Наконец, во второй половине назначенного дня подошли к столице, но натолкнулись на казанское войско, которое почему-то было за стенами города, и похоже он от него оборонялся. Осада была ещё толком не организована, и коротко посоветовавшись и оставив добычу с небольшим охранением, отряд ринулся в атаку. Знали бы они численность этого войска, то может дважды подумали, но с их стороны войска были весьма малочисленны, и это показалось хорошей идеей.

Михайло Воротынский выезжал с войском из Владимира с некоторой поспешностью. Торопиться вроде никуда не нужно было. Даже не смотря на то, что выехал он на неделю позже, в отличие от брата, но его путь к Казани был короче всего. Скорость была вызвана

нездоровым интересом к новым пушкам. На что они были способны, он знал только со слов пушкарей, что же было в реальности, пока было непонятно.

Неожиданности с этими пушками начались, буквально, сразу. Все известные ему до этого орудия не могли передвигаться достаточно быстро, чтобы сопровождать конницу. В лучшем случае они поспевали за пешцами, и то если пушка невелика. Эти же хоть и замедлили движения, но не сказать, чтобы очень. Да и весь обоз этого наряда не отставал. Подобное никак не вписывалось в привычную картину мира. С пушками были знакомы все, потому интерес они вызывали изрядный. Вот как раз любопытство куда серьезней снижало скорость. Ещё кони эти. Поднявшие им цену, куда-то за облака.

Михайло отказать в смекалке было нельзя, и он хорошо подмечал все необычности. Потому, когда подъехали к Нижнему Новгороду и встали лагерем, взялся он за изучение этих пушек вплотную. На волне всеобщего интереса, процесс прошёл спокойно, никто не роптал.

Секрет необычной подвижности был прост, оси для пушек и телег были железные. Потому-то они и выдерживали большие нагрузки и не ломались. Да и колёса к ним были куда мудрёней, чем обычно. Всяко столько железа и бронзы в их производстве не использовалось! Это позволяло передвигаться гораздо быстрее и не бояться, что всё рассыплется.

А зарядные телеги! Ведь ничего подобного до этого не было. Всё-то было продумано до мелочей. И железное кострище, в которое насыпали угли и раздували их мехами, чтобы калить ядра быстрее. Даже предусмотрели, как быстро разжигать угли. Ядра были обычные, из чугуна, но довольно ровные и круглые, без явных следов точения. Там же, наконец, он увидел зерненный порох, про который так много ему рассказывал мастер Пушечного двора. Зёрна были довольно неровные и разных размеров, но на ощупь гладкие. Хранился он в провощенном бочонке. Подсушивать такое зелье было не надо. Были даже специальные совочки, чтобы не ошибиться с количеством.

Как уверяли пушкари, орудия стреляли сильно чаще прежних. Но вести огонь из них пока не стали. Не было достойной цели. Ежели бить кого из царского подарка, так только по басурманам. Но вот целые манёвры с ними устроили. Целый день кружили по полям вокруг Нижнего. Видя такое, горожане тоже стали любопытствовать, чего тут творится. Только тогда Михайло понял, что на самом деле вручил ему в руки Великий Князь Московский. Не в красоте была их сила, и даже не в размере.

Появление этих пушек изменит и рисунок, да и всю картины боя. Орудия и сейчас давали значимое преимущество, но эти же. Пока противника нужно выманивать под выстрел, потому как они не поворотливы. Эти же можно было подкатить куда нужно, пальнуть дробом и по быстренькому откатить за строй, а уж как враг, взъяренный такой наглостью, кинется на тебя, встретить его залпом из обычных. А в Поле эти пушки, так просто, незаменимы будут. Не ему ли, воеводе оттуда, знать это!

Теперь можно будет нападать даже на превосходящего тебя числом противника, и гонять его в хвост и в гриву. Какие возможности открываются-то! Жаль пока мало их, но ничего, раз государь взялся за них, то скоро их станет больше, гораздо больше. К этим выводам пришёл не только он, а многие от Поля. Поглядывать на пушки стали гораздо одобрительнее и не только из-за коней.

Но всё когда-нибудь кончается, вот и эта передышка пролетела, и войско возобновило движение. Перемещались они по заселённым казанским землям. Большинство было прорусски настроено и потому особо никого не зорили, но уж ежели попался противник, то

обдирали таких, как липку. Волга была традиционным торговым маршрутом и эта вражда между Москвой и Казанью, для живущих вдоль неё, была, совершенно, не нужна.

До назначенного срока оставалось два дня, а пути до Казани оставалось меньше одного. Ни два не полтора, блин. Если не двигаться и ждать чтобы прийти в назначенный срок, так можно дожидаться казанцев, и решил идти Михайло напрямик на вражескую столицу.

Надежда на извечное, русское авось и божью поддержку. Видно, в этот раз, господь решил помочь своим чадам, или просто повезло, но когда войско подошло к Казани, то стало видно, что ворота открыты. Такого подарка никто не ожидал, и колонна рванула в город. Не сказать, чтобы охрана ворот совсем не заметила скачущих в город русских, и даже попыталась их закрыть, но, как известно, историю пишут победители. Русские успели раньше. Гарнизона в городе почти не осталось, и захват прошёл почти без проблем.

Соппротивление оказал, только укреплённый дворец. Но тут как нельзя, кстати, пришлось "государевы" пушки. Как там сказал мастер, зверство лютное, оно самое и было. Пушки поразили просто удивительной точностью и скорострельностью. Четыре пушки, за кой-то час, с небольшим, разворотили ворота. Как говорится: дольше готовились и прицеливались. Сделано это было так быстро, что оборонявшиеся ничего толком-то, и предпринять не смогли. Одна проблема, тушить ворота, да и постройки за ними, потом пришлось, что в деревянном городе оказалось делом совсем не простым. Зело сильнее огненных кулей эти калёные ядра оказались.

Понимая, что войск совсем недостаточно, с разграблением Казани решили повременить, вдруг удержать удастся. И войска стали рассредоточиваться для обороны и укрепляться в городе. В первую очередь, наконец, закрыли все городские ворота. Вовремя, ох вовремя это сделали. Вдалеке показалось задержавшееся войско Сафа-Гирей.

Как проклинал всех на свете шайтанов по имени русские, казанский царь. Решил он, что его предали, и город буквально кишит смутьянами. Не зная, что делать в такой ситуации, да ещё с русскими на хвосте, решил пока сесть в осаду. Странная она получилась. В войсках у него стали перешептываться и помаленьку растворяться в ночи.

Разведчики донесли о странном поведении казанцев и князю Серебряному. Он-то, в отличие от Сафа-Гирей, знал, что братья Воротынские куда-то ведь ушли. Может они, и захватили город? Его войско стало готовиться к завтрашнему бою.

Противника почти не было перед Александром потому, что к этому времени князь Серебряный нанёс свой удар, а Михайло рванул к нему на поддержку через ворота. Собственно казанцы уже дрогнули, появление ещё войск превратило этот процесс в паническое бегство. Бой практически прекратился, и русские были заняты в основном ловлей разбегавшегося войска. Царю не посчастливилось уйти. Его труп нашли к вечеру.

Никто не планировал захват Казани, но череда случайностей и бардака привели к этому. Было это скорее чудом! Могло ведь всё и не так удачно для этой тройцы авантюристов закончиться. Войну, к сожалению, это не закончило. Скорее только масла в её огонь подлило. Покорение Казанского ханства растянулось почти на десять лет и закончилось в 7059(1551) году от сотворения мира.

— Мать его за ногу! Сходили, пограбили Казанское ханство!

Была уже середина мая. Война там только разгоралась. Не смотря на это силы, в регионе, пришлось ограничивать. Не можем же мы оголить всю страну ради разборок с Казанью. Остались далеко не самые лучшие. Но в принципе и просто хороших, пока, хватает. А как радужно было ещё в Апреле....

Весть о взятии Казани потрясла всех в Московском государстве. Наконец! Наконец столица одного из враждебных государств повержена. Я грешным делом тоже поддался этому настроению. Из Лукьяново уезжали в спешке. Какое нафиг стекло, когда такое творится! С ним пока засада, ну ничего, главное людей подобрать, а там делов наделают. Придется пока диковинки восточные вернуть мастеру, мне купят и получше, но не это важно, а то, что своими силами, ничего подобного мы сами не сделаем. Стекольщиков, хоть каких надо приглашать. Всяких мастеров, даже не самых лучших, но как можно больше. Лучших, будем отбирать на месте, и делать их преподавателями.

Посольство в Италию готовить надо безотлагательно. Благо там куча мелких государств, да и Папа свирепствует. Да и не только в Италию. Рассчитывать, что удастся переманить венецианских мастеров, не приходится. Но и даже просто знающие новые прогрессивные для нас методы подойдут. Свои кадры надо начинать растить. Тем более что-то с отроками, оставшимися в Коломенском нужно делать. Вот там и будем открывать Московские Воспитальные дома, по моей задумке эдакие университеты. Будем готовить и Муролей, да и дорожников.

С пушками у нас тоже ведь не всегда так было. Как ни странно, но на Руси делали сразу пушки. Периода бомбард не было совсем. Первыми были железные кованые орудия. Искусствоковки развито очень. Об этом можно судить по качеству сварных кузнечных швов. Потому-то русские орудия удивляли всех соседей своей прочностью и надёжностью. Постоянно попадаются описания случаев, когда Русские засыпали пороха две, а то и три нормы, стан после этого разваливался, а ствол ничего, целёхонек. Но таким способом больших орудий не изготовить, а тем более великих.

Вторым периодом стало появление у нас литых бронзовых пушек. Само искусство литья из сплава меди и свинца привезли на Русь итальянцы. Они же и начали изготавливать первые для Великого Князя Московского. Русские уже потом творчески доработали методику, и теперь мы имеем то, что имеем. Насколько я ориентируюсь в этих делах, а ориентируюсь, довольно слабо, но всё равно могу судить, то Европе до нас в этом вопросе ещё столетия пути.

Пока возвращались в Москву, было время подумать. Всё-таки здравый смысл во мне восторжествовал. Под шумок Казанского взятия в первую очередь нужно кончать с бардаком в управлении армии. Она не имеет чёткой иерархии званий, потому и такой разброд. Но ведь будут сопротивляться. Рубить головы придётся. Нужен новый приказ. Название придумают сами. Точно!

А поставлю во главе его своего оставшегося дядюшку. Потом, наверняка, будет кого скормить обозленным. Главное, чтобы сделал, что мне нужно. Выполнит как следует,

защиту, а уж ежели без моего позволения чего наделает, то туда ему и дорога. Зря первому всё-таки голову распорядился отрубить. Мог бы вот так ещё послужить. Говорили же мне всегда, чтобы не спешил. Даже эффективных менеджеров можно в их бездарности использовать. Ну что теперь вспоминать.

Пока суд да дело немного повозились и с печатными станками. Определились с размером страницы и изготовили поддон, в который набирали буквы. Планки сделали, закреплявшие их в строки. С горем пополам отпечатали, нечто вроде односторонней листовки. Собственно, на этом и остановились. Нужны помещения, а была зима, пока ещё и строить слегка проблематично. Нет, кого можно было и потеснить, да и найти чего, но это, опять же, не к спеху, всё одно с бумагой пока затык. Летом подобрать нужно будет место, и возводить Печатный Двор. Пока дал задание размыслам придумывать печатную машину, или где подсмотреть и сделать такую же, а ещё лучше печатника какого переманить.

А вот вести с востока не радовали. Главной для нас неожиданность оказалась активная поддержка казанцев со стороны ногайцев. Собственно, никаких сношений с их ордой мы до этого не вели. Нет, конечно, коней там покупали, шерсть, шкуры, но это всё они сами привозили или их купцы. Но сейчас мы столкнулись с ними, как с военной силой. Ничего неожиданного из себя они не представляли, но количество. К концу Апреля множество отрядов конников со стороны ногайцев уже воевало в Казанском ханстве. Если принять во внимание, что взбунтовалось и население, вернее казанская знать, а за ними и простой люд, то дело приняло серьёзный оборот. Фактически Казань оказалась в осаде.

По отдельности эти факторы были пустячными, перемололи бы их со временем, но был фактор Крыма. Старший сын Саипов, Имин-Гирей, напал на Северскую область. Нападение отбили, но не совсем удачно. Войска перебрасывались из Казанского Ханства и были уставшие. Часть войск было из не участвовавших в походе, но их было не достаточно. Объединенные же они выгнали татар, и даже отбили часть полона, но не весь. Это был тяжёлый удар, по разоренной боярским правлением земле. Стране ещё только предстояло вставать на ноги.

Везде быть сильными не получалось. Поэтому в этом году решили закрепить достигнутый успех в Казанском ханстве. Ближняя Рада, да и бояре рвались на большее. Тоже мне деятели. Чего когда имели всю полноту власти, так не петушились. А сейчас рвутся до славы. М-да, Серебряный и братья Воротынские у нас сегодня герои. По совести им головы рубить надо, за самоуправство, но где теперь. Победителей не судят. Вся троица попала в думские бояре.

В Казань обозы стали собирать большими и сопровождать войском. Выручала и судовая рать. Удалось не допустить противника в горную сторону. Горные черемисы и чувашки активно переходили на нашу сторону, но необходима была защита новых союзников. Боевые их возможности вызывали сомнения. Потому на этих землях, на берегах Волги, решено было ставить два новых города. Также решили укрепить Мокшан, Алатырь и Тетюши. Это всё позволит нам, наконец, снять фактическую осаду Казани и обеспечит надёжный контроль примерно над пятой частью территории Казанского ханства. Чувашки в результате окажутся под защитой кольца городов-крепостей, да и относительно спокойный путь по Волге, будет обеспечен, хотя бы на этом участке.

Неожиданной проблемой оказалось подбор названий для двух новых городов. Нет, подхалимы жили во все времена. Оба пытались назвать, так или иначе, в мою честь. Пришлось прямым текстом посылать такие предложения по бездорожью. В итоге названия

всё же подобрали, и слава богу, без моего имени в них. Один назвали Чебоксары, а второй Свияжск.

Воротынский старший тоже раскатал губу, пришлось закатать. Да, сдал он. Я ведь после того приёма-то поинтересовался. Совсем не тот он стал. Была грамота ведь с моим указом, так ведь даже с ней не смог совладать с местничеством в армии. А каким был в молодости.... Как они тогда крымцев гоняли, судя по рассказам.... Может хоть сыновья в него пойдут. По итогам похода многие голов не сносят. Нет, до чего оборзели, на великокняжеский указ им начхать.

Под это дело создание ещё одного приказа прошло на ура. Получил новый орган управления армии название Разрядного. Только кандидатура его главы в виде моего дяди, несколько остудило пыл бояр. Не удивительно. Должность оказалась очень высокой. Ведь в армии обязаны служить все. И как бы все в подчинённом положении оказываются. Тем более, у совсем не авторитетного лица. Пришлось крылья-то подрезать сразу.

Назначение старших воевод происходит только по моему указу. К ним относились: полковник, легкий воевода, кованный воевода, воевода наряда, большой воевода и московский воевода. Причём московский воевода может быть только в одном числе, собственно это было звание главнокомандующего армией. Ему будут подчинены все. Со временем только с его подачи будет происходить присвоение очередного звания или его лишение. С ранжированием остальных сразу не определились. Но со временем продавлю их порядок по возрастанью, согласно списка.

Пока же мой дядя ликовал. Не знает, под какой каток можешь попасть. От она победа со всеми плюшками! Пока пускай под его эгидой порезвится. Ведь обязательно наворочает дел. Зато потом будет легче его превратить в подобие генерального штаба. Пока же я поставил задачу главе извести на корню местничество в армии. Ох, мне прямо страшно становится, от того как это делаться будет. Народ тут прямой, извести, значит, извести, всех своих недругов, а друзей и знакомцев поставить. Потом, прямо-таки воплощением справедливости стану. Ха!

— Как же всё бросить охота!

Заняться чем-то интересным, а не этим ворохом проблем. Если всё будет нормально, то думаю к следующему году, проблемы герметичных соединений для паросиловых установок решим. Собственно, конкретно так озадачил розмыслов подбором состава припоая. Свинцово-оловянного, бронзовый-то использовали, но пользоваться им не такая и простая задача. Зато резцы припаять к основанию пушечного сверла самое то. Правда, пришлось создавать шаблоны, названные кружалами, на диаметры, чтобы отремонтированные пушечные свёрла имели тот же диаметр, хотя бы примерно.

Если честно не знал ни одного состава таких припоев. Помню только по автоделу Баббит, или СОС-6-6 Сурьма 6 % Олово 6 % остальное Свинец. Припои имели, помнится такой же состав, только в других пропорциях. Сначала напугала мысль, а где тут взять Сурьму? Оказалось такое вещество здесь известно. Посмотрим, то это или нет. Правда, совсем не знаю, как эта сурьма должна выглядеть. Главной проблемой оказалось не это.

Свинец и олово почему-то здесь различали плохо, можно сказать, совсем не различали. Первым чем и занялись, так это поиском надёжных способов сортировать эти металлы. Ко всему прочему аккумуляторный металл покупался исключительно в германской неметчине. Помнится, историки писали про большое содержание в нём серебра. Прямо бяда. Знать бы как его оттуда проклятущего добыть. Химика! Полцарства за хорошего химика! Однакось

проблемка. Даже науки такой нет ещё. Пока в этой области рулят алхимики, а это, мягко говоря, не совсем то. Может и ими озаботиться, глядишь, чего и выйдет в итоге.

А за окном солнышко и тепло, и скоро Апрель кончится. Там ещё посевные комплексы пробовать надо. Правда, не 30, а только 11 сделали, но я и на это не рассчитывал. А времени нет. Столько обязательных мероприятий. Хоть весна в этом году и задержалась, но пришла бурно и снег буквально за несколько дней сошёл. Чувствую, что уже опаздываю со сроками высева, но не знаю, как вырваться из этой круговерти. Как в этом анекдоте.

— Чего так долго дерево рубите?

— Топор тупой.

— Так шли бы и наточили.

— Некогда, рубить надо.

Если не испробовать сейчас, то ещё один год потеряется. Ведь недоделки и ошибки обязательно будут. Только бы испытать, так ладно, но нужно ещё уточнить, а стоит ли овчинка выделки. Тут ещё тот единственный выживший помидор, да и перцы, в конце концов. Идея всем этим заняться кажется уже не такой привлекательной.

— Всё, завтра еду в Коломенское!

Так и порешил тогда. Блажен, кто верует.

Выехал только через день. Разбойники. Серьёзная проблема. До этого только наместники этим занимались. Государство в целом с преступностью не боролось. Нет, три человека всё же было. Думский боярин и два дьяка. Однако грустно это как-то. Далеко не такое и безопасное место Великое Княжество Московское. Без кучи охраны никуда. Понятно дело и бандитам жизнь мёдом не кажется, все поголовно вооружены. Нет, этим тоже надо заняться, иначе сопровождение не сократить до сколько-нибудь разумных пределов. Пошли проторенной дорожкой, создали ещё один приказ, взамен имевшейся Избы. В прямом смысле она так и выглядела, где-то же борцам с преступность собираться надо. Да.... Однако с названием образовался затык. Так-то, по местным меркам, всё нормально, "Разбойный", да и по аналогии с предыдущим органом. Однако меня на юмор потянуло. Стал выпытывать.

— Не уж-то там одни разбойники?

В таком контексте название показалось боярам подозрительным. А по-другому назвать? Настоящий ступор. Вот как его ещё величать-то? В таком разрезе вполне, вполне. Шутка оказалась не уместной. Одним словом, помучавшись, все-таки так и порешили. Вот такой вот приказ "Разбойный".

Почему я так упёрся в посевной комплекс? Ведь гораздо проще пойти проторенным путём, плуг и чинайская(китайская) рядковая сеялка, и все потрясающий эффект обеспечен. Одна проблема, уже к середине 20-го века стало становиться ясно, что наихудшего орудия для обработки земли, чем эта победа над здравым смыслом, придумать нельзя. Первое и самое страшное, кошмарная засоренность полей после продукта козней сатаны. Казалось бы, это лежит на поверхности, но никому до таких фактов дела не было. Главное количество обрабатываемой земли! А что с ней станет в итоге? Да кого такое интересует!

Он переворачивает пласты и тем самым зарывает семена сорняков, которые могут попасть на поверхность и через двадцать лет, и дать всходы. В результате без химии становится никуда, иначе сорняки просто задавят урожай. Единственное, что останавливало меня, из-за чего я сразу не предал его анафеме, было то, что вскрывать целину (дернину) в этом времени просто нечем. Правда тут нашлась интересная вариация сохи, косуля. Если

продумать её конструкцию, то может и можно будет обойтись без этого слуги сатаны.

Второе, это структура слоёв земли. Земля не просто кусок грязи, а очень сложное образование, в котором на разной глубине располагаются различные организмы. Все они играют далеко не последнюю роль в плодородии почвы. Соха почти не нарушает всё имеющееся, а плуг же разрушает их полностью, тем самым почти полностью лишая почву, так называемого краткосрочного плодородия. Пока земля восстановится. В среднем, урон наносимый плугом урожаю оценивается в 15–20 процентов. Я молчу про увеличение, в результате такой обработки, эрозии почв и их выветривания. Достаточно вспомнить про появление пустынь в двадцатом веке на территории России. Мягко говоря, зная всё это пытаться его внедрить. Я не знаю, кем надо быть?! Землю обрабатывать и урожай растить, это вам не учебники истории писать, с точки зрения классиков Марксизма-Ленинизма, да и с точки зрения свободы мысли.

Так почему же победило худшее орудие, а не соха? Ведь казалось бы, при всей как кажущейся, так и действительной примитивности соха была поистине уникальным по своей простоте, дешевизне и универсальности пашенным орудием. В ней максимально воплотился критерий целесообразности. Соха была незаменима на песчано-каменистых почвах, т. к. пропускала меж сошников мелкие камешки. Достоинства сохи были проверены народной практикой и на лесных росчистях, т. к. она легко преодолевала корневища и т. п.

Однако всё съедали недочеты. Тем недостаточна, что излишне шатка и чрезмерно короткие рукоятки имеет, отчего владеть ею столь удручительно, что трудно сказать, лошади ли, которая ее тянет, или человеку, который правит, ходить с нею труднее. Кроме того она не могла рыхлить на большую глубину на тяжёлых почвах. Из-за этого почву приходилось двоить, а то и троить, то есть по уже пройденной борозде делать следующую. Именно её недостатки и приказали ей долго жить. Работать ей было очень трудно, конструкция плуга позволяла делать всё это гораздо легче. Казалось бы, так и чего тогда думать?! Просто мысль человеческая не стоит на месте и придуманы были и другие орудия, не так разоряющие почву.

Сеялка, лучше вообще без комментариев, но боюсь, придётся. Если проанализировать, то всё что чинайцы дали миру, то лучше засунуть всё обратно в задницу, этим самым улыбчивым парням. Некоторые начнут утверждать, что её изобрели в Индии или ещё где, но раз уж китайцы так упираются в доказательстве, что именно они сгандобили сие изделие, пусть так и будет.

Главный её недостаток заключается именно в посадке зерновых рядами. Реальные потери урожая оцениваются в 10–15 % по сравнению со сплошным или широкополосным посевом. Широкополосный посев предпочтителен по агротехническим показателям, но по урожайности не отличается от сплошного. У него только один недостаток, невозможность его реализации в 16 веке. Сплошной же высев производили спокон веку. Он заключается в равномерном распределении семян по площади. Когда крестьянин разбрасывал зерно по пахоте, он, совершенно не задумываясь, делал именно это.

Правда, в этом случае проводился на абы как. Зерно падало на поверхность, но последующее боронование не дает гарантированного укрытия зерна почвой. Да и укрытие происходит крайне не равномерно. Притом что оптимальным для зерна, к примеру, заглублением является посев на глубину 3–4 см, в моём случае мизинцев. При поверхностном высевании с последующим боронованием потери урожайности оцениваются в 40–70 %. Это как повезёт с последним. Часть зерна попросту птицы выклёвывают.

Собственно именно это и сгубило этот метод. И только через века к нему вернулись. Именно поэтому пошла на ура рядковая сеялка. Реальный урожай вырастал, а трудозатраты снижались. Вот такие выверты истории.

Не сказать, чтобы с недостатками рядковой сеялки не боролись, и даже кое-какие решения были найдены. Последние рядковые посевные комплексы стали, как и все остальные, производить высев на твёрдое ложе. До этого высев производился в рыхлую почву. Как известно, рыхление разрушает капилляры в почве, и условия поступления влаги, на первоначальном этапе ухудшаются. Это приводит к заужению оптимальных сроков высева. В результате происходит частичный высев вне этого коридора и снижение общей урожайности, или увеличению техники на полях, и тогда возрастают затраты. Высев на твёрдое ложе позволяет избежать такого, но рядки слишком редкими не сделаешь и потому, на таком агрегате всегда больше рабочих элементов, в разы больше, чем на агрегатах сплошного высева. Соответственно, увеличивается их сложность и стоимость. Не мой случай. В моих условиях, это просто убийство идеи на корню.

Главный же недостаток таких систем преодолеть невозможно. В случае высадки в ряд, всходы начинают конкуренцию между собой, что и приводит к потере тех самых 10–15 % урожайности. Снижение нормы высева приводит к ещё большему снижению урожая. Тупик. И да, твёрдое ложе, это вовсе не бетон какой, а такой термин, означающий, что зерно легло на не взрыхлённый слой почвы. Не взрыхлен он только во время сева, а не вообще. В 21 веке землю рыхлят на глубины 80 см и более. Если принять во внимание, сколько раз за сезон с ней что-нибудь делают, то можно решить что крестьяне только и знают, как в ней ковыряться.

Вот так, незаметно, оказалось, что победила лень. Пока же ничего этого не произошло, и потому совсем безразлично, что внедрять. Зная же, чем всё кончилось, стоит делать что-то более прогрессивное. У меня пока всех агрегатов нет, но со временем сделаю. Правда рыхлить на большие глубины не получится. Энергетическая характеристика силового агрегата типа лошадь или версии повышенной мощности вол не позволяют производить такого, но на глубину 20–30 мизинцев за один проход вполне. По этим временам и такое сильный прогресс!

Половодье уже сошло на нет и Москва-река успокоилась. Потому решили в Коломенское плыть рекою. Задержка с выездом объяснялась частично и неготовностью к такому моему бзiku. Представляю, как взмылились, собирая суда к такому. Там плыть-то! Но тут дело государственное. Правда, пристани в Москве были только в устье Яузы. Нет, конечно, иметь их где угодно не возбранялось ни кому, но так уж сложилось. Даже у Великого Князя нема. Не только это удивило, у меня и флота такого нет, чтобы просто по реке сплавить куда. Удивление в моём лице, и понимание намёка на лице Тихона. Флот собрался создавать, а толком по русским водным артериям-то ничего нет. Хорошо хоть судовая рать на Волге есть, а то и победы в Казанском ханстве профукали бы.

— Тут хоть что-нибудь создавать не надо?!

Кто-то и это возглавить должен. Ну, раз судами у нас морской приказ занимается так пусть и всем этим займётся. Решено! Курбского озадачиваем. М-да.... Чего так лицом-то взгрустнул? Да назначению на пост не радовался. Ничего.... Стерпится, слюбится.

Ну и само собой стал допытываться, а что за кораблики-то у нас есть. Судовая рать на Волге имела ясаульские струги и стружки. Струги это килевые суда с малой осадкой. Стружок так вообще небольшая лодка на 10–15 человек.

— "Чего?! Длинной 10 и более метров и до 2,5 метров в ширину! Небольшая?!"

Ясаульский струг судно гораздо крупнее и на нём может разместиться 30–40 воев с оружием. Было на них место и для установки пары орудий. В варианте с набоем такое корабль поднимало более 20 тонн. Но настоящим потрясением стали купеческие струги. И с крышей и небольшим отдельным помещением, и поднимавшие на борт до 150 тонн. И они тоже считались небольшими.

Настоящими речными монстрами были насады, от 200 тонн грузоподъемностью и до 1000. Конструкция была совсем не проста. Особенностью было плоское дно. Были варианты со второй палубой. Но все они были одномачтовыми с прямым парусом и управлялись одним или двумя рулевыми вёслами.

Вот тогда-то я и поинтересовался, тем, сколько же грузов перевозилось по Волге. Цифра была в районе 200 килотонн. Фига себе! Одно дело представлять 60 % балтийской торговли, а другое дело волжская в тоннах. Даже примерные прикидки давали ничуть не меньшую цифру торговли на Балтике. Мать моя женщина, держите меня. Вот разберусь немного с посевными комплексами, займусь и этим. Чувствую, Нева-городку быть. А ведь ещё и через Смоленск. С такими делами надо наводить порядок. Великий Князь своими действиями эту цифру явно только увеличит. С Тулы, вон, чугунные изделия уже возят, не говоря про железо.

Где-то же там, на севере, вроде канал есть, вернее будет. Точно, там и на северную Двину вроде что-то было. Пока рыть их рано, но продумать вопрос стоит. Иначе наступит время, а у нас как всегда, даже муха не сидела. Сейчас и так сойдёт. Это же, какие потоки товаров со временем могут потечь через Россеа. Там же вся Ганза слюной изойдёт и захлебнётся. Никуда не денутся, сами к нам поплывут в город на Неве, а мы посмотрим, кого ещё принимать. Точно! Заодно и будет альтернатива. А северным путём, напрямую нашим купцам выходить с товарами в Европу. Блин, какая нафиг война. Кому эта Ливония тогда нужна будет. Пускай меду собой собачастя, а мы ещё посмотрим. Правильно, нам нищета не нужна! А кто они без транзита к нам? Правильно, голь перекатная и есть.

Заодно и Новгороду хвост прищемим. Кого же озадачить этим городом на берегу Финского залива. Однако Макария напрягу. Пускай на пару с Иваном Васильевичам парятся. Ха точно! Построим там Московскую Духовную Семинарию. Забавно, на Неве и Московская. Да и собор там надо отгрохать, не хуже чем на красной площади будет. Чтобы все, кто приплывал к нам, видел величие Руси и крепость веры.

Утро хмурилось. Дождь мог начаться в любой момент. На пристани нас явно уже ждали. Кругом порядок и подобострастие. Вот нифига себе струг. Однако больше тридцати метров в длину. В ширину метров восемь, а может и более. И ведь не один. Людей и лошадей размещают на разных кораблях. Мой, особняком. Для великого Князя. Не хухры-мухры! Видны следы свежей переделки. Но явная спешка, всё же не дала закончить положенные мне по статусу помещения. Ошеломлённые лица кормщиков и судовых рабочих. При моём появлении глобальное падение на колени. Подобострастное лицо купца, склонившееся в поклоне. Суета. Пинки его же, своих подчинённых и матери.

— Чего вытаращились сучьи дети. Быстрее давай. Великий Князь ждать не будет. А ну пошёл.

Недовольное лицо Беззубцева, когда думает, что я его не разглядываю. Ничего, я вижу, понял он всё ясно, что ничего хорошего для него не предвидится. Опять работой нагружу. Они у меня привыкнут ещё и по ночам ко мне прибегать, по первому зову.

Подхожу ближе. Сразу бросаются в глаза свежие доски перекрытий. На других стругах

солома. По крыше наложена вторая палуба, явно для управления судном. И спереди и сзади видны рулевые вёсла, оказавшиеся потесями. Внутри помещение кажется огромным. Заметны попытки серьёзного обустройства. По местным меркам так вообще шик. Все недочеты старались укрыть дорогой тканью и мехами. Вот ведь! Хорошо оконца догадались сделать, возле одного из них я и уселся. Ну и Беззубцев, страдальчески, идущий ко мне, объявился.

На берегу всё ещё ругаются, но похоже, погрузка завершается. Наконец крики стихают, и ощущаю, как мы начинаем движение. Похоже, отталкиваются шестами, об этом говорит стук по бортам. Характерный такой, дерева по дереву, с трением. Медленно начинает удаляться берег. Слышен только плеск воды и поскрипывание корпуса. Да, по реке двигаться комфортней. И почему я так раньше не делал, может уже и суда бы были. Такое умиротворение, даже разговор с Иван Ивановичем начинать не охота, но надо.

— Ну, что Иван Иванович, ты наверно догадываешься, что позвал я тебя в эту поездку не просто так.

— Государь, смилостивись! Чем я так провинился? Опять ведь что-то удумали.

— Не без этого. Ничем ты не провинился. Сам пост занял, насильно не заставляли, так и не ропщи. Вон и другим достаётся, некоторым и по более будет. Чего вы все со своими подворьями носитесь? И без вас построят.

— Как же, построят! Разворуют всё шельмы! А ежели чего нелепо сделают. Глаз да глаз нужен!

— Ладно, переживёт стройка немного. Неспроста я тебя в путешествие своё по реке позвал. Вот про реки и будем говорить.

— А чего с ними не так.

— Всё не так. Но не всё тебе решать. Многих это коснётся. С тобой же решать будем по устройству водных переходов с одной реки на другую, взамен волоков.

— Это ещё что за невидаль? Прости за дерзость.

— На самом деле невидаль. Рвы рыть будем да запруды особые, так чтобы даже самые тяжёлые насады проводить по ним вплавь. Не сразу конечно, построим на небольшой реке такую штуку. Посмотрим как оно на самом деле, но думаю, оно как в задумке будет. В этом году тебе такое задание. Со временем мастера руку набьют. А там глядишь и придёт время, начнём строить такую штуку между Белым озером и Онегой. Но это пока не к спеху. Для начала Нева-городок делать будем. Вот когда он разрастётся, да купцы прикормятся тем берегом, товар надо будет туда везти в великом количестве. Тогда и наступит его время. Ещё бы на Северную Двину такой переход устроить, но там пока глухо как в лесу. Обойдёмся думками и про один.

— Это как так будет-то?

— Опосля объясню. Смотри как здорово! — Сказал я, указывая в оконце.

Беззубцев чего-то пробурчал, выглянув туда, куда указывал ему Великий Князь. Видимо ничего интересного для себя там не увидев. Меня же тянуло наружу. Подышать свежим воздухом, посмотреть вокруг. Если честно, за прошедший год я по-настоящему почувствовал, что такое одиночество. По сравнению с тем, в какой ситуации сейчас оказался, то, что я принимал за одиночество, сошло бы за сплошное компанейство.

Само по себе уже то, что я являюсь Великим Князем Московским, отделяет меня от остальных не хуже каменной стены. Тут ещё и фактор возраста. Со сверстниками мне общаться уже не по статусу, а для окружающих я всего лишь отрок с причудами, которые

надо исполнять, ибо судьба. В общем, захотел выбраться на тот самый помост. Там выше, виднее дальше, и не такой сумрак. Оказалось, про такое не подумали. Слишком быстро переделывали. Это дело было исправлено выбиванием нескольких досок перекрытия. И я, наконец, выбрался на помост.

Кругом бурлила жизнь. Не правильно выразился, пробуждалась. Опять не так, в смысле, уже пробудилась. В общем, кругом была уже зелень. Казалось бы, недавно были морозы и снег, а вот прошло немного времени и всё уже зеленеет и цветёт. И воздух был тёплый, вернее душный, каким он бывает перед дождём. Всё равно было хорошо.

На настиле же возникло полнейшее замешательство. Народ в панике. Толи потесями махать, толи падать на колени. Положение спас кормщик.

— Ну что вытаращились? Того и гляди потеси попадают. Я что ли деньги за вас отрабатывать буду! Чего бы делать, лишь бы ничего не делать!

Постепенно, обстановка выравнилась. Судовые рабочие занялись своими обязанностями, но то и дело косились в мою сторону.

— Государь, спустились бы вы оттуда. Не безопасно ведь там. — Напомнил о себе Иван Иванович снизу.

Ну чего ему надо. Просто хочется ведь посидеть посмотреть на воду. Эх, солнышко бы. В стороне вспыхнула молния на полнеба, а затем оглушающе гроыхнуло. Вокруг неистово закрестились.

Не слабо эффектно. Эх, ляпота! Только почти сразу красотень кончилась. На нас обрушился, как из ведра, весенний ливнище. Такой дождь, это совсем не тёплый летний. Промок практически сразу, да и замёрз. Спуститься быстро вовнутрь быстро тоже не получилось. Оказалось совсем не просто по мокрому и скользкому от воды скату двигаться. Слава богу, не свалился в реку. Но всё же забрался вовнутрь. Дождевые струи влетали в проделанное отверстие. Хорошо со мной был ворох запасной одежды. Я быстро переоделся, но согрелся не сразу. Пока, укутавшись, копил тепло, наблюдал, как с матами пытаются заделать дыру в крыше, сделанную по моему приказу. И чего мне не сиделось?

— Иван Иванович. На прудах тех нужно построить будет ворота особливые. Через них корабли будут проплывать из реки в пруд и наоборот. Только пруды те дюже огромные будут. Главным секретом будут эти створки. Такие надобны, чтобы воду не пропускали, но когда необходимо, открыть можно.

— Так напором же смое, и вода из пруда уйдёт.

— Думал над этим. Выходит ворот таких не одни надо, а несколько, чтоб вода ступеньками была. И крепкими их надо делать, чтобы не выдавливались. Для того и говорил, что надобно сначала малые сделать. Посмотреть, как оно будет, и что лучше придумать.

— Эвона как.

— Да, мы так получим как бы небольшие пруды, ступеньками. Но не простые, а соединенные между собой особой системой труб. Спуская воду с верхнего, в соседний, нижний мы выравнием воду, после чего откроем ворота между ними. Так корабль проплывет дальше.

— Всё равно не понятно.

— Ладно, вернёмся в Москву, с размыслами сделаем эту штуку, очень маленькую, для просмотра и увеселения. Они заодно поймут, что надобно.

— Ежели так, то ладно.

— Ещё Иван Иванович, я, конечно, попросил Иван Васильевича разыскать Петра

Фрязина. Негоже когда такие мастера покидают государство. Оно ведь людьми сильно. От произвола боярского бежал. Людей надо послать. Пускай так и скажет, что Великий Князь просит вернуться и учеников учить строить крепости.

Плыли мы довольно медленно и прибыли на место ближе к вечеру. Меня уже стало морозить, а к ночи поднялся жар. Никакой речи про посевные комплексы уже и не было.

Температура поднялась, похоже, высока. Судить приходилось лишь по примерным симптомам. В своё время поболеть успел. Здесь градусников не было, потому насколько много, можно было только гадать. Напугало это изрядно. Лекарств то тоже тут нема, да и придворный медик остался в Москве. И чего я его с собой не взял.

Хорошо хоть про спирт вовремя вспомнил, вернее очень крепкий самогон для зажигалок, и велел делать себе растирание. Ещё меня поили какими-то настоями и заваривали травы, и опять же поили. Честно говоря, вспоминаю это как бы в тумане. Три дня провалялся в полузабытьи. Только на четвёртый день стал приходить в себя и с удивлением узнал, что уже и вся Дума и главы всех Приказов и Ближняя рада полным составом здесь.

Насколько понял, вызвали даже всех ближайших родственников. Мало ли, вдруг преставлюсь, кого-то тогда другим Великим Князем делать надо будет. Разумом понимал, что это, в общем-то, правильное решение, но то, с какой готовностью и скоростью это организовано, невольно наводило на мысль о заговоре. Чур меня, чур! Хотя в каждом бреде есть маленькая толика разума. Присмотреться надо к этим деятелям. А-то чувствую, тут крышку гроба быстро забьют.

Только на пятый день, когда стало ясно, что государь пошёл на поправку, вся властная верхушка Великого Княжества Московского стала разъезжаться. И вновь поскакали гонцы разворачивать тех, кто ещё не приехал. Только я хлопал глазами. М-да, пора серьезней относиться к своим действиям. Вот на кой черт меня понесло на крышу?! Сейчас бы не валялся пластом, а делом бы занимался. Ведь уже пора понять, что любые мои действия имеют последствия, причём для всего государства. А если бы не поправился, что бы тут сейчас началось, и это в момент фактической войны на юге? Опять бы Казань бросили.

Да ладно бы это. Сколько в борьбе группировок погибло бы? А в темницах сгубили бы? Мне, конечно, Телепнёв-Оболенский ничем особо не дорог, но его судьбе тоже не позавидуешь, хоть он сам и не ангел. Жестокое время. Проявишь гуманизм, тебя же самого и сожрут. Здесь это просто слабость и трусость.

Настои высокими вкусовыми качествами не отличались, но куда от них денешься. Медика тоже пригнали сюда. Забавляли его постоянные стычки с местной знахаркой. Никак наука в словесной перепалке не могла одержать вверх. Да, бабушке в рот палец не клади, по самые уши ногти пострижет. Хотя, конечно, её бы до меня без моего указа, причём письменного, ещё до забытья, не подпустили. Так что пускай радуется, не он головой рискует.

Кроме этого, всё было скучно. Пытались меня в церковь таскать на все службы, но и в этот раз отбрыкался. В общем, ещё не долечившись, полез в работу. Вернее в то, что мне казалось важным. Под моим присмотром посадили кукурузу, и посеяли семена, как я надеялся картошки. Заодно обнаружил, что одним комплексом явно пользовались, и он уже был сломан. На остальных явно муха не сидела.

— Чего это с сеялкой-то случилось?

— Не волнуйтесь государь, виновный уже в "холодной". Дожидаемся только вашего выздоровления, чтобы суд провести.

— В каком смысле? За что его туда и почему судить?

— А как же! Казённое имущество поломал.

— Вот язви его в душу. Так их сюда и привезли, чтобы спытать. Ежели поломаются, то не беда. Дело-то новое, как ещё узнать их слабости. Сейчас же ослобоните. Ишь, чего удумали, судить!

— Сей момент.

Надо сказать, что эти сеялки, совсем не походили на те посевные комплексы, что мне когда-то приходилось создавать. Ничего удивительного в этом не было. Разные условия, разные решения. Хотя бы уже то, что отличаются тягловые усилия. Тот же Белорус имеет мощность 80 л.с., а местный его аналог, лошадь, только тринадцать и то, на очень непродолжительный период. Это если лошадь хорошая. Клячи же, которые пока преобладали, от силы 5 л.с. дадут, а потом и вовсе могут подохнуть. Одна надежда на быков. Пара таких, пожалуй, на короткое время и Белорус заменят, не полностью, конечно.

Во-первых, в ней почти нет металла. Всё делается из дерева. Короб под зерно выполнен из струганных досок и расположен над почвообрабатывающими агрегатами. Они же и высеваящие. Представляющие из себя, несколько модифицированные, стрельчатые культиваторы. При их износе в принципе любой кузнец сможет заменить его. Во-первых, гораздо уже привычных мне. Всего около 28 см. Вынужденная мера, чтобы разместить три штуки, иначе не уровнять силу сопротивления почвы. К тому же, имеющих большее возвышение, для размещения под ними высеваящих элементов. И приклёпаны, к литой чугунной трубообразной конструкции.

Всё это крепилось четырьмя длинными бронзовыми болтами к деревянной раме. В комплекте шёл ключ, чтобы всё это можно было открутить. Главная здесь хитрость в регуляторе подачи семян. Сделан он простейший валиковый. Фактически, молотильный агрегат наоборот, только маленький. Внизу крепится отражатель зерна. Тоже не простой элемент. Его конструкция обеспечивает равномерность рассеивания семян под лапу.

Всё относительно просто. Только одна проблема. Создание такой сеялки, какую сварганил, в этом времени, без познания невозможно в принципе. Нужны столетия опыта. Другой уровень химии и микробиологии. Другой взгляд на сам процесс. Там в будущем сравнивают уже не отдельные орудия, а системы обработки почвы. Здесь плодородие истощают, а там добиваются его восстановления и даже увеличения. Хорошей считается та, что обеспечивает поднятие плодородия почвы от 0,7 % в год. Лучшие, дают такое увеличение 1 % и более. Дети будут получать больше урожай, просто потому что земля станет лучше.

Всё это выводит на первый план создание и других орудий. Обработка земли дело не простое. Бороны здесь есть. От этой мысли даже поморщился. Сделаны из деревянных прутьев, между которых зажаты, хорошо, если железные, но в подавляющих случаях такие же зубья. В принципе конструкция знакомая, помнится, в детстве видел, только полностью из металла. Они и выполняли роль тяжёлых. Ящики на них навешивали и земли насыпали, так и регулировали глубину рыхления.

Чего придумывать, если и так использовать можно. Зачем она эта борона нужна? Необходима она только весной. Для укрытия весенней влаги. Попросту взрыхлить почву на 4–5 см, мизинцев. К тому же спровоцировать сорняки на более раннее прорастание. Вроде глупо ради одной операции огород городить. А надо! Это очень важные действия. Так расширяется период оптимальных сроков посева, что позволит сеять одному двору больше,

получая лучший урожай. Да и взрыхлить верхний слой перед посевом.

Ещё нужна лёгкая борона. Обычные не подходят. А она нужна. Да слов нет в русском языке, как! Это единственный инструмент, который позволит бороться с сорняками здесь в период до и во время всходов зерновых. Правда многолетние она не затронет, но они и не являются главными. Их косить будет сеялка, в основном. Так что придётся делать новую конструкцию. Сложной она получится, но других вариантов нет. Упростить не выйдет, ну нет тут нужных сталей. А они ох как не просты. Даже в теории пока невозможно их создание. Необходим совсем другой уровень развития химии. Отсутствует совсем. Со скрипом можно причислить к ней Алхимию. Ещё и металлургии.

Опять же культиваторы делать, но это на фоне сеялки и лёгкой бороны, мелочь. Катковые бороны, для осенней обработки. А всё это, чтобы уменьшить количество сорняков и увеличить урожай.

Поломали же первую сеялку по моему просчету. Не предусмотрел я поворотных колёс. Вот и отломили передние, когда разворачивали сеялку. Да изрядную задачку задали. В принципе, проблема решаемая, но не очень надёжно получится из местных материалов, или дорого. Вот и думай тут!

Было ещё три кольчатых бороны, разной конструкции и вида. Две так и не пошли, а одну, по словам размыслов, удалось отрегулировать, подбором количества звеньев цепей. Длина цепи регулирует на них угол атаки. С их помощью выравнивают почву, после сеялки, и вычёсывают подрезанные сорняки. М-да, поле было больше похоже на покос, с уже подсохшим сеном. Как тут хлеб растёт, при такой засоренности. Хотя, может потому его и отдали на растерзание.

Оставшиеся сеялки пытали уже так, чисто для пробы. Правда, зерно всё равно сеяли. И работали ими по всей округе, лишь бы поле свободное нашлось. За неделю переломали все. У одной даже чугунная часть лапы лопнула. Видимо дефект литья. Выявить такое нет никакой возможности, только вот так, при эксплуатации. Дальше только от бога зависит, как он дождичка пошлёт, тепло ли будет, а мы уж сделали, что могли. Да на следующий год делать придётся другие, причём заметно, и всё равно это будут не последние изменения.

Сиди, не сиди, а возвращаться в Москву надо всё равно.

От неудобной позы всё тело затекло. Пришлось открывать глаза.

— Очнулся?

— И вам не хворать Пётр Назарович, — ответил, попытавшись поудобнее устроиться в туристическом кресле.

Кто это прокрустово ложе только придумал? С одной стороны, конечно, лучше раскладного стульчика, но в конструкции мало продумано удобство расположение человеческого тела.

— Вы уже вернулись? — продолжил после нескольких неудачных попыток смягчить свою участь.

— Откуда?

— Э-м.... Но вы же ушли....

— Куда?

Что-то странный у нас диалог выходил. Толи у меня крыша поехала? В результате повисла тишина.

— Тебя чего-то быстро разморило, — сказал он через некоторое время.

— Может из-за солнца?

— Точно, то-то думаю, ты меня всё куда-то отправляешь.

— Да, приснилось. Наверное.... Странный сон, да такой яркий, будто взаправду.

Рассказывать его он меня не просил, но что-то внутри толкнуло буквально излить душу.

— Ты меня извини, но я тебе как сторонний человек, почти историк, между прочим, скажу. Ну и воображение у тебя. Да окажись там любой наш современник, то смяли бы его на раз. Ладно бы язык. В твоём сне ты вроде выкрутился, за счёт несчастного случая. Но само мировоззрение. Не придумали тогда ещё гуманизма и пока ты бы цацкался согласно своим моральным устоям, башку бы тебе снесли. И не помог бы и великокняжеский титул. А замену быстро бы нашли. В нашей истории "Грозный" потому и уцелел, что был просто разменной монетой между противоборствующими боярскими группировками. А у тебя что? Сеялками веялками занимаешься, а в это время заговор против тебя учиняют.

— Может быть. Позвольте вопрос? А почему почти историк?

— Да в школе её родимую преподавал, ну и увлекался помаленьку. Так что не совсем последний человек в этом деле, но и на Академика не потяну.

— А что-нибудь ещё не добавите?

— Почему же, если ещё опрокинем по стопарику, то очень может даже быть.

"Родимая" пошла совсем не так легко, как в начале. Нагрелась уже зараза, да и тёплая закуска не улучшила вкусовых качеств.

— Не знаю уж, почему тебя понесло в то время? Что там сильно улучшать-то? — добавил Пётр Назарович опрокинув рюмашку.

— Ну как, сделать царя не таким кровавым.

— Э нет, тут ты брат ошибаешься. Да на фоне "просвещённых" монархов того времени Иван-то прямо-таки гуманист. Не без перегибов конечно, так тогда они как раз были нормой, это с нашей точки зрения они лишние. Про то и говорю, схарчили бы тебя там, и не

подавились, а династия Рюриковичем может и не прервалась бы в итоге даже, как в нашей истории.

— Да хотя бы избежать "Ливонской войны" и то бы дело!

— Эт ты зря. Думаешь, от нечего делать он туда полез. Повод, конечно, подыскивали серьёзный, но мощностей наших портов откровенно не хватало и большая часть шла, так или иначе, через Ливонию. Даже "литовский путь", и тот там контролировался. А это значит, маржу нам так урезали и сильно. Мы ж тогда не лучше нынешней Украины были. Жили на транзите и продуктах сельского хозяйства. Думаешь, они от хорошей жизни так жопу рвут? Отрежь транзит и совсем не сладко там будет, вот и устроили "войну" с Россией. Безопасность, в те времена, требовала разобраться с югом и востоком, а казна с западными соседями. Вот пока мы внешними угрозами и занимались, всё шло хорошо. И Казань пала, и Астрахань. Походы в Крым пошли успешные. Только как отстранили проводников этой линии от власти и решили добраться до денег, так сразу и получили. Европа она такая, и нацизм простит и геноцид, пока это не касается её денег, особенно если такая политика наоборот, добавляет средств в казну. Вспомни хоть Русско-шведские войны того времени. Это сначала была попытка восстановления статуса, а потом только за звонкую монету и воевали. Русские проиграли, а им нате, Новгород вернули. Да если бы даже ничего между нами не происходило, этот город бы всё равно на нас повесили. Для контроля торговли русским хлебом достаточно одной Ингерманландии. А всё остальное только расходов добавляет. Вот пусть Московия сама их и содержит. Лютая практичность! И все твои идеи обойти с севера всю эту клоаку и добраться до Англии с Францией приведут ровно к тем же результатам, войне со всеми. Не думаешь же, что они спокойно будут смотреть, как мимо них деньги проплываю? Наивно полагать, что проблемы "северного потока-2" только в политике.

— Нет, ну тут да. Но ведь что-то можно сделать?

— Да какая разница. История не знает сослагательного склонения. Хотя, если тебе неймётся, попытайся вспомнить, чему тебя в школе учили, хоть про нитроглицерин. Ладно, давай ещё по рюмашечке.

— Наливайте, я пропущу, пожалуй.

— Тогда удачи тебе в твоём "сне", — проговорил он и опрокинул очередной стопарик.

На меня же опустилась тьма и пришла дикая боль в плече и шее, а вместе с ними последние воспоминания, которые начисто забыл. С ними картина мира резко изменилась.

— Очнулся! Трифон зови быстро княжну! — Почему-то шёпотом крикнул незнакомый женский голос.

— Это ещё кто?! — с такой мыслью открыл глаза.

Никакой свет меня не ослепил, хотя и был день, судя по солнечным лучам, пробивающимся сквозь занавески. Именно они и создали полумрак, комфортный для меня сейчас. Слабость в теле была такая, что едва смог чуть-чуть поворочаться и от этого действия едва не потерял сознание. Боль буквально резанула. Она же была подтверждением, что всё ещё жив. Если не ошибаюсь, нахожусь в собственной опочивальне в Кремле, а значит, как-то моя охрана отбилась и доставила меня сюда. Помню только начало нападения "новгородцев". Подумал ещё тогда, что всё-таки я дебил! Сам же знаю про бандитизм на дорогах и думал, что небольшого охранения хватит отпугнуть любителей ножа и топора. А тут навстречу такая сила! И даже мне стало понятно, что никакие это не лихие людишки. Не на таких конях те передвигаются, если конечно не казаки. Так эти и вооружены, чуть ли не

по брови. Такой шоблой и небольшой городок взять можно. Сеча началась буквально сразу, как только прозвучали слова о принадлежности нашей колонны. Вот только дальше ничего не помню. Потерял сознание и даже не понятно от чего. И почему так болит правое плечо и шея с той стороны?!

Прошло три дня. За это время, более-менее начал ворочаться и говорить. Крепкий куриный бульон творит чудеса. Оказалось, что я ранен, случайной пулей. Чуть правее и голову оторвало бы. Они у ручниц тут не сильно меньше чем у пищалей, а это уже местная артиллерия. Вон и провалялся без сознания почти две недели. Видимо, ещё сильно не хочу умирать, если выкарабкался. Никто ведь уже не верил, кроме Таисии, что выживу. Она-то и притащила в Кремль знахарку, в итоге выхотившую меня, а ведь у неё и Прохор весь в ранах лежит, хоть и не так плох. Медикуса же поймали при попытке к бегству. Удачной, к слову. Но от конной погони он всё равно убежать не смог. Голову рубить сразу не стали, мало ли вдруг ещё пригодится. Но проносил он её не долго. Только очнутся, так сразу его и пригнали ко мне в опочивальню. Как бы я не был слаб, но смог-таки прохрипеть, чтоб на кол его. Кровь мне тварь тут же пустил, добить пытался. Хрен ему, а не моя смерть! Хоть какая-то отрада, что сдох, ублюдок, в мучениях!

Оказывается, это, теперь уже, была, надеюсь, попытка государственного переворота. Шуйский, тварь, умудрился сдохнуть, при исполнении моего указа, прямо в Новгороде! Как уверяет Таисия, своей смертью. Сколько уже передо мной народу на икону клялось, что даже я в это поверил. А вот в этом городе переполненном изменниками, кто-то ситуацией воспользовался и пустил слухок. Де мол князь этот всегда был за них и не хотел невинных на смерть посылать, вот и порешили Великокняжеские наймиты. Не прям такими словами мне это донесли, но смысл похожий. Вот ведь как повернулась ситуация.

И тут я, хрен знает где шарюсь с горсточкой охранников. Сторонникам Москвы кровь в том городе пустили быстро, даже бают, детей не пожалели. Пока сохраняю надежду, что это всё для драматического эффекту сказано. Но от этого не легче. Так вот, опосля конечно задумались, но в этот момент дошла до них весть о моей болезни. На Вече порешили, что это знамение и Великий князь не тот. Тем более ничего уже взад не вернёшь и тут-то и всплыла история с Бельским и его кручениями вокруг Старицкого. Как-то бунтовщики сговорились с ним и чуть было уже он, вернее его мать с ним, в Кремль не вошли, но все планы порушил местный полк, выступивший вдогонку смутьянам.

Вроде и бузатёров, кого перебили, кого полонили, но чья-то черная рука посмела подняться на самого Великого князя. В итоге, пока находился в бессознательном состоянии, ситуация зависла. Сторонников Юрия, как, оказалось, было среди знати предостаточно, всё-таки Бельский был не совсем дурак, да даже и те, что ему не импонировали, застыли в нерешительности. Случись помру, что делать тогда? Одно то, что не удавили, по тихому, уже можно сказать за меня вступились, ведь в такой ситуации "кремлёвцы" защитить бы не смогли. Это на ратном поле, а в интригах без главы, армия не помощник. Сколько раз свершилось чудо, чтобы я выжил, не поддаётся подсчёту, не иначе как божественная защита. Ситуация сложилась хреновая. Власть Великого князя московского ограничилась пределами Кремля. Уже за его стенами сторонники Юрия, совместно с "новгородцами" праздновали победу.

То, что я пришёл в сознание, сначала знал очень узкий круг лиц. Правда, недолго. И вовсе никто не проболтался. Всё проще. Начались интенсивные переговоры. Сначала с теми, кто сохранил хотя бы условный нейтралитет. Честно говоря, сам не стал выставлять жесткие требования. Тут было важнее быстро перетянуть максимальное количество сторонников Юрия на свою сторону. Под наказание попала только его мать. Однозначно в монастырь. Главы, замеченные в открытом сочувствии к нему, отлучались от Кремля, соответственно от аудиенций со мной, рода ущерба не имели, но должны были выставить замену, в том числе и в думу, по своему выбору, но исключительно из молодых, в число которых попадали лишь сорокалетние и младше. Что изначально хотел до попытки переворота, то и требовал чуть не с половины думцев. Самого Юрия обратно в поместье, но только после крестоцелования.

В таком повороте событий, новгородцы, оказавшиеся в Москве, что называется, попали. Весть о моём исцелении пронеслась по городу быстрее пожара. Какого ещё знака нужно было? Тот царь! Под самосуд попали и правые и виноватые и вообще не причастные. Немногих уцелевших казнили через несколько дней на пустыре перед Кремлём. И так оттягивали, как могли. При моей-то слабости демонстрировать здоровье перед подданными, тот ещё идиотизм. Но тут вопрос политический!

Новый Митрополит тоже подсуетился и бывшие церковные земли, оставаясь государевыми, перешли из под управления казны тем, кому они до этого принадлежали, хотя и с оговорками. А вот право церкви принимать пожертвования землёй обсуждать наотрез отказался. Внутренний кризис преодолели на удивление быстро, перетянув под свои флаги почти всю "оппозицию". А вот со Шведской интервенцией так не получалось, да и тати зашевелились, пока в Москве власть делили. К тому же произошло то, чего я старался избежать, но в данном случае от меня ничего не зависело. Ливонцы осадили Ивангород. И тут весть о моём выздоровлении. На подъёме, наши, на плечах орденов, ворвались в Нарву и взяли её. Теперь войны в Прибалтике никак не избежать. А мы к такой не готовы, от слова вообще. Это совсем не степь. Вот и говори тут о личности в истории, которой вообще начхать на твои планы.

В своё время, когда ещё учился в школе, проходили мы по химии взрывчатки разные. Это не значит, что нас учили их делать, но ведь если очень хочется, то всегда можно всё узнать. Тем более время было советское, про терроризм было известно только что он есть и тот за границей. Потому никто, особых, прям уж совсем непреодолимых, препятствий по доступу к знаниям, даже не совсем общедоступным, не чинил. Подбили меня друзья, если быть точным, двое самых из них закадычных, сделать нитроглицерин. Ну, землянку мы уже вырыли, лодку сломали и тут такая оказия на уроке. Святое дело, жажнуть, чем покрепче. Тем более, пугачи уже не в теме, перебиты не радуют мощностью, на поджиги спичек не напасёшься, да и колесо от ТУ-154 уже напильниками почти источили на бомбочки. Ракеты из лампочек быстро надоели. Из пропитанной, аммиачной селитрой, газетной бумаги продержались дольше, особенно после того, как мы их додумались к самолёткам приделывать и запускать те с балкона.

А тут наступил момент, когда неуёмному любопытству и энергии некуда было приложиться. Сначала упёрлись в глицерин, но он, на удивление, пал быстро. Старый эмалированный тазик, медная трубка, отвинченная от какого-то остова на кладбище авто в Экспедиции, говяжий, никому не нужный жир, гашеная известь, а также некомплектный самогонный аппарат, в качестве парогенератора. Пара нехитрых операций и глицерин в наличии. Правда в этом случае остаётся ещё субстанция, так называемое, известковое мыло.

Из него, кстати, можно сделать стеарин для свечек, но нужна свинцовая ёмкость и серная кислота. Как раз то, с чем проблем-то и не было, а значит, сам бог велел его сбавать. Аккумуляторов валялось, сколько бог на душу влезет, и переплавить металл, а потом освинцевать столовскую тарелку из нержавейки, труда не составило. Электролит добыть.... Действительно, получается фиговина, но по причине отсутствия её практической, к тому времени, ценности, свечи продавались в любом магазине, тут же всё это забросили.

Дальше всё упёрлось в азотную кислоту. Хоть тырь с кабинета химии! Но, селитры-то было немерено! Осталась от "ракетной" программы. Опять же, серная, не дефицит, хотя, её обезвоживать пришлось. Разузнать некоторые тонкости даже у химички не проблема. Но выяснилось, в кустарных условиях концентрация азотки будет не очень, но и тут оказалось можно обойти, простым добавлением серной. А вот дальше.... Мало нас пороли! Каким чудом всё обошлось?! Но понял я это уже позже, в эпоху интернета, пока не навводили ограничений. Получили мы его совсем не много и попёрлись испытывать на стройке. Удивительно, как додумались хоть какие-то меры предосторожности применить. В том смысле, что камень, в чашку с жидкостью, кидали из окна второго этажа. Жажнуло на славу! А потом нас разогнал мой же отец и когда убежал от него сломал себе ногу.

Самым обидным было, сидя дома в гипсу, обнаружить в тумбочке, под зеркалом у входа, целую трёхлитровую банку глицерина. А потом осторожными расспросами выяснить у матери, что спроси только, так она мне этой азотной кислоты принесла бы из лаборатории хоть двадцатилитровую бутыл. Да.... А может и хорошо, что узнал позже. Могли ведь и не выжить от детонации такого количества взрывчатки.

К чему я всё это рассказываю? Обратили внимание, сколько раз упоминается серная кислота? А теперь сюрприз! Маленькая скляночка "купоросного масла", так она здесь называется, будет стоять сопоставимо с золотом, того же веса. А теперь самое интересное, с уроков той же химии знал, что её в эти века, да-да, даже не годы, производили считанными килограммами на всю Европу. Вот тебе и динамит, пироксилин, и бездымный порох в одном флаконе для попаданца, как я. Можно ли её добыть в промышленных объёмах и за разумные деньги? Ответ — да. Но в моей ситуации на это потребуются годы, ориентировочно около десяти. А возможно и больше. Всё дело в Пирите, ближайшие месторождения которого находятся на Урале. А значит, сначала нужно взять его под контроль, что уже проблематично, учитывая войну в "Казани". И закончить её в приемлемые сроки, после интервенции Шведов и Орденцев не представляется возможным. Потом его ещё нужно найти, добыть, поддержать полученное сырьё несколько лет под ветрами и дождями, выщелочить водой и собрать полученную жидкость из специальных каналов. Остатки убрать, водичку выпарить и загустить и только потом обжечь в свинцовой ёмкости в присутствии воздуха и паров воды, для получения искомого продукта. Можете в вышеперечисленном перечне найти слова "легко" и "сразу" и тогда можно по быстренькому сбавать множество убойных и от этого милых мужскому сердцу шуток. Ну, и естественно, всех врагов нагнуть, сразу.

Лично я таких странных сочетаний букв не нашёл. Вот и мучает вопрос, а к чему был совет Назаровича? Где мне снился сон, там или здесь? Голова порой пухнет от таких вопросов. Хорошо, обо всякой фигне, сильно задумываться некогда. Но пока не начал уверенно вставать с кровати, пришлось. А потом пошло-поехало. В той ситуации, в которой мы оказались, раньше осени собирать войско против Ордена не выйдет. Воевать Казань никто не отменял, да и прикрывать обширные южные границы, тоже надо, а тут ещё конные

разъезды формировать, и какое-никакое войско собрать, чтобы загнать шведов в Новгород и не дать им разгуляться. Всё на что нас хватило, это начать ускоренно формировать новые стрелецкие полки и городских казаков, должных составить костяк похода в Прибалтику.

Да и я, вплотную занялся артиллерией. Резервы развития на опережение просто огромны, даже без достижений химии. Самые обычные, примитивные, с моей точки зрения, бомбы. Да, с чёрным порохом у них не такая уж и великая убойная сила, но всё же это куда лучше, чем просто ядра. Не только картечью единой, эффективны будут пушки в поле. Да и при осаде хорошая помощь калёным ядрам. М-да, вся экономия от перехода на новый состав пороха и его зернение вот так и съестся. Да уж, переход на новую технологию в такое время. А что делать? Если старый можно и просто иззернить, а затем использовать, пересчитав пропорции на зарядание старых орудий и ручниц, а вот снаряжать новые боеприпасы уже не получится. Вот и мечутся дьяки в Пушкарном приказе, а с ними мастера, переналаживая производство во всех зеленых центрах страны. Решено отказаться от их сокращения, как и производств пушек. Не время. Тула активна начала лить мажжиры от одной до трёх ладоней. Тем более, учитывая их довольно простое устройство, это стало возможным делать и из чугуна. Из железа не решились, ввиду его острой нехватки. Там же стали делать и заготовки для бомб, а вот снаряжать их решили потом. Производство пороха отставало.

Особняком оказался Московский пушечный двор. Вот где мне пришлось насесть на мастеров. С великими пушками возиться стало некогда, да и меня озарило. Какого рожна иметь столько этих орудий, а попросту не повысить их скорострельность и не обойтись двумя тремя для штурма крепостей. Тем более способ придумали и без меня, снаряды с гильзой. Последнее реализовать здесь и сейчас просто физически было невозможно, а вот отделить зарядную камеру от остального ствола очень даже да. Правда и конструкцию самого ствола пришлось пересмотреть, в месте соединения этих элементов, ещё и крепёж придумывать. Но русские не ищут лёгких путей! Тяжело, громоздко, но очешуеть как эффективно! Особенно на опытной одноладонке получилось. Ведь эрзац гильз можно наделать сколько угодно, деталь-то простая и особой обработки не требует. В результате их спокойно заряжают отдельно от орудия и просто подтаскивают по мере необходимости, повторяя процедуру с освободившимися. Да по местным меркам это...! Да и чистить и их сами куда как легче, да и ствол новой пушки тоже. Ни в какое сравнение со старыми не идёт.

На ней же испытали более привычный мне, по форме, снаряд. Пушки ведь не сразу стали нарезными, а гладкоствол и бронзовый пойдёт. Даже взрыватель установили, донный. Если кто в курсе, то поймёт, что для него тоже ничего нового изобретать не надо. Тот же чёрный порох. Главная идея! Хотя, получилось, конечно, не очень. Занял он две трети объёма боеприпаса. Так, что на одноладонках толку от него не было, но ведь на то Тула, чтобы наделать нужных станков и уменьшить, со временем, его габариты. Для осадных, двухладонных же и такой пойдёт. Нарезные орудия и без меня здесь делали, только вот снаряд изменить не догадались. Поэтому особых проблем со стволом и самых новейших, теперь тоже "великих пушек" проблем не возникло. А вот с установкой "гильзы" — да. Пришлось создавать специальный загрузочный припушечный блок.

За всей этой подготовкой к войне как-то само собой прошёл запуск более-менее приличного качества бумаги, которая тут же пошла на печать библии на новенькой печатной машине. Основная проблема была в чернилах, но это были уже не мои проблемы, а митрополита. Нашли какого-то грека, знакомого со стеклоделием.... После беседы с ним долго матерился. Стекла наделаю, торговать буду со всем миром.... Причина высокой цены

была.... И вот никак вот так сразу она не решалась, даже с помощью такого ушлого меня. Не хватало температуры, на качественный прогрев массы. Оказывается, чтобы расплавить готовое стекло нагревать нужна ниже, чем на получение её же из смеси. И хоть тресни, а природного газа здесь под рукой нет, да ещё и материалов для печи. Вот и выходило, что процесс его получения здесь двустадийный. Сначала плавят общую массу, затем её охлаждают. Затем берут молоточек и раскалываю, а полученные кусочки сортируют. Если мастер очень хороший, то примерно двадцатая часть будет пригодной на получение мутного импортного стекла. Полностью прозрачное получить почти нереально, а если и удаётся, то не каждый раз и не больше сотой части. Ничего не выбрасывается и используется, к примеру, в качестве поливы для керамики, или сырья для бус.

Теперь представьте, сколько труда нужно приложить, чтобы набрать материала на одно небольшое зеркальце. И здесь самое главное, секрет смеси! Именно так увеличивают выход самой дорой части. Хотя что-то порадовало. В конце концов, по физики как-то упоминалось, что температура плавления свинцового стекла значительно ниже, чем обычного, но оно тяжелее, да к тому же производство значительно белее ядовитое, да и дороже. Вот и встал передо мной выбор, обменять деньги на чьи-то жизни. Но пригодное для изготовления линз нужно кровь из носу! Тут ещё вести из Литвы. Оказалось, посылали туда посольство, сосватать ихнюю принцеску за меня. Уже сам факт меня возмутил! Меня, блин, даже не спросили! Хотя ладно, решение принималось до попытки переворота Шуйским, а вот их хамский ответ, буквально взорвал. Наверняка осмелели из-за наших нынешних трудностей. Это же надо, заявить послу, будто лучше её в гарем турецкому султану отдадут, чем породнятся со мной! Так-то идея была интересная, хотя и не особенно нужная. Через мать мы и так родственники, но уж сильно дальние, а здесь, очень даже все права были бы на соседей. Как говорится, не срослось. И пусть сейчас я с ними ничего не мог поделаться, но зарубочку себе на память сделал. Ещё порывался сорваться до Холмогор, узнать, что там с моими кораблями, но по здравому размышлению, отказался от этой идеи. Так пролетела весна и лето, а за ними наступил сентябрь, а значит, начался сбор войск.

Пригороды Колывани. Осадный лагерь русской армии 27 октября 1542 года по Юлианскому календарю.

Сидим в шатре, напротив Макарий зудит про происки Дьявола. Типа это он мне науськивает на путь не истинный и заставляет уклоняться от многочисленных и нудных служб. Объяснять ему, что главное это к сердцу, а не к жопе или чтобы ноги устали и жрать захотелось, уже даже не пытаюсь. Зато от его проповедей снизошло на меня просветление и стало ясно как в день божий, откуда все эти посты в будущем появятся. На самом деле, в свете свечей с подсвечника, всё-таки тут темновато, рассматриваю одно очень удивившее меня устройство, а не слушаю его нравоучения. По-первости, Макарий, конечно пытался отвлечь меня от резко образовавших срочных дел. Да и сейчас не смирился и пробовал снова, просто этот момент уже прошёл и дальше уже катилось по накатанной.

Конкретно сейчас изучал кремниевый замок в разборе. Ага и угу тоже. Реально шок сегодня испытал. А как же уроки истории?! А тут вон оно как. Вполне себе параллельно существуют и колесцовые и такие. Этот, к примеру, трофей с прошлогоднего налёта турок.

Вроде и не сложный и пирита не надо, как на его товарку. Да, приходится закупать из-за бугра, дорого, одно счастье, на оружие, его, в отличии от серной кислоты, нужно мало. Здесь же кремний, и по слухам, его чуть ли не под боком добывают, а значит и казне его приобрести можно будет за денежку малую, а то и вообще месторождение забрать. Сатрап я или погулять вышел! Грустно другое! Сколько уже усилий и времени потрачено, на, в общем-то, не нужный колесцовый замок. Нет, возможно и приспособим куда, хоть на продажу, а вот механизм зажигалок придётся срочно упрощать. На кой она эта массовость теперь. В этот момент моих раздумий откинулся полог и в шатёр ворвался свет пасмурного дня. За ним осторожно просочился Трофим, упав для порядку на колени.

— Не вели казнить! — завёл он обычную песнь.

Не удивительно, моё общение с Макарием одобрено наказом самой Таисии, и прерывать его настрого запрещено! Значит, действительно что-то случилось, раз не стали дожидаться его окончания.

— Прибью..., - со зловещими нотками, скорее для острастки, чем реальной угрозой, в голосе, произнёс в ответ.

— Государь, прискакал гонец с Москвы, — прервался он, уткнувшись ещё и лбом в пол.

Признак тревожный. Да нет. Не, это уже ни в какие ворота, если опять переворот!

— Литвины взяли в приступ Смоленск..., - продолжил Трофим, после небольшой паузы.

— Да как так-то?! — воскликнул уже я.

Предела моему удивлению не было. Появление этих участников, в качестве реальных наших противников, даже не рассматривалось. Они же реально не восстановились до конца ещё от Стародубской войны. С другой стороны, учитывая, что верховодят там сейчас поляки, а они склонны больше верить своим фантазиям, что впрочем, верно и там, в будущем, то видимо решили они, будто толпой нас запинаят. Это конечно не массовка муравьёв со слоном, но, ориентировочно, лающая моська и измельчавший заморский "лысый мамонт". Взять этих же литвинов. Нет у них нынче той казны, чтобы проплатить количество наёмников, как в прошлую войну. Хотя, всяко может быть. Может у них идея "блицкрига" родилась, досрочно. Нас много, они одни, закончим быстро. Тоже логика.

Но тогда у них проблема, не учитывают они, что Орден нынче уже не тот. Это хорошо продемонстрировала наша нынешняя компания. По пути к Колывани, ну или на орденский манер, Ревелю, мы захватили всю восточную, а вторая армия, наступающая с Ивангорода, северо-восточную будущую Эстонию. Всё это позволило довольно плотно осадить этот Ганзейский город. Правда, переговоры о сдаче прошли неудачно и вот, мы уже третью неделю здесь сидим. С другой стороны, "ивангородцев" не стали особо задерживать. Раз уж мы так удачно зашли, почему бы весь южный берег финского залива не захватить, пока мы тут топчемся, а если ещё и фортуна улыбнётся, то и острова и чего южнее.

Шведы, ну пусть не смех, но вот конкретно сейчас, пытаются изменить статус себя как полугосударства на самое что ни на есть полноценное. У нас тут не первый год уже переговоры идут, чтобы сношения с ними перенести в Москву из Новгорода. До сего момента они нас в серьёзности намерений убедить не смогли и баяли дьяки, как уж повелось, так пусть и будет. Старину нарушать у нас не любят. Радовались бы, что их куда-нибудь в Колу не отправили. Мнится мне, что и вся история с нападением, способ подобрать аргумент в споре с нами, и просто воспользовались моментом и новгородской затеей. Потому, мы особо насчёт них и не стали суетиться, перекрыли волоки к городу смутьяну и

пережали так ручеек поставок хлеба. Пусть для начала с голоду попухнут, а потом уж интервентами займёмся вплотную, поближе к весне, когда подойдёт их черёд. Отбивать города захваченные изменой, дело не быстрое, возможно не на один год.

И тут Литвины. Чтоб их черти съели! Возможно, хватит выдержать их первый натиск, а там измором возьмём. Хотя нет, такой момент грех не использовать и припомнить их слова с принцесками. Мысль дельная.

— Трофим, мигом за воеводами! — наконец выдал я, после некоторой паузы, возникшей от отсутствия ответа на мой риторический вопрос.

Парой часов спустя. Здесь же.

— Надеюсь, все уже знают о вестях с Москвы?

— Да государь, — произнёс Князь Мышецкий, решившись брать ответ передо мной.

Все они одна кодла, в хорошем смысле слова, и он один из них, хоть и мой нянька. Ах да, здесь собрались, естественно, самые именитые и приближённые ко мне. Не те размеры у шатра, чтобы вече тут организовывать.

— Значит, объяснять не придётся, что засиделись мы тут. Смоленск нужно отстоять.

— Но как же. Просто бросить всё? — решил он мне перечить.

Знает, что ничего за это не будет, а вот свою мысль для окружающих поясню.

— Всё просто, сегодня готовить штурм поздно, а вот подготовить войска к утру уже можно.

— Государь, но как же?! Ничего же не готово! — с недоумением возразил мне он опять. Хотя и остальные стали переглядываться.

— Всё просто. Посмотрим, зря ли я столько возился с Тулой и Пушечным двором. Пора новым пушкам пройти проверку делом. Тем более, очень уж удачно они себя показали при бомбардировке порта. Заодно пусть и докажут, что с ними другая подготовка и не нужна. Сначала постреляем, а там уж как бог даст. Но войска к штурму через пролом в стене должны будут готовы!

Два месяца спустя. Один день перехода от Вильно.

— Заходи, — кликнул я Прохора, когда мне передали, что он по моему повелению, явился.

— Государь, — выдал он, зайдя в шатёр.

— Рассказывай, что такого случилось, что не сразу откликнулся на мой зов?

— Рига пала....

— Это как?

Действительно, у князя Серебряного была всего одна новая пушка, да и та осадная двухладонка из тех, что отметились под Колыванью. Нет, и она могла наделать делов, но ведь гафуниц-то нет, чтобы активно поддержать при этом обстрел всего города, а значит деморализовать противника. Как там, на берегу Финского залива, не получится.

— Сами ворота открыли, лишь просили оставить былые привилегии.

— Так и соглашались бы! Не хватало головы служивых класть из-за неметчины.

— Государь, так....

— Ну молодец воевода Серебряный! Ну, услужил! Так почему сразу ко мне с вестью не пришли?!

— Я попался. Всё обспросил и сразу к вам!

— Гонцу рубль, — крикнул наружу.

Как-то же его наградить надо, а шуба с моего плеча явно маловата взрослому мужику будет.

— А теперь подробнее, — обратился уже к Прохору.

— Войско шло вдоль берега и хотели просто пройти мимо Риги. Местные переправу назло нам, как раз там порушили. Пришлось встать лагерем, чуть ли не под стенами, всё равно роздых людям дать надо было. Почему бы и немного не пострадать. Не тут-то было! Из города гонца прислали, с предложением переговоров. Вести о том, что творилось в Колывани уже пришли сюда и напугали горожан изрядно. Хватило одной угрозы бомбёжки. Всё что требовали, так это сохранить привилегии и мирно покинуть город всем кто хотел уйти. Так Серебряный всё это и сам предлагал, по вашему указу и даже его предъявил переговорщикам. Прямо тот, с вашей собственноручной пометкой: "А тех кто откажется, бить смертным боем!". Очень, говорят, впечатлило.

А ещё говорят, имидж не всё! Потрапились мы пороху в той бомбардировке Колывани, знатно. Ох и прожорливы, на него, оказались новые пушки. Одналадонки с эрзац-гильзами показали себя хорошо, а вот осадные не очень. Уж очень сложно оказалось обращаться с настолько тяжёлыми частями. Будем дальше думать, но это на компанию следующего года. Не помню, как там в будущем они называются, не артиллерист не разу, но видимо будем переходить на порционирование пороха в шёлковые мешочки, для орудий больших калибров. Правда, придётся заморочиться с нормальным затвором. Вот от его готовности и будем плясать, а пока будем пользоваться что имеем. С шёлком тоже не всё слава богу. Никто сейчас гарантировать его поставки, пока идёт война по Волге, не сможет, тем более за приемлемые деньги, но это не повод бросать это направление в артиллерии. Ещё, кстати всплыли воздушные шары. Ох и матерился, на самого себя, что даже не вспомнил про них, а там нормально корректировать огонь не выходило. Дальность-то гафуниц до трёх вёрст и весь город простреливался, да вот не прогладывался никак.

Взять-то мы его взяли, да вот почти без пороха для новых пушек остались. Потому и шатались по Ливонии эти два месяца. Можно сказать на одних понтах и брали многочисленные замки. Иногда-таки приходилось штурмовать. В большинстве случаев нескольких выстрелов "великих пушек" и крупнокалиберных мажжир хватало, чтобы рыцари резко меняли своё мнение и начинали верить нам на слово. Правда, пару раз упорствовали. Но, как говорится: "Их жизнь, их выбор". По мере продвижения пресловутый имидж наработывался и рыцари предпочитали мирно убраться с захватываемых нами земель. Такая вялотекущая компания, особенно на фоне яркого начала, позволила подкопить пороху. Тут-то и встал вопрос, а куда двигаться дальше. Ничего толком Литвины под Смоленском сделать не смогут, и можно бы было всерьёз заняться Шведами, но подумав, решили их пока не трогать и перенести компанию на лето и воевать против них войсками исключительно нового строя, стрельцами и городскими казаками. Думаю, такой подход окажется для них в диковинку, ведь обычно мы воевали вне посевных и уборочных компаний. Лишь когда припрёт, изменяли этому правилу. Ведь войско само себя кормит и зарабатывает на оружие, как раз летом. Так и решили идти на Вильно. Потоптаться по их гордости, да объяснить,

чтоб больше не лезли.

— Ну что ж, всё это хорошо, но позвал я тебя Прохор не за этим. По слухам, в Вильно оказался сам Сигизмунд, который Август. Не его отец. Специально отправлял лихих людишек, проверить. Так и есть, во всяком случае, позавчера, это было ещё правдой. Так вот какое дело. Возьмёшь верховых, лучше из лёгких воевод с их отрядами, и двинешься вперёд основного войска, но не под стены города. Нужен ты будешь, перекрыть дороги, чтобы не сбёг.... Не так, если при тебе попытается уйти, сделай всё чтобы его самого захватить. Не объявится, мы же, к вечеру подойдём, и сходу, начнём штурм, благо теперь знаем, пушки это позволяют делать без длительной подготовки. Но сам понимаешь, время всё равно займёт, и обстрел будет ночью. Полной осады делать не будем, не дай бог убьём, а вот выгнать на тебя постараемся, если к тому времени он так и не решится утекать. Взрывы бомб убедят. Не получится, значит на то воля божья, значит просто захватим город. Он ведь уже сейчас, может, уезжает....

Ночь. В отсветах от зарева горящего Вильно.

В темноте, к группе, наблюдающей за городом, подбегает несколько человек.

— Государь?

— Прохор? — узнаёт того по голосу, мальчик, несмотря на то что того не объявили.

— Получилось! Везут сюда!

Эпилог.

Стоял и смотрел, в прошлом, просто Кирилл, а ныне Великий Князь Московский и Всея Руси, а также, теперь и Великий Князь Литовский, Иоан IV Васильевич не успевший получить звание "Грозный", на уже затихающие пожарища в, буквальном смысле, раздавленном Вильно, хорошо видневшемся в свете разгорающейся зари нового дня. Настолько быстрым и сокрушающим был захват столицы, теперь бывшего Великого Княжества Литовского. Рядом стоял Тихон и бережно держал двумя руками свиток, как величайшую драгоценность. В некотором смысле так и было. Этот небольшой клочок бумаги фактически прекратил существование давнего соперника Москвы за влияние над русскими землями. Это был документ, который как надеялся его господин, наконец, остановит войну.

Как же он ошибался. Это было только лёгкими всполохами набирающего силу пожарища. Того что в России назвали Великой Замятней, а во всём остальном мире значилось как "война за литовское наследие". Началом ожесточённой схватки, втянувшей в свою орбиту множество государств и по масштабам уступившим разве что Первой и Второй мировым войнам, а по продолжительности и накалу ничуть, а то и давшим 100 очков форы. В итоге возвеличившее одних и забравшую всякую надежду на подобное у других. Заодно перекроившую политическую карту северной и центральной Европы.

Не пройдёт и года, а город, находившийся неподалёку, будет захвачен объединённой Имперско-польской армией. Но это будет скорее символ. Его особо никто и защищать не станет, ибо нечего. Жителей в нём не останется, а строения будут растаскивать. Но этим участникам нужен будет символ, где они коронуют нового Князя Великого Княжества

Литовского. И плевать им будет, что на это нет серьёзных оснований. У русского узурпатора, конечно, есть отречение Сигизмунда, в свою пользу. Да кого оно вообще интересует?! И уж тем более, сам отрёкшийся, что сейчас тоже в Москве, "в гостях". Если очень хочется, то можно. И всё бы было хорошо у них, но вот беда, эти московские варвары чуть больше чем через месяц, наконец, представшие перед ними, для разгрома, грязно сокрушили, почти полностью уничтожив вторгшихся. И никак иначе! Честно победить могли только они, а эта толпа могла только подло. Империи этот поход обошёлся настолько дорого, что едва не стоил разгрома в том году от Османов, уж очень ощутимы были потери в войсках.

Влезли даже Датчане. Только не из-за Литвы, а решили под шумок прибрать орденской земли и городов, к тому моменту уже разгромленных москвитями и считавшими всё это своим. Прикупили за недорого острова, так сказать. У непонятно каких бомжей, на ничуть не более твёрдых основаниях. Так тут таких сейчас появилось ух... Те же Шведы, хоть и получили к тому времени по мусалу, и не то что Новгород потеряли, но Выборг, однако претензий на эти земли не поубавившие. Только Испания полностью проигнорировала всю эту "мышиную возню". У остальных по каким-либо причинам, просто, не срослось. А хотелось!

Всё это только будет, а пока даже Смоленск ещё в осаде, продолжается вялотекущая война с Казанью. У одних не хватает сил для решительной победы, а вторым не до них, но скрипя зубами выделявшим войска, чтобы, так сказать, обломать первым праздник души. Вот и выходило, что сейчас казалось концом, окажется только началом. Над огромными землями занимался рассвет войны, но ничего этого, пока, не знал молодой Великий князь.

Больше книг на сайте — Knigolub.net